

Управління культури і туризму Запорізької обласної державної адміністрації
Запорізький обласний краєзнавчий музей

МУЗЕЙНИЙ ВІСНИК

Науково-теоретичний щорічник
Заснований у 2001 р.

Випуск 7

Запоріжжя
2007

ББК-79.1
УДК-069
М 89

Відповідальний редактор: д.і.н. Георгій Шаповалов (Запоріжжя)

Редакційна рада

Любов Архіпова (Запоріжжя), д.і.н. Анатолій Бойко (Запоріжжя), д.і.н. Ірина Ковальова (Дніпропетровськ), Світлана Козиряцька (Запоріжжя), д.і.н. Ігор Лиман (Бердянськ), к.і.н. Світлана Ляшко (Київ), д.і.н. В'ячеслав Мурзін (Запоріжжя), д.ф.н. Борис Михайлов (Мелітополь), Зоя Попандопуло, Ольга Чайка (Запоріжжя).

Друкується за рішенням Вченої ради Запорізького обласного краєзнавчого музею
від
08.10 2007 р., протокол № 3

Свідоцтво про державну реєстрацію ЗМІ
33 № 780-055-р від 26.02.2007 р.

Постановою Президії ВАК збірник
включено до переліку фахових видань
(Бюлетень ВАК, № 10, 2007 р.)

Музейний Вісник № 7. – Запоріжжя, 2007. – 190 с.

М 89 Випуск № 7 містить праці, у яких розглядаються окремі проблеми археології, краєзнавства та природознавства південноукраїнського регіону, вводяться в науковий обіг результати досліджень археологів, істориків, краєзнавців як з музейних закладів області, так і з інших науково-дослідних установ. Тематика публікацій охоплює період від доби бронзи до новітнього часу.

Видання розраховане на усіх, хто цікавиться давньою, середньовічною та новітньою історією, проблемами музейної, краєзнавчої справи.

Мова видання українська і російська.

ББК-79.1
УДК-069

© Автори 2007
© Запорізький краєзнавчий музей 2007

МУЗЕЄЗНАВСТВО

Архіпова Л.М., Пономаренко І.П.

МУЗЕЙНА МЕРЕЖА ЗАПОРІЗЬКОЇ ОБЛАСТІ

Кожен народ береже і шанує свою історію, свою культуру і традиції. Це основа основ, без якої у народу немає майбутнього. Історико-культурна спадщина України надзвичайно багата. Відповідно до законів України «Про музеї та музейну справу», «Про охорону культурної спадщини» зберігати її для наступних поколінь і в той же час активно популяризувати серед населення, насамперед серед молоді для виховання у неї патріотизму, відповідальності за долю своєї держави — головна місія українських музеїв. Значний внесок в цю шляхетну справу належить музеям Запорізького краю.

Музейна мережа Запорізької області складається з 22 музейних закладів державного підпорядкування і 133 музеїв, що працюють на громадських засадах.

Особливе місце в музейній мережі посідають три заповідники, які діють на основі видатних пам'яток природи, історії та культури. Насамперед це Національний заповідник «Хортиця», який отримав свій високий статус в 1993 році. Українці підтвердили своє особливе ставлення до острова Хортиці як до святині, коли впевнено назвали його серед семи чудес України. Від 1983 року у складі заповіднику діє музей історії запорізького козацтва. Колектив музею продовжує роботу над музеєфікацією чисельних пам'яток. Нещодавно відкрито для відвідувачів історико-культурний комплекс «Запорізька Січ».

У 2007 році став Державним історико-археологічний музей-заповідник «Кам'яна Могила». Завершено будівництво нової музейної будівлі, тепер йде копітка робота над створенням нової експозиції, яка повною мірою виявить загальносвітове значення видатної пам'ятки природи і історії.

Василівський історико-архітектурний музей-заповідник «Садиба Попова» користується повагою серед музейників області за ту наполегливість, з якою маленький колектив намагається захистити і відновити перлину замкової архітектури півдня України.

Поміж музейних установ області особливим багатством колекцій відзначається Запорізький обласний краєзнавчий музей. З 300 тисяч предметів основного фонду, що зберігаються в музеях області, 106 тисяч належать саме йому [1]. В грудні 2006 року музей відсвяткував своє 85-річчя. Ювілейна виставка, підготовлена до свята, відобразила довгий шлях музею, наповнений драматичними, а іноді і трагічними подіями. Сьогодні обласний краєзнавчий музей — визнаний центр науково-методичної і краєзнавчої роботи в області.

Серед найстаріших музеїв області Мелітопольський і Бердянський міські краєзнавчі музеї. Вдосконалення експозицій, побудова нових виставок, активна

пошукова і збиральницька, масова культурно-освітня робота — основні риси їх діяльності.

Майже в кожному районі Запорізької області діють музеї комунальної форми власності. Всі вони проводять величезну роботу по пошуку і збору матеріалів, пов'язаних з природою і історією рідного краю. У багатьох з них в експозиціях є своя родзинка, що відрізняє від інших: Кам'янсько-Дніпровський історико-археологічний музей пишається зібранням старожитностей, знайдених на території району, у Гуляйпільському краєзнавчому музеї особливу увагу привертають експонати, пов'язані з бойовою біографією відомого земляка Н. Махна і його армії.

Різноманітні форми науково-освітньої роботи серед населення, в першу чергу для виховання у молоді поваги до історичної культурної спадщини активно використовують Вільнянський, Оріхівський, Пологівський, Приморський, Приазовський, Чернігівський районні краєзнавчі музеї. У вересні 2007 року в Куйбишевському районі був проведений фестиваль поріднених сіл. Основний тягар підготовки великого масового заходу було покладено на Гусарський краєзнавчий музей, маленький колектив якого вдало упорався зі справою.

Музейні заклади області художнього профілю представлені Запорізьким обласним художнім музеєм, Бердянським художнім музеєм імені І.І. Бродського, Енергодарським художнім виставочним залом.

Щороку державні і комунальні музеї області відвідують понад 500 тисяч осіб.

Музейну мережу доповнюють 133 музеї, що працюють на громадських засадах. Перший такий музей з'явився в області ще в 1957 році [2]. В 70 — 80-ті роки двадцятого століття промислові і сільськогосподарські підприємства, навчальні заклади активно відкривали свої музеї, пишалися ними. Сьогодні, на превеликий жаль, інший стан речей. Музеї, що розташовані в сільській місцевості, як правило, мають слабку матеріально-технічну базу, що негативно впливає на якість їх діяльності.

У зв'язку зі зміною форм власності або з ліквідацією підприємств припинили діяльність музеї ВО «Азовкабель», ВАТ «Першотравневий завод сільгоспмашин» (м. Бердянськ), ВАТ «Орсільмаш» (м. Оріхів). Багато років не працюють музеї ЗАТ «АвтоЗАЗ», ВАТ «Запоріжтрансформатор». Але є і інші приклади: оновили експозиції, працюють з дієвою самовіддачею музеї ВАТ «Дніпроспецсталь», ВАТ «Мотор-Січ», ВАТ «Запоріжсталь».

Як прикмета нового часу з'явилися в області перші приватні музеї. На сьогодні їх два: музей історії зброї, експозиція якого складається з матеріалів приватної колекції В.Г. Шлайфера, а також музей с. Широке Василівського району В.К. Козирева.

Важливе завдання сьогодення — зберегти музейні заклади, не дати щезнути, розпорошитися колекціям, які в них зберігаються, надати їм можливість розвитку.

Джерела

1. Поточний архів управління культури і туризму Запорізької обласної державної адміністрації.
2. Архів науково-методичного відділу ЗОКМ.

АРХЕОЛОГІЧНІ МАТЕРІАЛИ З БАСЕЙНУ РІЧКИ ВІЛЬНЯНКИ У НАДПОРІЖЖІ

Археологічні об'єкти та окремі речі з Дніпровського Надпоріжжя відомі з ХІХ ст. Пройшло багато років, поки розпочались масштабні археологічні дослідження новобудівної Дніпрогесівської експедиції у 1927 – 1932 рр. Хоча ці роботи й проводились, так би мовити, не «по волі науковців», а через гігантське будівництво, і було зроблено багато помилок та хибного, втрачено з часом частину матеріалів – все ж таки археологи придбали певний досвід, зберегли інформацію шляхом рятівних досліджень, відкрили епонімні пам'ятки (Середній Стіг, балка Квіт'яна).

Дана робота є продовженням серії публікацій, які присвячені введенню у науковий обіг матеріалів з колекції відомого запорізького археолога та краєзнавця Олександра Всеволодовича Бодянського (1916 – 1992). На даний момент частини колекції зберігаються в фондах Запорізького обласного краєзнавчого музею, в музеї запорізького козацтва Національного заповідника «Хортиця», у Дніпропетровському історичному музеї ім. Д.І. Яворницького. Та як не прикро, але багато цікавих та унікальних речей знаходиться у приватних колекціонерів.

В цій статті мова йде про колекцію кераміки доби бронзи з балки Вільнянки на лівому березі Дніпра, що збиралась дослідником довгі роки. Автор щиро вдячна завідуючій відділом давньої історії Запорізького краю Запорізького обласного краєзнавчого музею З.Х. Попандопуло та всім співробітникам за можливість ознайомитися з матеріалами.

На протязі багатьох років О.В. Бодянський вивчав археологічні пам'ятки Подніпров'я. Частина зібраного була ним оброблена та видана у наукових статтях [1]. Деякі матеріали використали Шарафутдінова І.М., Рассамакін Ю.Я., Козловський А.О., Телегін Д.Я., Тубольцев О.В., Плешивенко А.Г., Попандопуло З.Х. та інші дослідники [2; 3; 4; 5; 6]. Але все ще колекція Олександра Бодянського залишається маловідомою для науковців.

Річка Вільнянка є лівою притокою Дніпра, що протікає на території Вільнянського району Запорізької області та має довжину 26 км. Сучасні дослідники вважають, що назва її походить від Вільного порогу, який розташований за 2 км на південь від гирла річки. За річкою і балка отримала назву Вільнянка [8, с. 71]. Та Д.І. Яворницький відмічав, що «невідомо, хто в кого позичив назви: чи поріг у балок, чи балка в порога» [9, с. 99]. В історії південного регіону р. Вільнянка відіграла певну роль. Так, С. Мишецький у своєму творі «История о козаках запорожских» сповіщає про будівництво у 1736 р. військового укріплення – ретраншементу з редутами: «река Волнянка, разстояніемъ отъ Вороны.....версть. На

оной въ томъ же году былъ построенъ отъ Россіянь рентранжаментъ съ редутами» [10, с. 29]. Згідно відомості про кількість населення запорозьких селищ по лівому березі Дніпра кінця 1774 р. річка Вільнянка входила до ділянки (від Самари до Московки), де знаходились запорізькі зимівники [11, с. 27 – 28]. За даними Я.П. Новицького в кінці XVIII ст. поштовий тракт між Олександрівськом (на той час посад) та Катеринославом (Новоросійськом) проходив через кілька річок правого та лівого берегів Дніпра, в тому числі й через р. Вільнянку, де існувала гать для переїзду [12, с. 83 – 84].

Про те, що в околицях р. Вільнянки розташовані археологічні об'єкти відомо з кінця XIX ст.

Д.І. Яворницький у кількох творах згадує печеру Чортова хата, де зупинявся особисто під час однієї з мандрівок на початку 80-х рр. XIX ст. [13, с. 19 – 21]. Він наводить такий опис: «Тут з лівого боку підходить до Дніпра балка Вільна. В тій балці, не доходячи з версту до самого устя, є печера, яка зветься Чортова хата. Печера та зроблена самою природою в скелястому правому березі балки; над нею висить великий навіс, який виступає трохи вперед; завдовжки вона має коло 4 саж., завширшки — коло 2 саж., а заввишки — неповних 2 арш., через що в печері можна стояти тільки згорблячись. Загалом Чортова хата схожа на просту українську піч з великими челюстями, крізь які можна вільно входити в печеру й виходити з неї. *В тій печері находили колись різні черепки од побитого посуду, відбитки од кременю, напівгнилі людські та тваринні кістки*, тепер нема того нічого, бо в ній в негоди спасаються пастухи, які в холодні часи навіть часто розводять в ній вогонь» [9, с. 97; 14, с. 163].

У 1905 р., в рамках підготовки до XIII Археологічного з'їзду у Катеринославі, Д.І. Яворницький дослідив кілька курганів доби енеоліту, бронзи, скіфського часу біля с. Михайлівка, що розташоване на лівому березі р. Вільнянки [15, с. 141 – 146; 16, с. 3, 4, 15].

Під час роботи Дніпрогесівської експедиції А.М. Тахтай відкрив на лівому березі р. Вільнянки (біля гирла) неолітичне селище [17, с. 18]. Пізніше, у 1936 р., на лівому схилі балки Вільнянки І.Ф. Левицький обстежив місцезнаходження пізнього палеоліту Вільнянка – 2. Потім продовжив О.В. Бодяньський. Він виявив тут сліди поселень середньостогівської культури, доби бронзи та скіфського часу [18, с. 133 – 134]. У 1947 р. він відкрив залишки стоянки пізнього муст'є за 0,8 км на південь від гирла річки Вільнянки [19, с. 37 – 38]. Через деякий час, у 1950 р., за дорученням Інституту археології АН УРСР О.В. Бодяньський провів археологічні розвідки берегів озера Леніна. За 50 м на схід від відкритого раніше місцезнаходження він зібрав крем'яні вироби пізньомуст'єрського часу [20, с. 41 – 42]. У 1956 р. Д.Я. Телегін провів розкопки відомого Вільнянського могильника дніпро-донецької культури, в якому відкрив 50 поховань [21, с. 63 – 64]. У 1968 – 1969 рр., в зв'язку із будівництвом зрошувальної системи на плато лівого берега р. Вільнянки, проводились археологічні дослідження курганів, яким загрожувало знищення. Тоді експедиція Інституту археології АН УРСР під керівництвом Д.Я. Телегіна дослідила три курганні групи – Вільнянську, Вільно – Уланівську, Вільно – Грушівську. Було розкопано 30 курганів зі 158 похованнями, що представляли собою часи від енеоліту до середньовіччя включно [22, с. 4]. Під час будівництва другої черги зрошувальної системи у 1978 – 1982 рр. Запорізька експедиція Інституту археології АН УРСР проводила дослідження курганів в басейні р. Вільнянки біля сіл Гнарівське, Михайлівка, Новогупалівка, Любимівка, Скелювате [23, с. 6].

Умовні позначення

- – пошукові роботи О. Бодяньського
- – розвідки кінця 1990-х років

Карта-схема досліджень в басейні р. Вільнянки

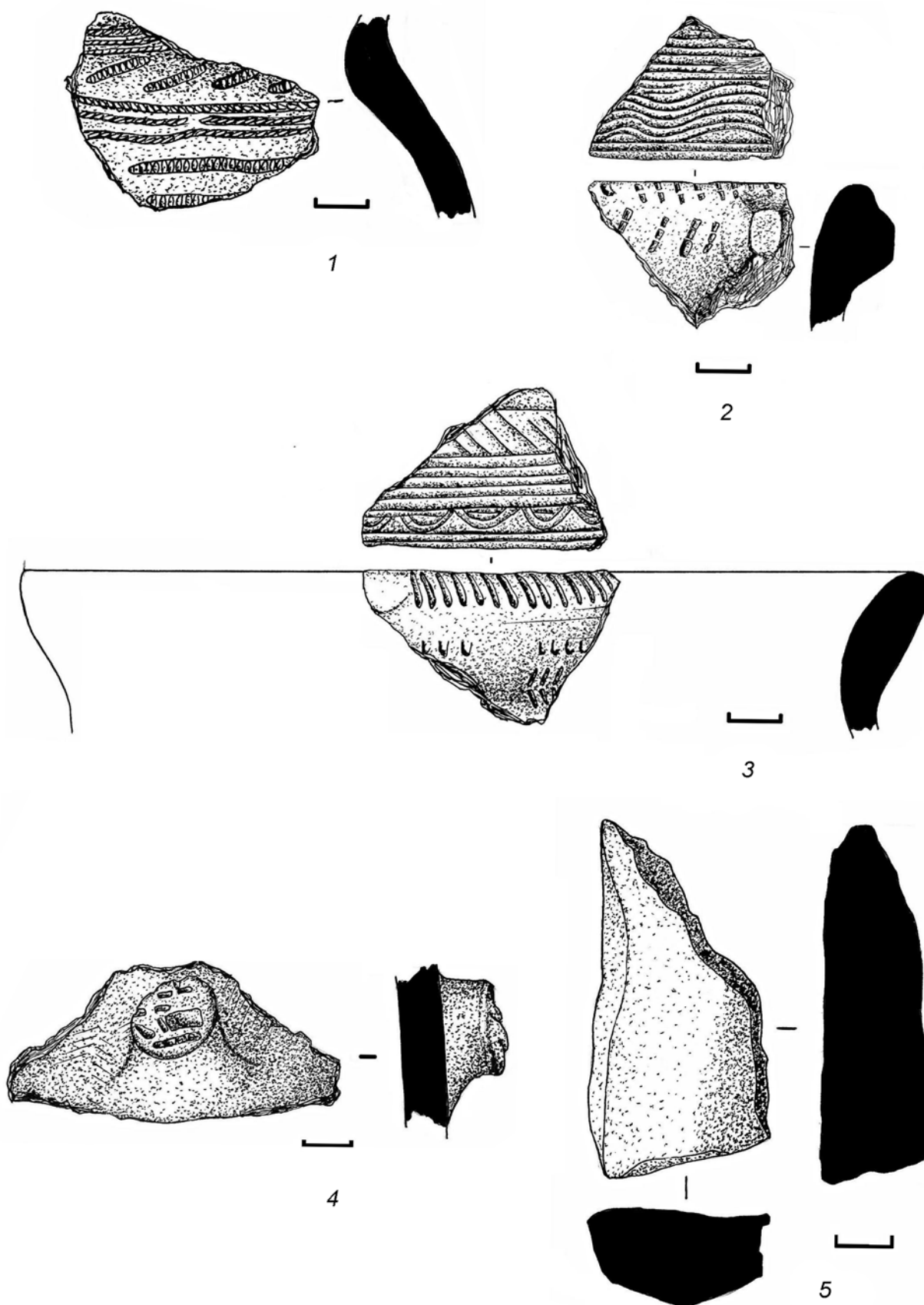

Рис. 1. Знахідки з балки Вільнянки

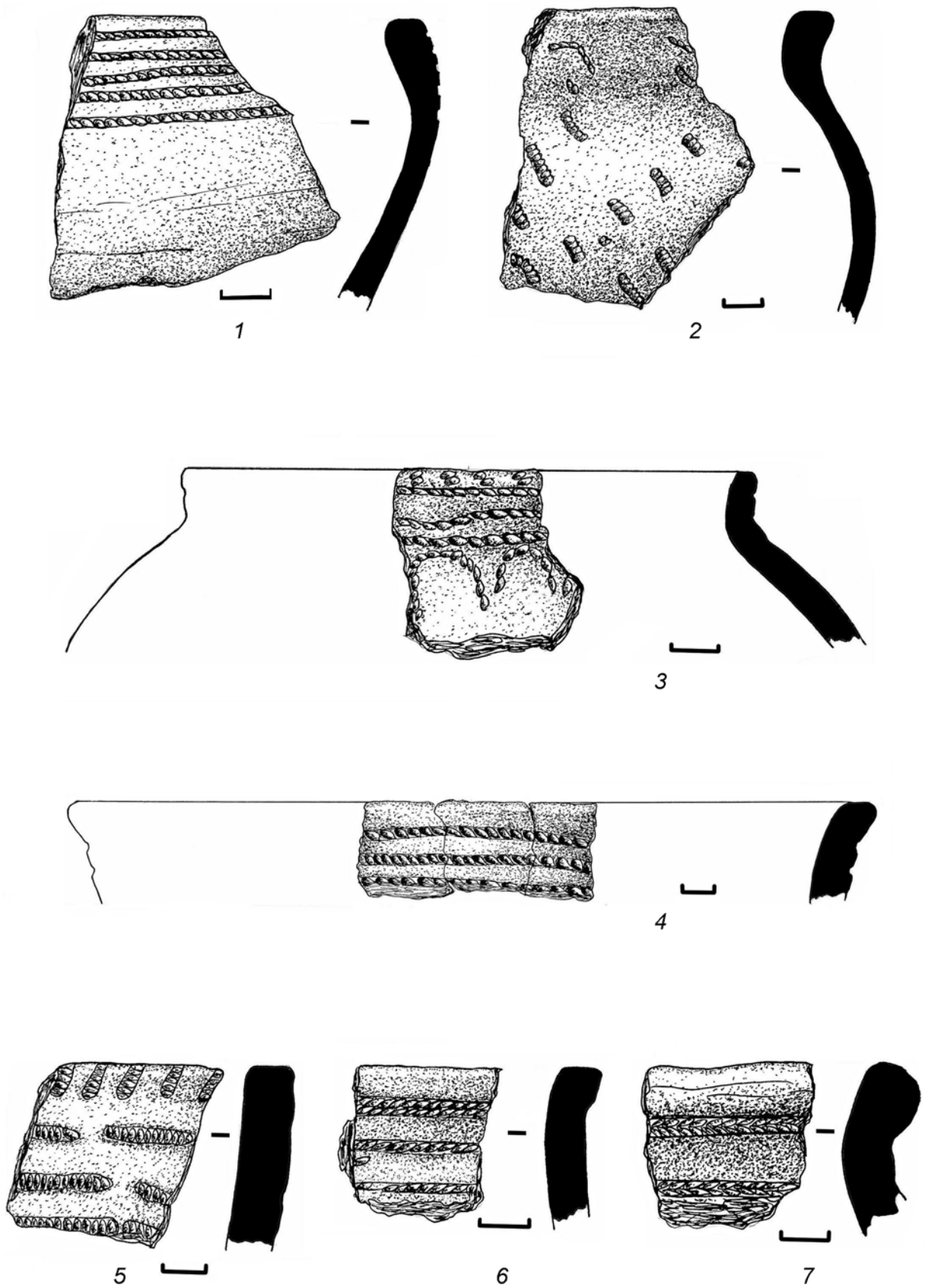

Рис. 2. Кераміка катакомбної культури

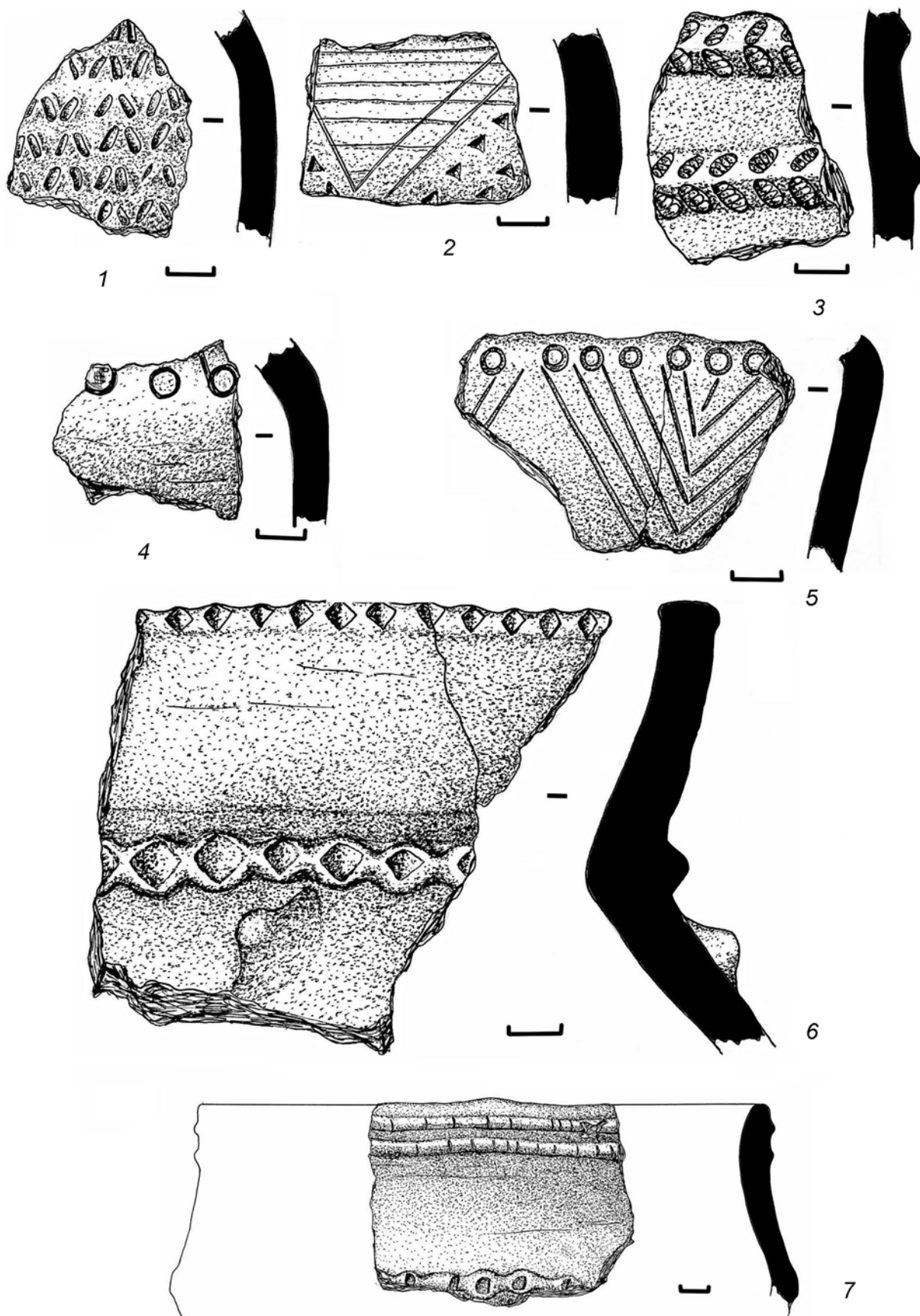

Рис. 3. Кераміка катакомбної культури

В кінці 1990-х рр. археологічні розвідки в басейні р. Вільнянки проводили співробітники Запорізької обласної інспекції по охороні пам'яток історії та культури під керівництвом І.Р. Тихомолової, під час яких виявлено біля 30 пунктів, зібрані матеріали від палеоліту до часів заселення краю у XVIII — XIX ст. [24]. Але мова про це піде нижче.

Як вже зазначалося неоціненою є пошукова діяльність О.В. Бодянського. Оскільки всі зібрані матеріали дослідник шифрував, то стає можливим встановити рік дослідження. Під час війни, через зруйнування греблі, рівень води в Дніпрі значно впав, що надало можливість оглянути вже відомі пам'ятки та провести пошуки нових. Цими, так би мовити, сприятливими умовами для археологічних робіт скористався О.В. Бодянський. Під час окупації (1941 — 1943 рр.) він проводив археологічні розвідки та розкопки у Надпоріжжі. Так, серед уламків кераміки з балки Вільнянки трапляється кілька екземплярів з написом 1943 року, тобто ці огляди берегової смуги були зроблені дослідником ще під час окупації, бо вже після звільнення м. Запоріжжя О.В. Бодянський потрапив на фронт [5, с. 29]. Переважна частина знахідок у балці Вільнянці була зроблена одразу після війни та у 1950 — 80-і рр.

Колекція з балки Вільнянки складається переважно з фрагментів кераміки бронзового віку, які можуть належати щонайменше 90 посудинам. Декілька з них відносяться до епохи енеоліту. Це уламки від трьох посудин квітчанського типу. Фрагменти вінців, діаметром 18 — 20 см, сіро-чорного кольору, орнаментовані на зовнішній та внутрішній стороні. Зовнішня орнаментация виконана дрібним зубчастим штампом, відбитками мотузки, продовгуватими вдавленнями, внутрішня — хвилеподібними, косими, горизонтальними розчосами гребінки (рис. 1, 1 — 3). Характерною ознакою є наявність в якості домішки достатньо великої кількості товченої мушлі.

Матеріали **ямної культури** представлені уламком стінки з «шишкою-виступом», який орнаментований відбитками зубчастого штампу (рис. 1, 4).

Знахідки **катакомбної культурно-історичної спільності** — фрагменти вінців та стінок. Вінці плоскі або закруглені, діаметром 12 — 25 см, належать горщикам з прямою або відігнутою короткою шийкою, орнаментовані відбитками гусеничного чи мотузкового штампу (рис. 2, 2 — 7). Один з уламків походить від типової для катакомбної культури чаші, прикрашеної відбитками мотузки по верхній частині виробу (рис. 2, 1). В невеликій кількості представлені стінки, на яких орнаментация виконана прокресленими лініями та відбитками штампу у вигляді трикутників, кружків, дрібних овалів (рис. 3, 1 — 5). Горщики виготовлені з глини, у якій простежуються домішки піску, товченого кварциту, шамоту, органічних речовин.

Зазначені фрагменти кераміки належать посудинам, що знаходять аналогії серед матеріалів поселень на о. Виноградному, о. Перун [25, с. 80 — 81; 26, с. 80 — 81]. На кількох уламках орнаментация виконана в манері, аналогічній катакомбним посудинам Нижнього Подністров'я та Подоння. Наприклад, відбитки дрібного гусеничного штампу на горщику з насипу кургану 4 біля с. Талмаз (Молдова) є ідентичними орнаментации на уламку з балки Вільнянки (рис. 3, 3) [27, с. 130 — 131].

Культура багатопружкової кераміки. Матеріали епохи середньої бронзи представлені керамікою культури багатопружкової кераміки, що має аналогії серед знахідок з поселень Надпоріжжя та Нижнього Подніпров'я: Бабине III, о. Перун,

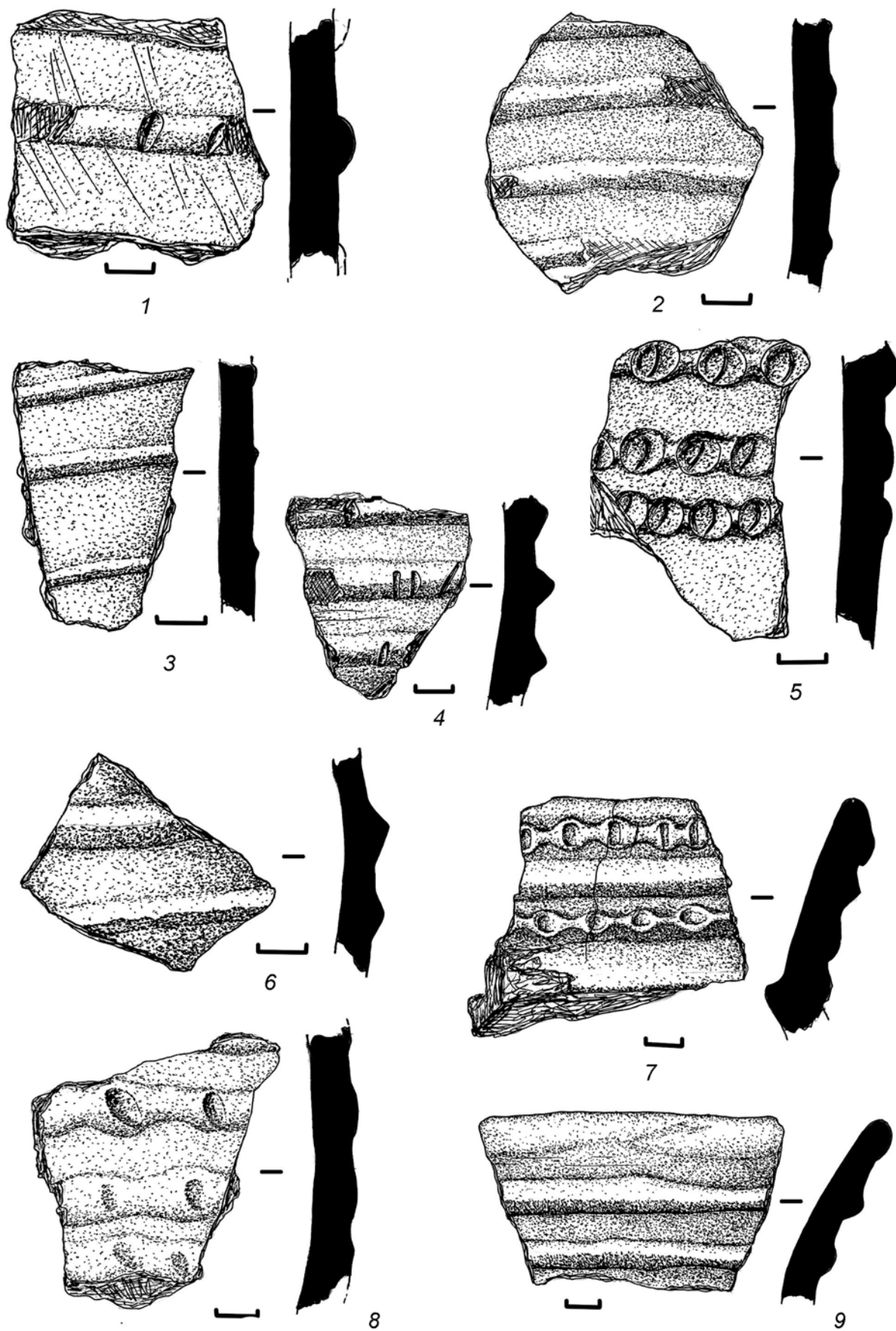

Рис. 4. Кераміка культури багатопружкової кераміки

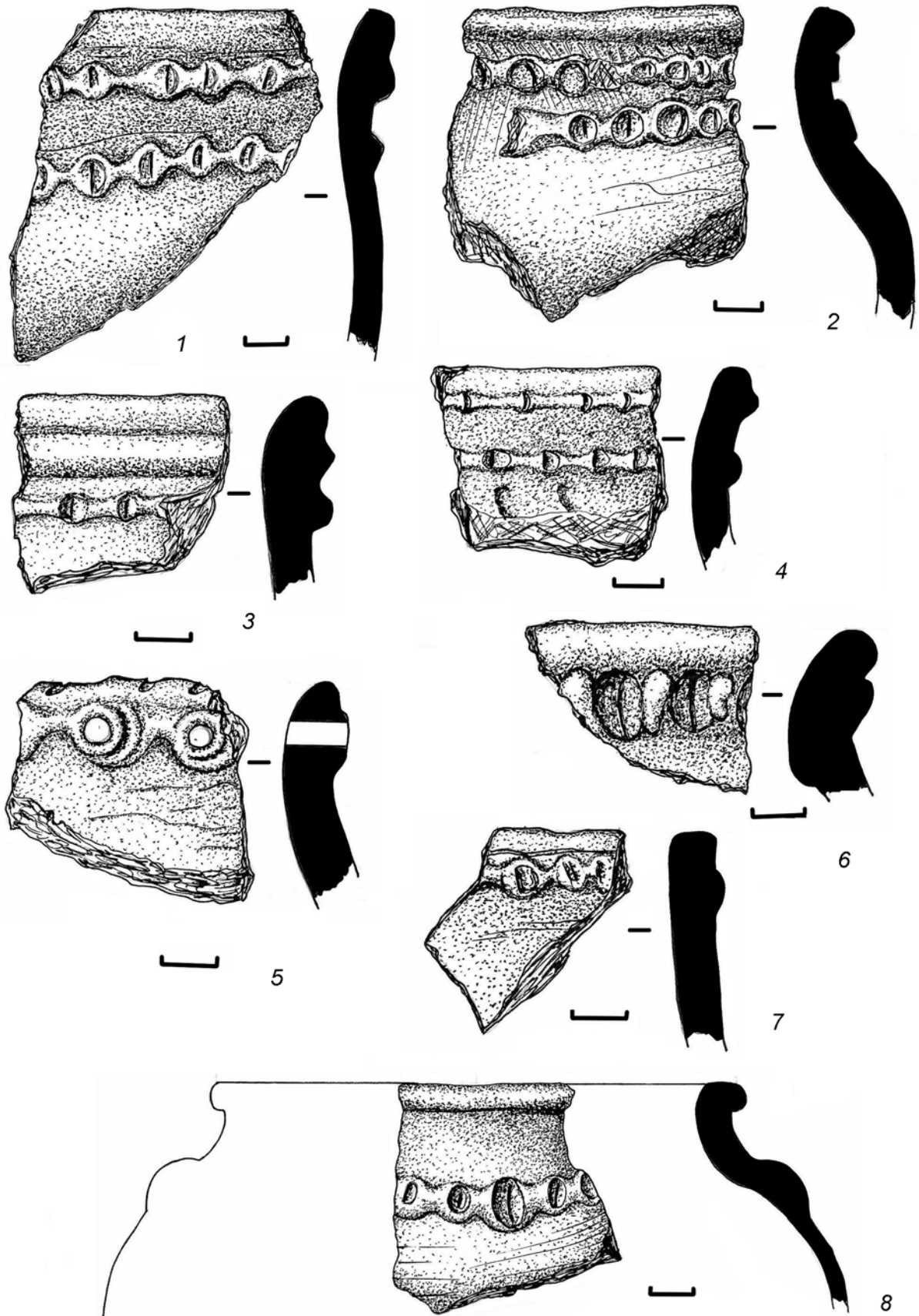

Рис. 5. Кераміка сабатинівської культури

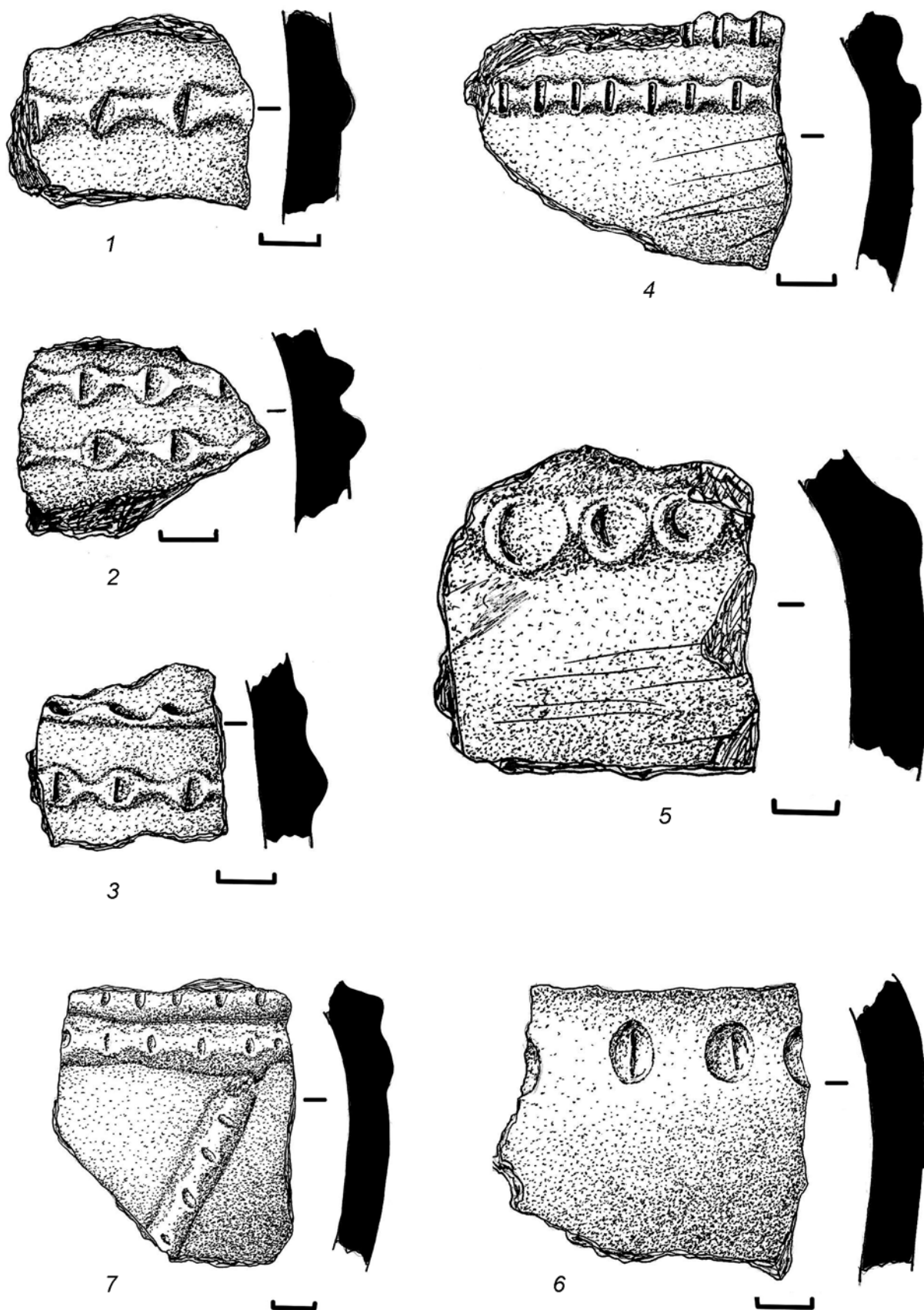

Рис. 6. Кераміка сабатинівської культури

с. Федорівка, с. Капулівка та інші [2, с. 144 – 145; 28, с. 31, 35; 29, с. 3 – 14; 30, с. 131 – 154].

Вінчики, діаметром 20 – 32 см, здебільшого округлі та відігнуті назовні у вигляді раструбу, іноді прямі (рис. 3, 7; 4, 7, 9). Посудини прикрашають пружки, як гладкі, так і розчленовані пальцево-нігтьовими заглибинами. В перетині пружки мають округлу чи трикутну форму. В одному випадку уламок прикрашений защипами по краю вінця, розчленованим пружком, розміщеним на горловині та загостреним «шишкою-виступом» (рис. 3, 6). Доповнюють загальну картину фрагменти стінок, прикрашених кількома рядками пружків з пальцево-нігтьовими чи вузькими короткими заглибинами (рис. 4, 1 – 6, 8). Посудини ретельно виготовлені, з добре заглаженою поверхнею, в глині наявні домішки піску, товченого кварциту, шамоту, органічних речовин.

Сабатинівська культура. Найбільшу кількість складають фрагменти посудин, що відносяться до сабатинівської культури. Це круглободі посудини з діаметром вінця 15 – 30 см, що орнаментовані пружками в один та кілька рядків, прикрашеними пальцево-нігтьовими відбитками та овальними заглибинами, (рис. 5, 2, 4, 5, 6, 8; 7, 1 – 5). Кілька уламків належать банкоподібним горщикам, прикрашеним розчленованими пружками (рис. 5, 1, 3, 7). Фрагменти стінок орнаментовані переважно круглим чи трикутним пружком з пальцево-нігтьовими заглибинами чи невеликими прямокутними відбитками (рис. 6, 1 – 7). Два екземпляри належать такому типу столової кераміки, як миски (рис. 8, 1, 2). Вінці діаметром 16 та 20 см, трохи загнуті всередину, зверху прикрашені нігтьовими відбитками та зубчастим штампом, стінки плавно звужуються до дна.

Посудини виготовлені з добре відмученої глини з домішками піску, шамоту, товченого кварциту або граніту, органічних речовин.

Подібна кераміка зустрічається на поселеннях Надпоріжжя, Нижнього Подніпров'я та Криму: Федорівка, Капулівка, Дремайлівка, Кірове [29, с. 3 – 14; 30, с. 131 – 154; 31, с. 17 – 18; 32, с. 135 – 136].

Білозерська культура. До білозерської культури відносяться фрагменти вінців та горловин від горщиків з високою шийкою та кубків, уламки стінок, прикрашених пружками (в тому числі «з вусами»), ручка у вигляді петлі (рис. 8, 3 – 7; 9, 1 – 6). Посудини ретельно виготовлені, на деяких уламках простежується лощіння. Орнаментация виконана у вигляді прокреслених ліній, відбитків дрібного зубчатого штампу. Подібна кераміка знаходить аналогії серед матеріалів з поселень Капулівка, Білозерський лиман у Нижньому Подніпров'ї, Кірове у Криму [30, с. 131 – 154; 31, с. 20 – 21; 33, с. 76 – 85; 34, с. 21 – 43].

Пошукову діяльність по виявленню нових пам'яток продовжують послідовники О.В. Бодянського. В 1996 – 1997 рр. в басейні р. Вільнянки співробітники Запорізької обласної інспекції по охороні пам'яток історії та культури під керівництвом І.Р. Тихомолової проводили планові розвідки. Маршрут пролягав між селами Дерезівка – Михайлівка. Загалом на лівому та правому березі Вільнянки було виявлено 11 пунктів, на яких зібрано кремій, кераміку, кам'яні вироби. Автор висловлює щире подяку І.Р. Тихомоловій за можливість скористатись матеріалами з проведених пошукових робіт.

Лівий берег р. Вільнянки.

Пункт 1 – поселення скіфського часу, доби середньовіччя. Розташоване на західній околиці с. Дерезівка на схилі надпойменої тераси. Поселення було частково затоплене під час спорудження греблі через річку. При проведенні зачисток

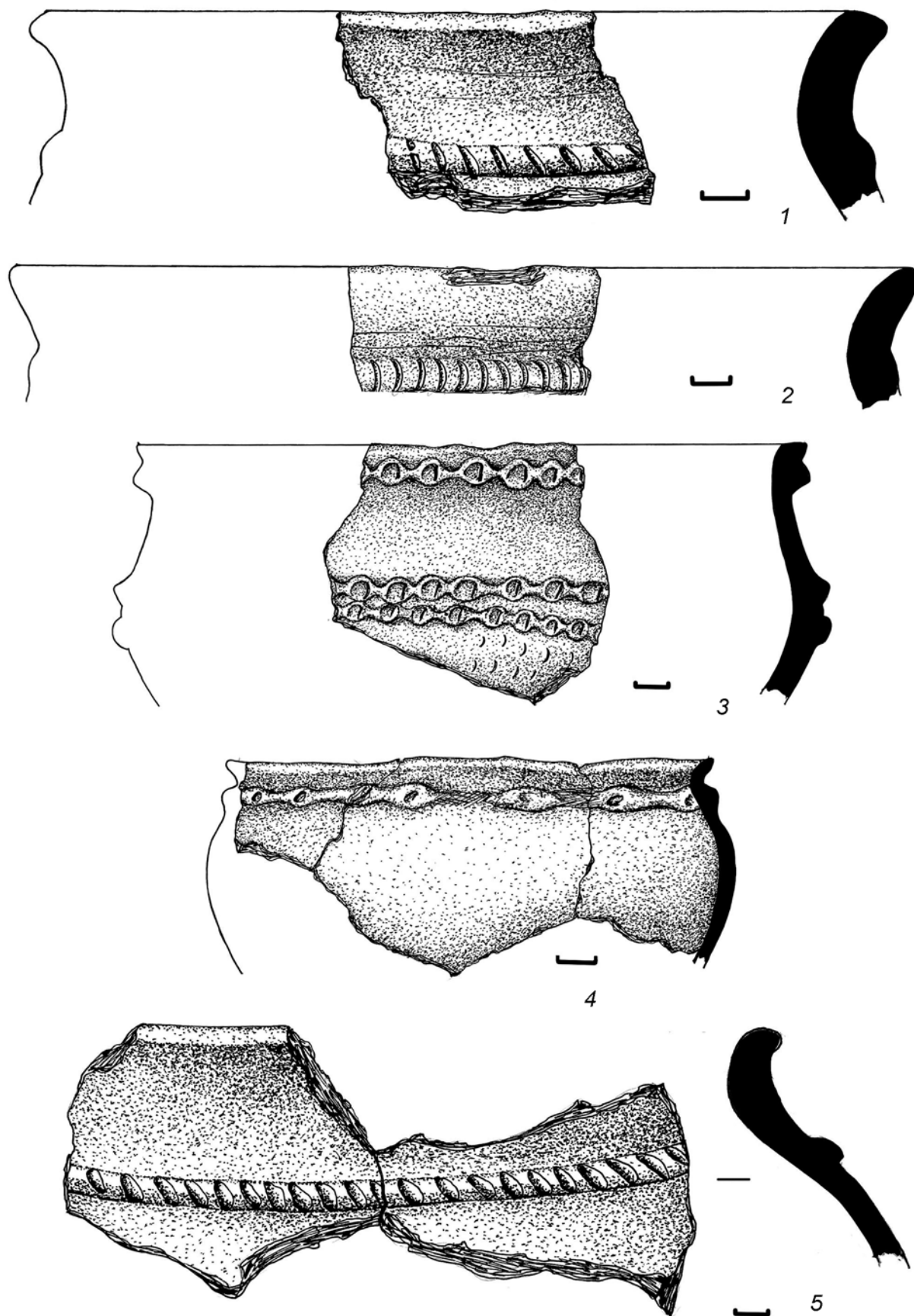

Рис. 7. Кераміка сабатинівської культури

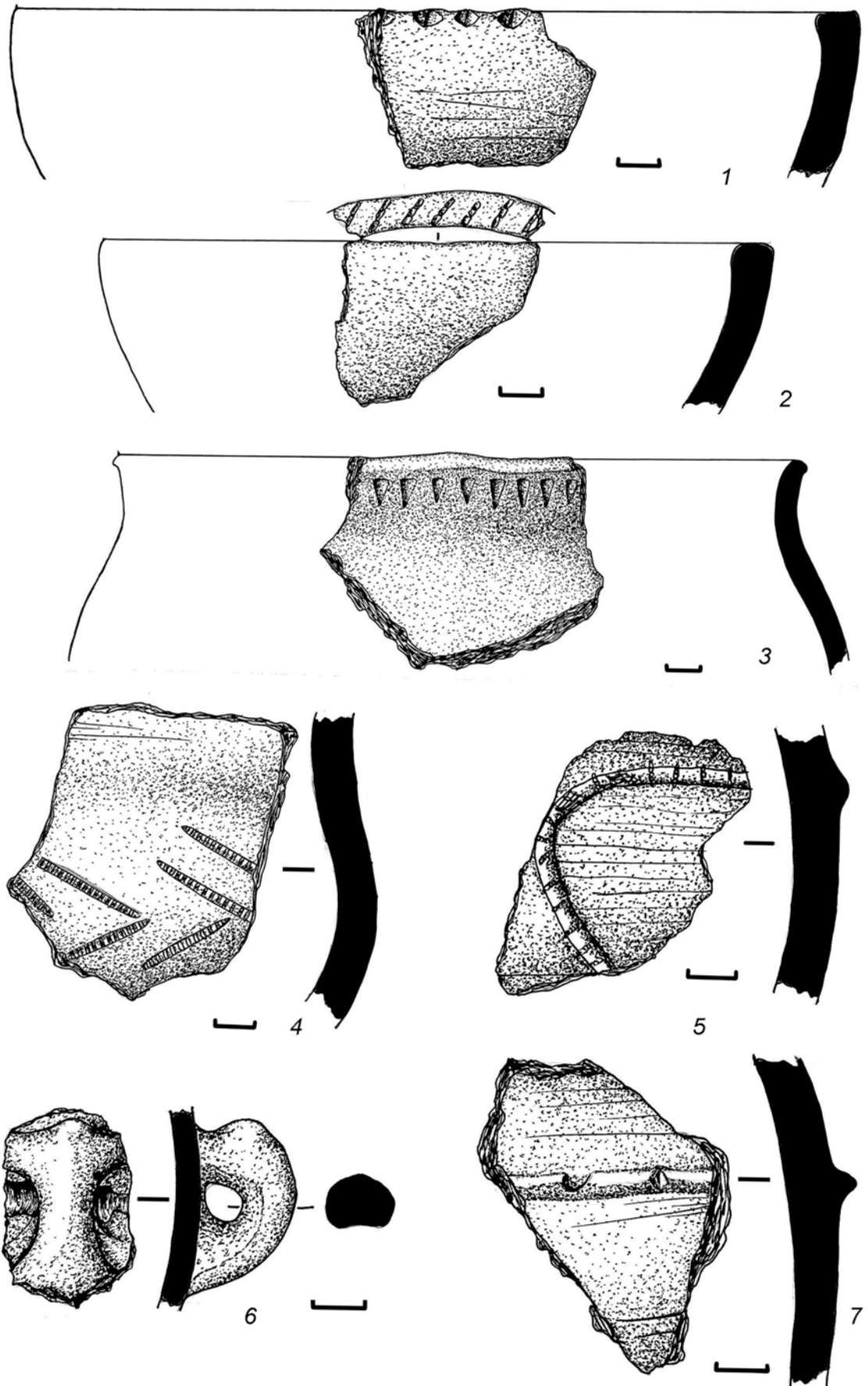

Рис. 8. Кераміка сабатинівської та білозерської культури

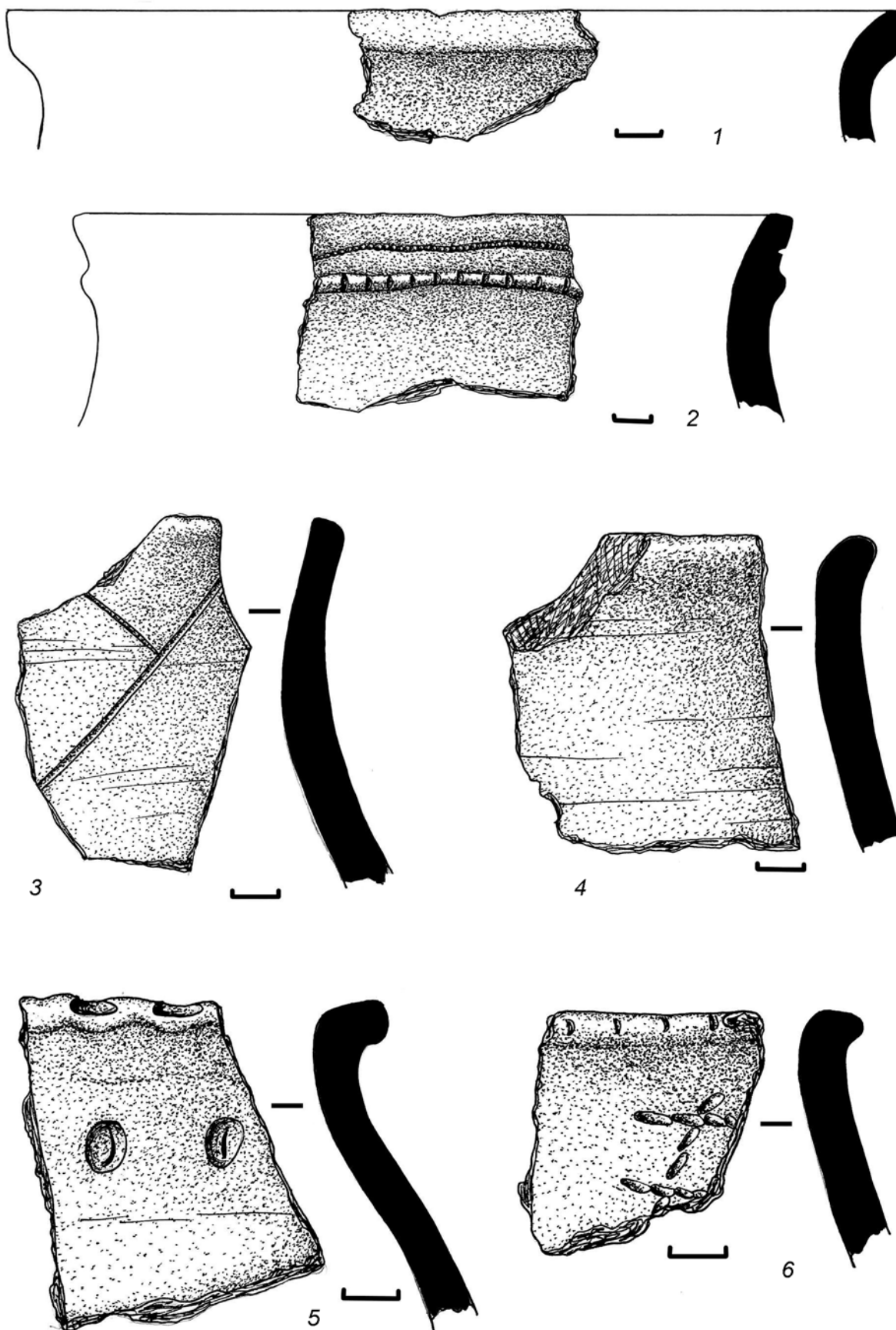

Рис. 9. Кераміка білозерської культури

розмитих ділянок знайдено фрагменти кісток тварин, ліпна та гончарна кераміка. Культурний шар потужністю 20 — 30 см, знахідки зустрічались на площі 60 x 30 м. Серед зібраної кераміки найбільш виразною є два уламки від ліпних горщиків салтівського типу (рис. 10, 10, 11). Це кераміка сірого кольору з домішками піску, шамоту. Орнаментація виконана у вигляді хвилі та поєднання хвилі з косими відбитками зубчастого штампугу.

Пункт 2 — поселення епохи бронзи та середньовіччя. Розташоване за 100 м на захід від західної околиці с. Дерезівка, на захід від пункту 1. Кістки тварин, ліпна та гончарна кераміка були зібрані на площі 70 x 20 м. Фрагменти гончарної кераміки представлені уламками стінок та донців червоноглиняних амфор. Кілька фрагментів кераміки належать ліпним посудинам доби бронзи (поверхня сірого та жовтого кольору, в глині домішки дресви та органічні речовини).

Пункт 3 — місцезнаходження кераміки доби бронзи. Розташоване за 250 м на захід від західної околиці с. Дерезівка. Культурний шар не виявлений, але зібрані фрагменти ліпної кераміки.

Пункт 4 — поселення часів середньовіччя. Розташоване за 370 м на захід від західної околиці с. Дерезівка на мису надпойменої тераси. В неглибокій промоїні знайдена гончарна кераміка (уламки стінок красноглиняних амфор та корчаг кінця I — поч. II тис.) та кістки тварин. Очевидно, цей пункт відноситься до поселення, яке було відкрите в 1982 р. С.М. Ляшко.

Пункт 5 — місцезнаходження кераміки доби бронзи.

Розташоване за 0,8 км на захід від західної околиці с. Дерезівка, на полі. На ділянці, що розорюється, зібрані фрагменти ліпної кераміки. Це дрібні уламки сіроглиняних посудин.

Пункт 6 — місцезнаходження кераміки бронзового віку.

Розташоване за 1,2 км на захід від західної околиці с. Дерезівка, за 100 м на захід від греблі. Біля підніжжя надпойменої тераси зібрані фрагменти ліпної кераміки.

Пункт 7 — поселення бронзового віку.

Розташоване за 0,3 км на північний захід від с. Криничне, в місці злиття балки Криничної та невеликої безіменної балки. На пологому березі на протипожежній оранці знайдені кістки тварин, дрібні уламки граніту та фрагменти ліпної кераміки (рис. 10, 1). Проведені зачистки показали потужність культурного шару 0,25 — 0,4 м. Площа поселення — 100 x 80 м. Поселення частково зруйноване оранкою та забудовою XIX — XX ст.

Правий берег р. Вільнянки.

Пункт 8 — поселення доби енеоліту-бронзи, середньовіччя.

Розташоване на мису. Після спорудження греблі частина мису була відрізана промоїною та утворився острівець (25 x 32 м). Тут виявлені залишки будівель, уламки кераміки XVIII — XIX ст. та окремі фрагменти ліпної кераміки бронзового віку. На іншій частині мису зібрані кістки тварин, ліпна кераміка часів енеоліту-бронзи, сіра та жовта гончарна кераміка XVIII — XIX ст., червона гончарна кераміка першої половини II тис., крем'яні відщепи (рис. 10, 2, 3).

Пункт 9 — місцезнаходження кераміки часів бронзового віку.

Розташовувалось за 200 м на північний захід від західної околиці с. Дерезівка, за 100 м на північний захід від пункту 8, в лісосмузі. Тут були зібрані фрагменти ліпної кераміки доби бронзи.

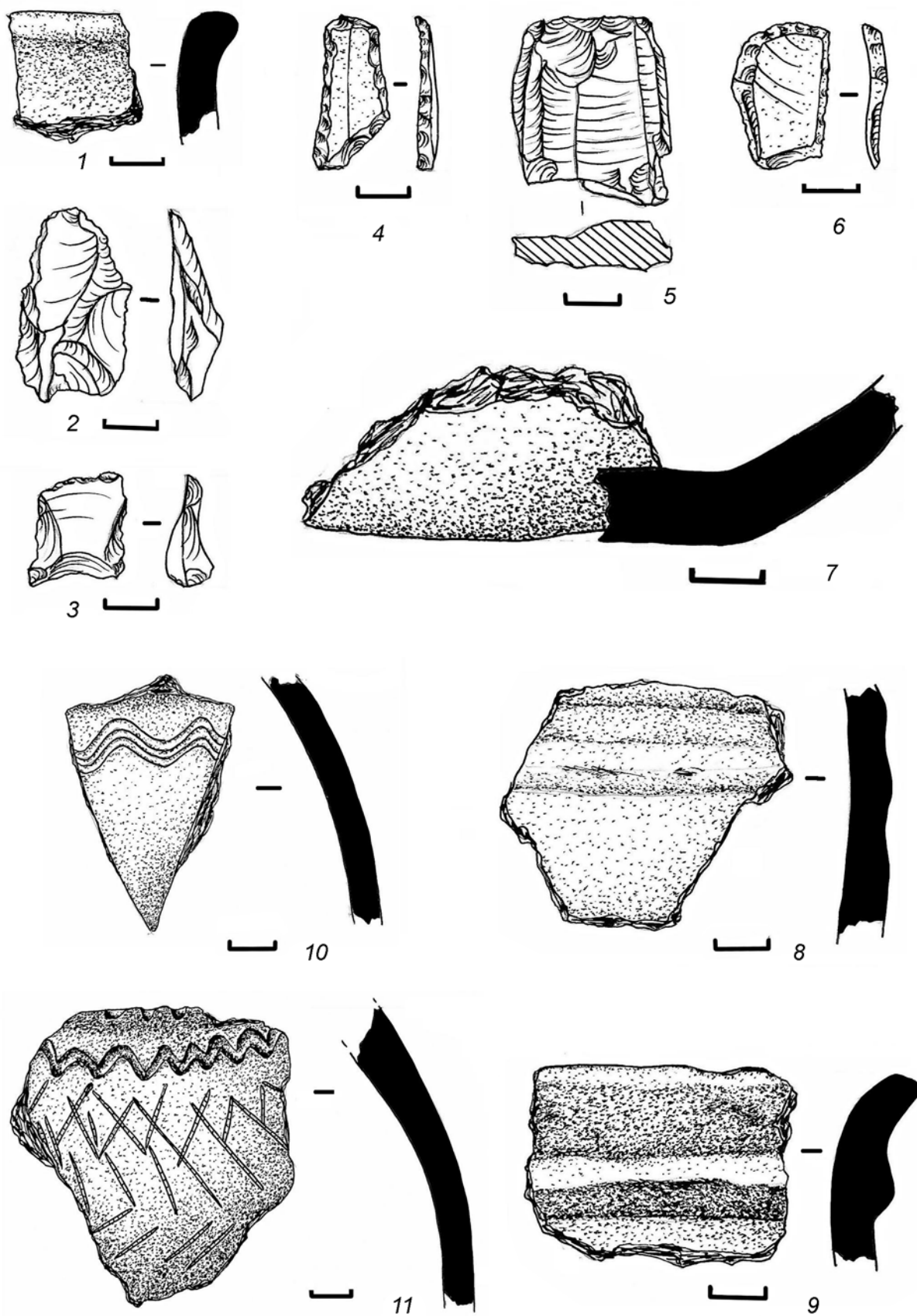

Рис. 10. Знахідки з басейну р. Вільнянки

Пункт 10 — місцезнаходження кременю часу енеоліту-бронзи.

Знаходилось за 250 м на північний захід від с. Дерезівка. Біля підніжжя високого виступу берега виявлені крем'яні відщепи.

Пункт 11 — місцезнаходження кераміки часу середньовіччя.

Розташоване за 600 м на північний захід від с. Дерезівка, на невеликому положому мисі, затопленому після спорудження греблі. На розмитій ділянці розміром 50 x 70 м були зібрані фрагменти гончарної кераміки: уламки стінок та вінчиків тонкостінних посудин червоного на жовтого кольору, на одному екземплярі нанесений стрічково-хвилястий орнамент.

Під час обстеження верхньої течії р. Вільнянки від с. Роздолля до с. Михайлівка та правобережної балки Вербової від витoku до с. Новогупалівка було виявлено 21 пункт, де зібрані матеріали часів від бронзового віку до ХІХ ст.

Правий берег р. Вільнянки.

Пункт 12. За 300 м на захід від с. Роздолля, на межі розораного поля та кладовища на ділянці 10 x 10 було зібрано 6 частково оброблених конкрецій з пісковика й вапняку та уламок кам'яного розтиральника. На розтиральнику з трьох боків відмічаються ознаки використання, також помітні залишки темно-червоної вохри (рис. 11, 5). Конкреції круглої форми, розмірами: діаметр — 5,1 — 5,4 см, товщина — 4,9 см; діаметр — 5 — 4,7 см, товщина — 4,5 см; діаметр — 6,7 — 6,3 см, товщина — 5,7 см; діаметр — 4,2 см, товщина — 4 см (рис. 11, 1 — 3). На поверхні двох з них чітко простежуються канавки, ймовірно, природного походження. Інші вироби овальні (нагадують краплю), розмірами 8 x 6,2 см, 5,3 x 4 см (рис. 11, 4, 6). На двох екземплярах відмічені залишки темно-червоної вохри.

Проведені зачистки ніяких ознак наявності культурного шару або залишків споруди не виявили, але за 15 м від місця знахідки простежується світла пляма повністю розореного кургану.

Лівий берег р. Вільнянки.

Пункт 13. Біля с. Зелене, в береговому обриві знайдена конкреція сферичної форми з ознаками обробки, що має аналогії із знахідками пункту 1. Розміри знахідки: діаметр — 3,3 см, товщина — 2,8 см (рис. 11, 7).

Обстежені пункти 14, 16 — 27 в переважній більшості дали невиразні фрагменти ліпної кераміки доби бронзи та гончарну кераміку ХVІІІ — ХІХ ст.

Пункт 15. За 1,0 км на південний захід від с. Зелене на розореному схилі зібрані фрагменти гончарної кераміки раннього залізного віку та кілька екземплярів горщиків ХVІІІ — ХІХ ст.

Пункт 28. На правому березі балки Вербової, біля с. Новогупалівка, на ділянці поруч з мостом зібрано, фрагменти ліпної кераміки доби бронзи, гончарної кераміки ХVІІІ — ХІХ ст., кремень верхнього палеоліту (визначення О.В. Тубольцева) (рис. 10, 6).

Пункт 29. На правому березі балки Вербової (на мису між невеликим байраком та руслом річки), на присадибних ділянках мешканців с. Новогупалівка зібрано кремень верхнього палеоліту (рис. 10, 4, 5), уламки ліпного посуду бронзового віку та гончарну кераміку ХVІІІ — ХІХ ст. Фрагменти ліпної кераміки належать горщикам доби пізньої бронзи, а саме сабатинівським та білозерським племенам (рис. 10, 7 — 9).

Серед знахідок цікавими є кам'яні вироби, зібрані на полі біля с. Роздолля (пункт 12) та біля с. Зелене (пункт 13). Аналогічна річ була знайдена в кургані біля с. Мала Токмачка у похованні ямної культури (№ 8). За визначенням автора дослід-

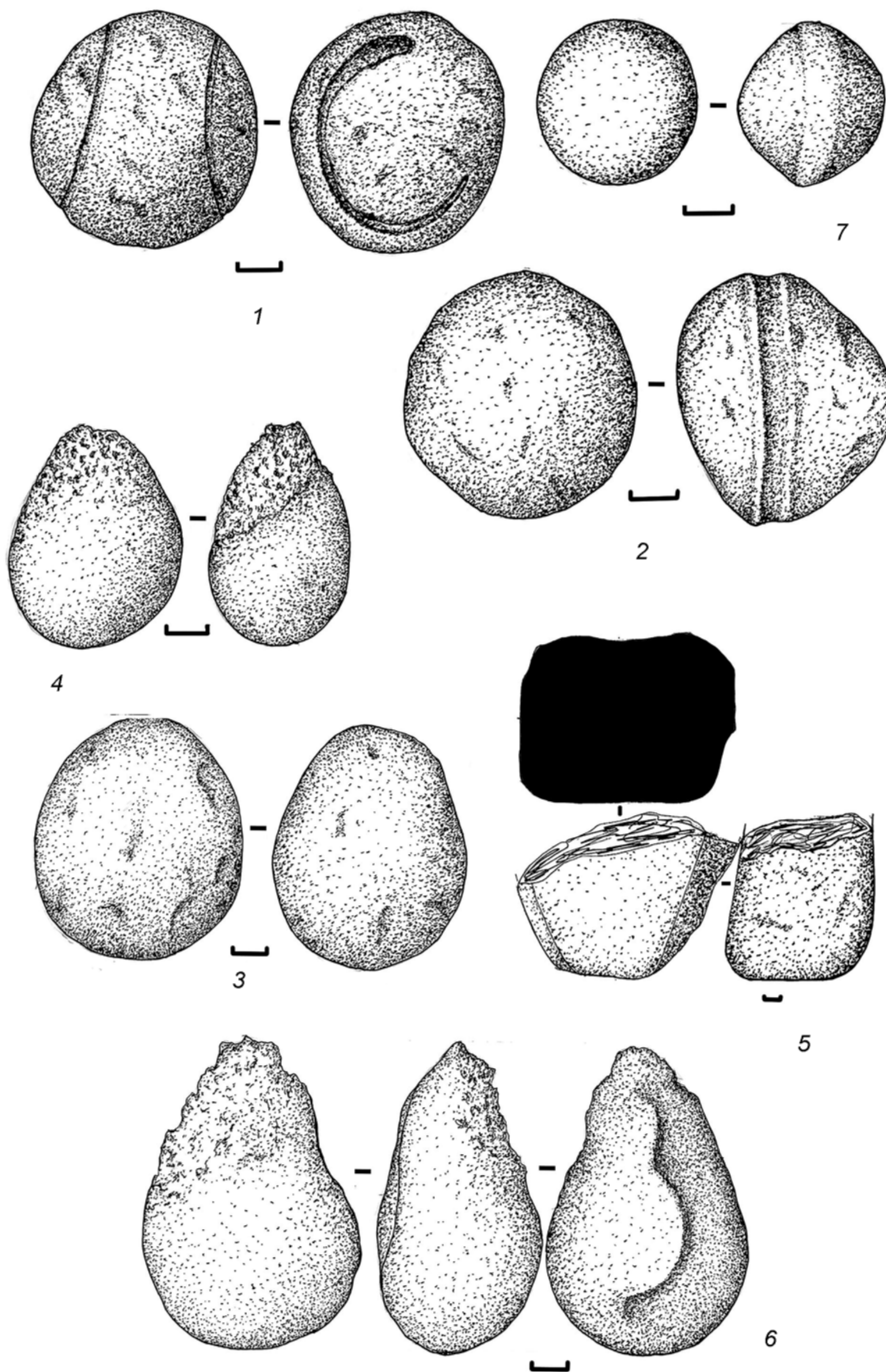

Рис. 11. Знахідки з басейну р. Вільнянки

жень, розтиральник виготовлений з дрібнозернистого пісковика, діаметром 4,5 см та висотою 3,5 см. Крім того, у похованні знаходився ще один ретельно виготовлений розтиральник з вапняку [37, с. 51 – 52]. Виходячи з цього слід припускати, що знайдені кам'яні конкреції являють собою знаряддя праці – розтиральники, а враховуючи залишки вохри, вони можуть бути віднесені до бронзового віку.

Ситуація з археологічними матеріалами Дніпровського Надпоріжжя та прилеглих територій досить складна. Результати досліджень Дніпрогесівської експедиції (1927 – 1932 рр.) частково втрачені, а те, що залишилось вимагає бути кращим. В цьому разі знахідки з археологічних розвідок та розкопок А.В. Бодяньського та його послідовників не просто доповнюють нашу уяву, а в багатьох випадках так би мовити «відкривають» недосліджені чи маловідомі ділянки унікального регіону та надають можливість відтворення найдавнішого культурного та історичного розвитку Надпоріжжя.

Література

1. Археологічна спадщина О.В. Бодяньського. – Запоріжжя, 2006. – 149 с.
2. Шарафутдінова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – К.: Наукова думка, 1982. – 157 с.
3. Рассемакин Ю.Я. Азово-Понтийские степи в эпоху меди. Погребальные памятники середины V – конца IV тыс. до н. э. Часть II // Archäologie in Eurasien. – Mainz, 2004. – Band 17. – 550 с.
4. Козловський А.О. Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX – XIV ст. – К., 1992. – 184 с.
5. Тубольцев О.В. Неопубликованные материалы по раннему неолиту Надпорожья // ССПК. – Запоріжжя, 2005. – Т. XII. – С. 28 – 49.
6. Плешивенко А.Г. Амфорные клейма из коллекции А.В. Бодянского // Археологічна спадщина О.В. Бодяньського. – Запоріжжя, 2006. – С. 176 – 183.
7. Попандопуло З.Х. Верхнехортицкий могильник белозерского времени // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 209 – 211.
8. Князьков Ю.П. Запорізька область. Історико-географічний і топонімічний словник (Василівський, Вільнянський, Гуляйпільський, Запорізький, Новомиколаївський райони). – Запоріжжя, 2004. – Вип. I. – 320 с.
9. Яворницький Д.І. Дніпрові пороги. – Дніпропетровськ.: Промінь, 1989. – 142 с.
10. Мышецкий С. История о козакахъ запорожскихъ, какъ оныя изъ древнихъ летъ зачалися, и откуда свое происхождение имеютъ, и въ какомъ состояніи ныне находятся. Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). – М., 1847. – № 6 // Сайт Изборник. Історія України IX-XVIII ст. Першоджерела та інтерпретація // <http://litorpys.org.ua>.
11. Бойко А.В. Запорізький зимівник останньої чверті XVIII ст. – Запоріжжя, РВП Видавець, 1995. – 56 с.
12. Новицкий Я.П. История города Александровска в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии. – Екатеринбург, 1905. – 176 с.
13. Шубравська М.М. Д.І. Яворницький. Життя, фольклористично-етнографічна діяльність. – К., 1972. – 254 с.

14. Эварницкий Д.И. Вольности Запорожских козаков. — СПб., 1898. — 405 с.
15. Эварницкий Д.И. Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды XIII АС в Екатеринославе 1905. — М., 1907. — Т. 1. — С. 108 — 157.
16. Скриленко А. Материалы для археологической карты Екатеринославской губернии. — Екатеринослав, 1905. — 25 с.
17. Добровольський А.В. Археологічна карта Дніпровського Надпоріжжя в межах Запорізької області 1946 р. // Архів ЗОКМ. — Спр. 110. — 37 с.
18. Список археологічних пам'яток Дніпровського Надпоріжжя (Дніпропетровська та Запорізька області) // Археологічна спадщина О.В. Бодянського. — Запоріжжя, 2006. — С. 110 — 142.
19. Бодянський О.В. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947 — 1948 рр. // Археологічна спадщина О.В. Бодянського. — Запоріжжя, 2006. — С. 25 — 38.
20. Бодянский А.В. Памятники палеолитического времени на Днепре в районе оз. Ленина (Исследования 1950 г.) // Археологічна спадщина О.В. Бодянського. — Запоріжжя, 2006. — С. 39 — 45.
21. Телегін Д.Я. Дніпро — донецька культура. — К.: Наукова думка, 1968. — 258 с.
22. Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. — К., 1977. — 128 с.
23. Пам'ятки історії та культури Запорізької області (Вільнянський, Михайлівський, Новомиколаївський райони). — Запоріжжя, 1999. — Вип. 2. — 136 с.
24. Тихомолова И.Р. Отчет о разведках в Васильевском и Вольнянском районах Запорожской области в 1996 — 1997 гг. // Науковий архів ІА НАНУ. Ф. 1997/5.
25. Сердюкова І.Л., Якубенко О.О. Кераміка доби середньої бронзи острова Виноградний // АДУ 1992 р. — К., 1993. — С. 125 — 126.
26. Шапошникова О.Г. Про пам'ятки часу катакомбної культури в Степовому Придніпров'ї // Археологія. — 1968. — Т. XXI. — С. 79 — 94.
27. Агульников С.М. Новые комплексы катакомбной культуры из Нижнего Поднестровья // ССПК. — Запоріжжя, 1999. — Т. VII. — С. 118 — 132.
28. Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К.: Наукова думка, 1986. — 167 с.
29. Дровосекова О.В. Археологічні пам'ятки доби бронзи з околиць с. Федорівка у Надпоріжжі (за матеріалами колекції О.В. Бодянського) // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2006. — Вип. 6. — С. 3 — 14.
30. Дровосекова О.В. Материалы эпохи энеолита и бронзового века из с. Капуловка Днепропетровской области // ССПК. — Запоріжжя, 2002. — Т. X. — С. 131 — 154.
31. Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. — К.: Наукова думка, 1970. — С. 7 — 59.
32. Самар В.А. Дремайловское поселение эпохи поздней бронзы на Юге Украины // Археологические вести. — СПб., 1998. — № 5. — С. 131 — 142.
33. Кривцова-Гракова О.А. Поселение бронзового века на Белозерском лимане // КСИИМК. — 1949. — Вып. XXVI. — С. 76 — 85.
34. Дровосекова О.В. Нові матеріали доби пізньої бронзи з берегів Білозерського лиману // Наукові записки. Збірник молодих вчених та аспірантів. — К., 2006. — Т.13. — С. 21 — 43
35. Попандопуло З.Х. Курган эпохи ранней бронзы у с. Малая Токмачка // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2006. — Вип. 6. — С. 45 — 53.

**ТОПОНИМИКА АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ОДЕССКОГО ЗАЛИВА
ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ**

Названия «Гавань истриан» и «Гавань исиаков» отмечены в двух письменных источниках античного времени. Первым из них является «Перипл Понта Эвксинского» Флавия Арриана. Вторым — его расширенная редакция (так называемый перипл Анонимного автора). Как известно, в 134 г. н. э., будучи правителем Кападокии, Арриан осуществил плавание от Трапезунта до Диоскуриады, вдоль юго-восточного побережья Черного моря. Этот перипл был составлен в качестве отчета императору Адриану о поездке. Характерно, что Арриан лично в Северо-Западном Причерноморье не был. Поэтому та часть перипла, которая посвящена этому региону, была заимствована из других лоций, составленных за 400 — 500 лет до него [1, с. 63]. Одним из таких источников является перипл IV — начала III вв. до н. э., автором которого, возможно, был античный географ Эратосфен [1, с. 69 — 73]. Именно Эратосфен оставил сведения о локализации Гавани истриан и Гавани исиаков где-то в районе современного Одесского залива, что соответствует обстановке его времени. А во времена Арриана, судя по археологическим материалам, на берегах залива если и находились какие-то населенные пункты, то настолько захудалые, что судить об их размерах и уровне благосостояния мы можем лишь по горстке черепков и нескольким римским монетам.

Так, что же сообщают эти периплы? Оба они сперва отмечают на пути западнее Ольвии и устья Днепра «маленький, пустынный и безымянный остров», который принято соотносить то ли с островом Березань, то ли со скалистыми керкирами вокруг него [2]. Потом идет поселение Одес, после него — Скопелы. А за Скопелами следует Гавань истриан. Источник определяет расстояние от Скопел до нее в 90 стадий. Далее располагается Гавань исиаков, до которой тоже 90 стадий. И уже потом, от Гавани исиаков перипл указывает расстояние до города Никоний и «судоходной реки» Тирас в 300 стадиев (§31; §87).

На основании этих сведений Петр Осипович Карышковский полагал, что Гавань истриан находилась в районе Приморского бульвара в Одессе. Свое мнение он обнародовал в совместной с И.Б. Клейманом книге «Древний город Тира». Оно также основано на сообщениях Помпония Мелы и Плиния Старшего, которые помещали племя исиаков (асиаков) у Тилигула (Асиака), а племя истриан — между Днестром и Дунаем. Поэтому Гавань Истриан локализуется в связи с Приморским бульваром, а Гавань Исиаков — у Лузановки; подразумевается, что гавани должны были примыкать к районам обитания этих племен. Такое размещение истриан, исиаков и их гаваней авторы переносят в глубь столетий, до VI в. до н. э. [3, сс. 39 — 40, 68].

Со своей стороны, обобщая известные ему сведения и соображения своих предшественников, М.В. Агбунов опирается на сообщение Флавия Арриана о том, что «за Одессом находится гавань истриан, до нее 250 стадиев» (§31). Он измерил это расстояние и поместил Гавань истриан у Лузановки. Эта гавань, «судя по названию, принадлежала местному племени истриан... Другая гавань — исиаков — отождествляется с поселением на Приморском бульваре. Как видно из ее названия, гавань принадлежала местному племени исиаков» [2, с. 127 и др.].

Создается впечатление, что М.В. Агбунов не учитывает размещения истриан и исиаков по Плинию и Меле — авторов I в. н. э., а П.О. Карышковский и И.Б. Клейман неверно толкуют достаточно ясное сообщение перипла Арриана, источника II в. н. э.

На наш взгляд, не следует ставить в зависимость факт основания этих населенных пунктов от двух местных племен. Действительно, римские авторы размещают племя истриан в Дунай-Днестровское междуречье, а племя исиаков (за Плинием: *Axiacus*, за Мелой: *Asiacus*) — на территорию между Днестром и Тилигулом (Асиаком-Исиаком). Истриане, по мнению П.О. Карышковского, являются племенем гето-фракийским, а исиаки — скифским [3, сс. 38 — 39].

На самом деле «загадочные» истриане появляются в Северно-Западном Причерноморье не в VI в. до н. э., а в середине IV в. до н. э. и локализируются в дельте Дуная, на острове Певка [4, с. 276; 5, сс. 50 — 71]. Примерно тогда же происходит скифо-истрианский конфликт, о котором пишет Помпей Трог [Ust., IX]. Этот конфликт принято сопоставлять с известной войной скифов царя Атея с трибалами, которые появились до 339 года в русле Истра. Трибалы-то и являются гетским племенем истриан. Так что зона их обитания в низовьях Дуная [4, с. 291], или даже в пределах Дунай-Днестровского междуречья, [3, с. 38], не позволила бы им основать собственный порт на южном берегу Одесского залива. Не говоря уже о том, что все три поселения, судя по данным раскопок, возникли задолго до IV в. до н. э. А сам залив находился в центре владений асиаков-исиаков, если верить Плинию и Меле.

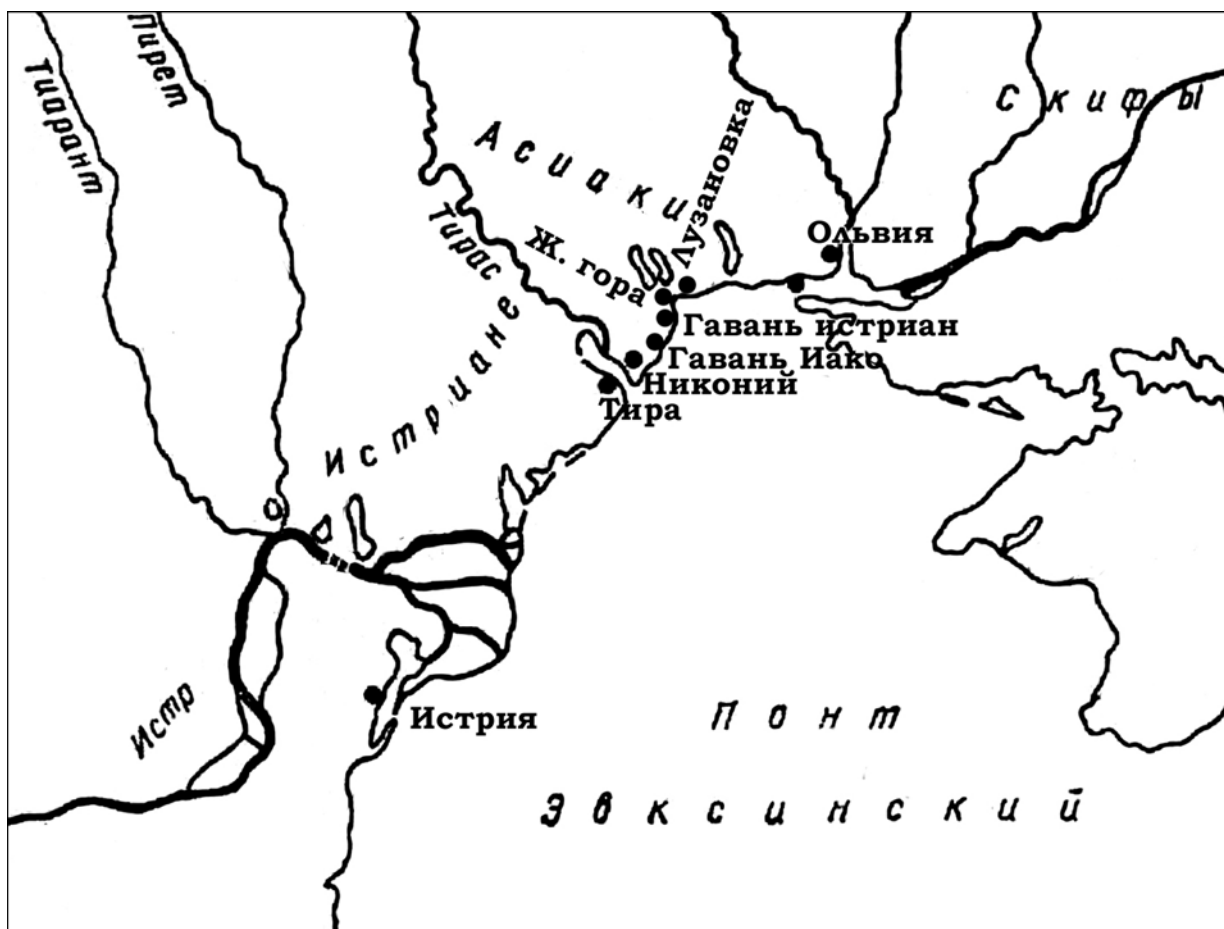
В этом смысле выглядит логичным предположение М.В. Агбунова о существовании в Лузановке Гавани исиаков (но где же тогда была Гавань истриан?). Впрочем, связывать исиаков с одноименной гаванью еще более рискованно. Оказывается, в греческом оригинале текста перипла такое название, как Гавань исиаков вообще не существует. Рукопись Арриана дважды дает однозначный топоним *Ἰακω λιμὴν* (Гавань иако), эмендировать который в Плиниевый *Axiacus* или Меловский *Asiacus* (об Исиаках вообще никто не упоминает) весьма и весьма рискованно: в него вставили целых две буквы и затем подменили инициал. В публикациях начала XIX в. еще встречается правильное прочтение топонима. Затем в весьма авторитетные переводы первоисточника вкрался ошибочный вариант прочтения. Надо полагать, инициал и буквы оказались «подменены» в угоду Плиниевым и Меловским исиакам, в благозвучии названия которых был усмотрен ключ к решению проблемы локализации двух гаваней.

Указанные филологические наблюдения позволили Ю.Г. Виноградову отстаивать мысль о том, что Гавань истриан — секундарная (*вторичная*) апойкия города Истрии, которая была основана ее жителями (что очевидно из её названия). И никакого отношения к племени истриан-трибалов она не имеет. Виноградов полагал, что решение проблемы локализации этого пункта поможет определить степень колониционного влияния этого одного из крупнейших полисов региона на земли Северо-Западного Причерноморья [6].

Косвенные следы этого влияния были заметны со всей очевидностью. Так, жителям Истрии приписывается и основание Никония в низовьях Днестра. Прямым указанием на связь Истрии с областями, расположенными к северо-востоку от устья Дуная, являются находки монет этого полиса и прямые данные эпиграфики из раскопок в Тире. В свете сказанного вспомним о находках истрийских монет на Приморском бульваре а также о коллекции сероглиняной керамики

«истрийского производства» из раскопок у дворца Воронцова, которая по количеству уступает лишь амфорной таре. Именно в области археологии лежит ключ к разгадке локализации дочерней апойкии Истрии.

На наш взгляд нет оснований соотносить топоним Гавань истриан с такими крупными античными памятниками Одесского залива, как Лузановка и Жевахова гора. Лузановское, по мнению исследователей, имело «проольвийскую ориентацию», следовательно, не могло быть основано жителями Истрии. На Жеваховой горе, как показали недавние раскопки экспедиции ЮГПУ им. К.Д. Ушинского, поселения не было вовсе. По всей видимости, на этом прибрежном плато располагалось огромное «ландшафтно-географическое» святилище Ольвийского государства, маркирующее юго-западную границу полиса [7, сс. 58 — 66].

Гавани истриан и асиаков на карте Северо-Западного Причерноморья

Другими словами, из трех известных крупнейших памятников античного времени на берегу современного Одесского залива, наиболее ранним является тот, что расположен на Приморском бульваре. При исследовании его позднеархаических слоев выявлен необычайно высокий процент керамики именно истрийского производства [8, сс. 161 — 165; 9]. А по берегам залива проходила граница между сферами влияния двух крупнейших соседних полисов Северо-Западного Причерноморья — Ольвии и Истрии, которые нередко вступали в политическую и военную конфронтацию. Гавань истриан являла собой почти уникальный для этого региона пример основания вторичной апойкии. Подобным образом на азиатской стороне боспорскими тиранами была основана Кимериада. На южном

берегу Понта секундарними апойкиями являлись Керасунт, Котиора и Трабезунт, подвластные Синопе, которые платили ей дань [6, с. 68].

При такой постановке вопроса можно вычислить местоположение и Гавани иако (исиаков), которая, согласно тексту перипла, находилась сразу за Гаванью истриан, на расстоянии 90 стадий. Длину этого стадия исследователи определяют самым разнообразным образом: от 157-ми до 200 метров [2, с. 14]. Это означает, что остатки Гавани иако (исиаков) следует искать где-то на расстоянии до 18 км. южнее современного Приморского бульвара. Однако доверять этим вычислениям нет никаких оснований без данных топографических наблюдений над поселениями античного времени Северо-Западного Причерноморья и выводов палеогеографии. Они-то и указывают на памятник античного времени у поселка Люстдорф, в предместье современной Одессы, возле устья Сухого лимана. Это крупнейшее поселение эпохи классики-эллинизма, которых на всем протяжении береговой полосы от Одесского залива к выкату Днестровского лимана насчитывается всего четыре [10, с. 94]. Подобная интерпретация перипла Арриана не противоречит и логике навигационных задач лоции. В описании береговой полосы даны ключевые пункты, которые соотносятся с устьями рек, лиманов, островами или важными мысами.

Таким образом, авторы античных периплов не ошибались, размещая Гавани истриан и иако (исиаков) на расстоянии 90 стадиев друг от друга. Не ошибался и П.О. Карышковский, который связывал поселение на Приморском бульваре с топонимом Гавань истриан. Попытки же локализовать оба топонима на побережье Одесского залива, аргументируя это влиянием смежных племен истриан и исиаков, безосновательны. Гето-фракийское племя истриан соотносится с трибалами и не могло участвовать в основании позднеархаической колонии Гавани истриан на берегу нынешнего Одесского залива, обитая в Нижнем Подунавье в IV в. до н. э. Гавань истриан была секундарной апойкией Истрии и соотносится с остатками античного поселения VI – III в. до н. э. на Приморском бульваре в Одессе. Не исключено, что в какой-то период этот топоним мог распространяться на всю группу поселений побережья Одесского залива, или же определять географическое название местности. Название «Гавань исиаков» не имеет никакого отношения к скифскому племени исиаков-асиаков и является переключенным названием Ἰακω λιμῆν (Гавань иако). Во всяком случае, локализация этого пункта на 18 км южнее Одесского залива, в районе современного поселка Люстдорф, не противоречит ни данным археологии, ни сообщениям периплов.

Литература

1. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критический обзор памятников литературных и археологических. — Л., 1925. — 621 с.
2. Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. — М.: Наука, 1987. — 156 с.: ил.
3. Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Историко-археологический очерк. — К.: Наукова думка, 1985. — 159 с.: ил.
4. Ткачук М.Е. Гетика, которую мы потеряли (из антологии хронологических разрывов) // *Stratum plus*. — Спб — Кишинев — Одесса, 1999. — № 3. — С. 274 — 304.
5. Виноградов Ю.Г. Истрия, Тира и Никоний: покинутый и возрожденный // *Нумизматика и эпиграфика*. — М.: Прогресс-Традиция. 1999. — Вып. XVI. — С. 50 — 71.

6. Виноградов Ю.Г. Политическая история ольвийского полиса (VII – I вв. до н. э.). – М.: Наука, 1989. – 284 с.: ил.

7. Добролюбский А.О., Красножон А.В. Древнегреческое святилище на Жеваховой горе в Одессе // Историческая. Материалы II-ой научной конференции ф-ф ПДПУ. Одесса: ПДПУ. – 2007. – С. 58 – 66.

8. Красножон А.В. Раскопки на Приморском бульваре в Одессе // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса: издание ОАМ, 1997. – С. 161 – 165.

9. Добролюбский А.О., Губарь О.И., Красножон А.В. Борисфен – Хаджибей – Одесса. – Одесса-Кишинев, 2002. – 268 с.

10. Буйских С.Б. Античные поселения Северо-Западного Причерноморья доримского времени (опыт картографирования) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. – Одесса, 1997. – С. 98 – 102.

Плешивенко А.Г.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ У БЕЛОЗЕРСКОГО ЛИМАНА

Публикация средневековых погребений завершает цикл статей об исследовании курганов у Белозерского лимана в Каменско-Днепровском районе (рис. 1, 1) [1, с. 53 – 72; 2, с. 24 – 40; 3, с. 15 – 45]. Пять погребений впущены в насыпи, возведенные в эпоху бронзы, одно – в скифский курган. Все курганы распахивались, поэтому установить наличие досыпок, связанных с этими захоронениями, не удалось. В статье сохраняется нумерация полевой документации [4]. Глубины и расстояния даются от центрального репера (Р.); дополнительно указаны отметки от поверхности насыпи. Остеологический материал обработан сотрудником Одесского археологического музея Е.П. Секерской.

Курган 1 (рис. 1, 2)

Погребение 3 (рис. 1, 3) находилось в 6,9 м к западу и 3,3 м к югу от Р. на глубине 1,23 м (от поверхности 0,63 м). Контуры ямы не прослеживались. Погребенный лежал на правом боку в вытянутом положении, головой на северо-запад. На левой лопатке найдена монета с остатками шнура.

Описание находки

Монета круглая с дырочкой для шнура. Билон. Сохранность неудовлетворительная.

Диаметр – 1,5 см, длина шнура – 2,3 см (рис. 1, 4).

Погребение 7 (рис. 1, 5) находилось в 7,6 м к югу и 3,1 м к западу от Р. на глубине 1,31 м (от поверхности 0,62 м). Контуры ямы не прослеживались. Погребенный подросток лежал на правом боку в слегка скорченном положении, руки чуть согнуты в локтях. Ориентация западная. Инвентаря нет.

Курган 2 (рис. 2, 1)

Погребение 4 (рис. 3, 1) устроено на восточном склоне кургана в 7,5 м от Р. на глубине 1,75 м. Выявлено на глубине 1,3 м (от поверхности 1 м). Яма неправильной овальной формы с выпуклой северо-западной стенкой размером 3,8 x 1,85 м. ориентирована длинной осью по линии юго-запад – северо-восток. Стенки слегка скошены. Дно понижалось с отметки 1,6 м в юго-западном секторе до 1,79 м в северо-восточном. Вдоль выпуклой части северо-западной стенки располагалась

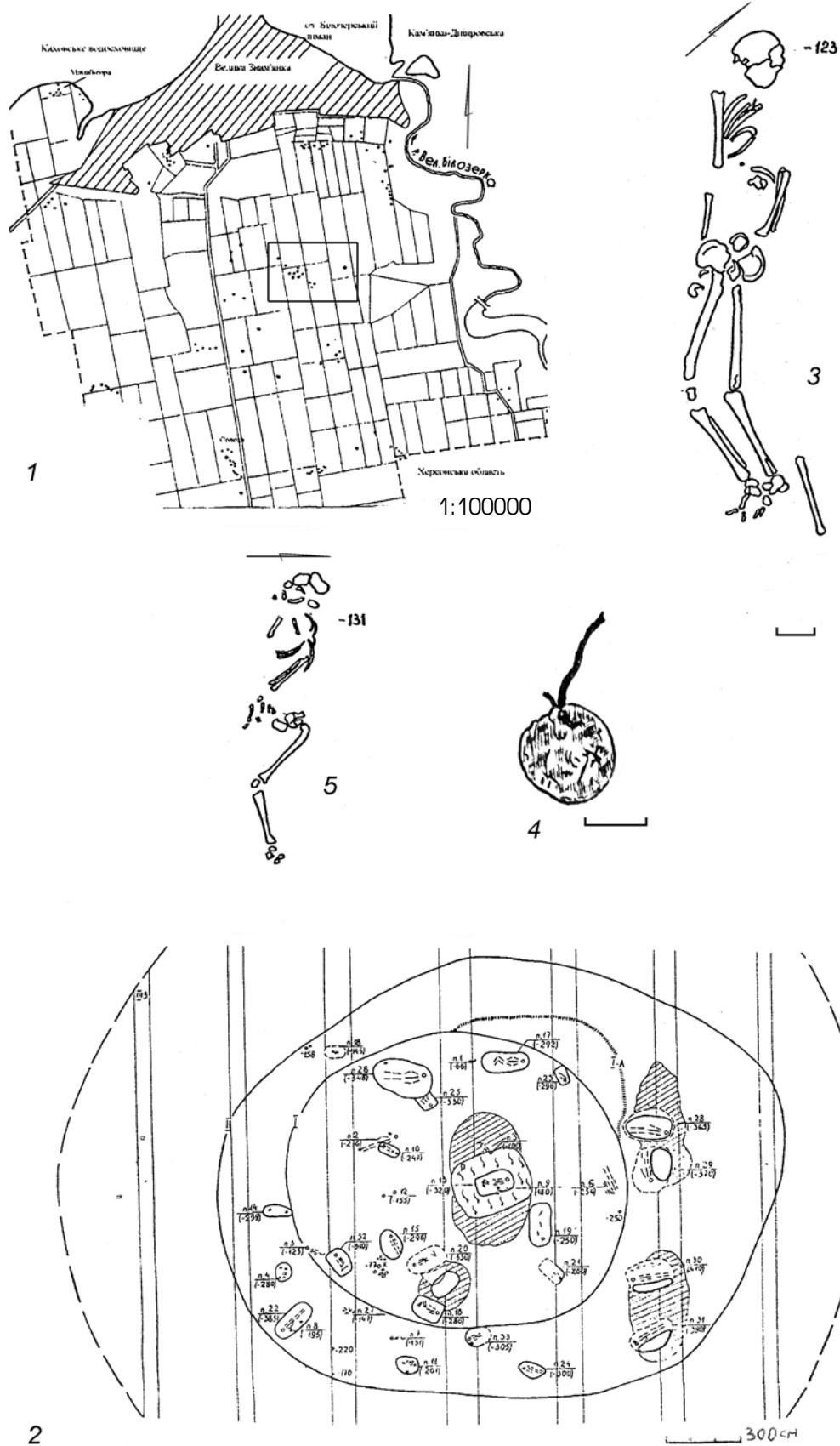

Рис. 1. 1 – ситуационний план, 2 – курган 1, план, 3, 4 – п. 3, 5 – п. 7

приступка высотой 0,05 — 0,1 м; длина — около 2,5 м, ширина у северо-западного края — 0,2 м, с противоположной стороны до 1 м. Северо-восточная часть ямы была завалена камнями разных размеров: 0,95 x 0,65 x 0,35 м, 0,3 x 0,25 x 0,2 м и более мелкими. Камни фиксировались от отметки 0,7 м (0,4 м от поверхности) до дна погребения.

Захоронение совершено в дощатом гробовище с крышкой, установленном в юго-западном секторе могилы. По сохранившимся фрагментам истлевших досок (ширина 7 — 13 см) установлены размеры гробовища: 1,9 x 0,53 м. Погребенный уложен в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. На дне гробовища фиксировался коричневый тлен подстилки, под которой была меловая посыпка. Слева от умершего на приступке находились останки лошади: череп — напротив черепа человека, передние конечности — на уровне бедренных костей, задние конечности — на уровне голеней.

Сопутствующий инвентарь представлен золотым колечком (1), лежавшим во рту на передних резцах; височным серебряным кольцом — выше правого плеча (10), пятью пуговицами-бубенчиками (21), которые были найдены слева от шеи, у левой лопатки, возле левой плечевой кости, справа от таза и у левой бедренной кости. Под левой кистью лежала серебряная гривна (17), на которой фиксировались следы истлевшего матерчатого чехла. Слева от гривны — костяная пуговица (13). Ниже гривны лежала железная пряжка (8). Наконечник стрелы-дротика находился под правой тазовой костью (19). Между колен была найдена «лировидная» бронзовая пряжка (6). Две прямоугольных бронзовых пряжки (4) с остатками кожаных ремешков и два бронзовых кольца, служивших, видимо, атрибутами креплений шпор, располагались справа от правой пятки вместе с фрагментами железной шпоры (3). В ногах погребенного стоял бронзовый котел (18), слева от него, у стенки, найден железный наконечник стрелы (7). Сабля (22) лежала острием вниз слева от скелета. На лезвии сохранились фрагменты деревянных ножен, обтянутых кожей. Ниже от острия меча найдена серебряная копоушка (5).

На костях скелета и под ними, от шейных позвонков до костей голеней (ниже колен на 10 — 15 см) сохранились в большом количестве фрагменты истлевшей одежды погребенного с парчовым поясом (11).

Фрагменты железных кольчатых удил (2) фиксировались среди костей черепа лошади. Немного выше передних конечностей найдены деревянные и кожаные остатки седла (15, 16). Здесь же лежала костяная пуговица с циркульным орнаментом (13). Среди костей передних конечностей находились стремяна (12), положенные одно на другое, ниже — фрагменты кожаных пут с бронзовыми штифтами (14), клык хищника (9) и две костяные пластины (20).

Описание находок

1. Колечко золотое сомкнутое, плоское в сечении, с гнездом овальной формы для камня (камень отсутствовал), без закрепляющих лапок. Наружная поверхность возле гнезда украшена рельефным зигзагообразным орнаментом. Диаметр — 1,6 см; диаметр — гнезда 0,35 x 0,3 см, высота — 0,15 см (рис. 4, 8).

2. Кольцо височное серебряное, несомкнутое, круглое в сечении. Общий диаметр — 2,8 см, диаметр в сечении около — 0,3 см (рис. 4, 9).

3. Пуговицы-бубенчики бронзовые двусоставные, в виде чуть приплюснутого шара, с одной прорезью и двумя круглыми отверстиями внизу и с петелькой наверху (4 шт.) (одна во фрагментах). Диаметры: 1,2 x 1,1 см, 1,2 x 1,0 см, 1,3 x 0,9 см.

Одна в виде шара, без прорезей, с петелькой наверху, двусоставная. Диаметр — 1,6 см (рис. 4, 10).

4. Гривна серебряная из гладкого, прямоугольного в сечении прута с тонким острым одним концом и расплюснутым виде лопаточки другим концом. Общая длина — 29,5 см, максимальная толщина на середине — 0,8 см (пл. сечения — 0,7 x 0,3 см). Длина «лопатки» — 1,3 см, ширина — 0,5 см (рис. 4, 14).

5. Пуговицы-ворварки костяные (2 шт.). Одна украшена зигзагообразным орнаментом в виде 4-х штрихов, попарно наклоненных друг к другу. Размеры: высота — 0,5 см, диаметр — 1,9 см, диаметр отверстия — 0,4 см. Вторая украшена циркульным орнаментом. Высота — 0,5 см, диаметр — 2,2 см, диаметр отверстия — 0,6 см (рис. 4, 13).

6. Пряжка железная округлой формы с обломанным язычком. Сечение овальной формы. Размеры: 2,8 x 2,5 см, диаметры сечения — 0,4 x 0,5 см (рис. 4, 2).

7. Наконечник стрелы (дротика) железный плоский, черешковый, в форме вытянутого ромба. Общая длина — 13 см, длина черешка — 5 см, его диаметр в верхней части — 1 см, на конце — 0,7 см, длина наконечника — 8 см, ширина — 4,2 см (рис. 4, 16).

8. Фрагмент наконечника стрелы железной пулевидной формы, черешковый, круглый в сечении. Длина фрагмента — 5 см, черешка — 2,5 см, диаметр наконечника у основания — 1,2 см, диаметр черешка — 0,7 см (рис. 4, 17).

9. Пряжки бронзовые с подвижным язычком (3 шт.):

а) «лировидная» с овальной заостренной на конце рамкой плоской в сечении, переходящей в прямоугольную рамку с уплощенными боковыми сторонами, язычок отсутствовал, длина — 2,2 см, ширина — 2 см (1 шт.) (рис. 4, 6);

б) с подпрямоугольной рамкой и аналогичным приемником полуовальным в сечении, слегка вогнутым вовнутрь, язычок крепился к поперечине, делящей рамку на две идентичные части (2 шт.). Длина рамки — 2,5 см, ширина — 1,4 см (рис. 4, 3).

10. Колечки бронзовые сомкнутые, овальные в сечении (2 шт.). Диаметры — 1,2 и 1,9 см. Через меньшее кольцо продет фрагмент железной петли (рис. 4, 4).

11. Фрагменты кожаных ремешков с отверстиями от шпор, шириной от 0,5 см до 1,2 см. Длина — от 1,5 до 3,3 см (рис. 4, 5).

12. Шпора железная (фрагменты), дужка в форме буквы «U», искривление не зафиксировано, в сечении — квадрат с закругленными углами, петли не сохранились. Фрагмент шипа снабжен ограничителем в виде манжета. Длина фрагмента шпоры — около 12 см, ширина по внешним сторонам — 10 см, толщина дужки — около 1,3 см, высота фрагмента шипа — 1,8 см (рис. 4, 15).

13. Сабля с массивным, равномерно изогнутым однолезвийным клинком, фрагменты сильно корродированы. Навершие и перекрестие не сохранились. На клинке прослежены следы деревянных ножен, обтянутых кожей. Общая длина сабли — 1,3 м, ширина клинка — около 5 см, толщина — около 2 см.

14. Фрагменты железных удил с 2-мя подпружинными кольцами диаметром 4 см, диаметр сечения — 0,7 см (рис. 4, 20).

15. Стремена железные. Корродированные фрагменты прогнутой подножки и расклепанной дужки со щелевидным отверстием (2 шт.). Высота стремени — 17,5 см, максимальная ширина — 15,5 см, ширина подножки — 5 см (рис. 4, 19).

16. Фрагменты кожи с седла. Размер наибольшего фрагмента — 10 x 3 см. Несколько кусков состоят из двух слоев кожи (рис. 4, 18).

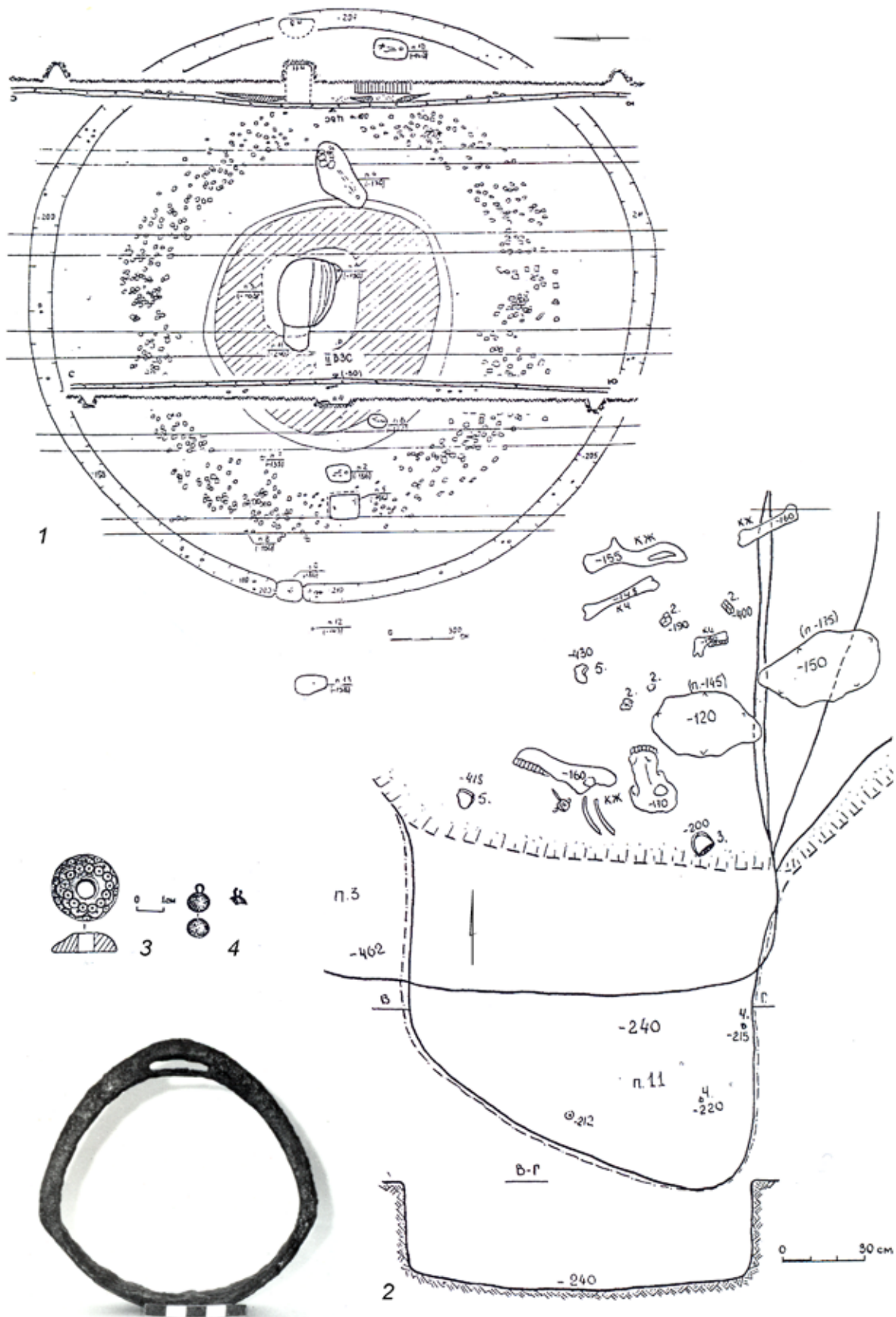

Рис. 2. 1 – курган 2 (план и профили бровок), 2 – 5 – п. 11

Рис. 3. Курган 2, 1 – 5 – п. 4

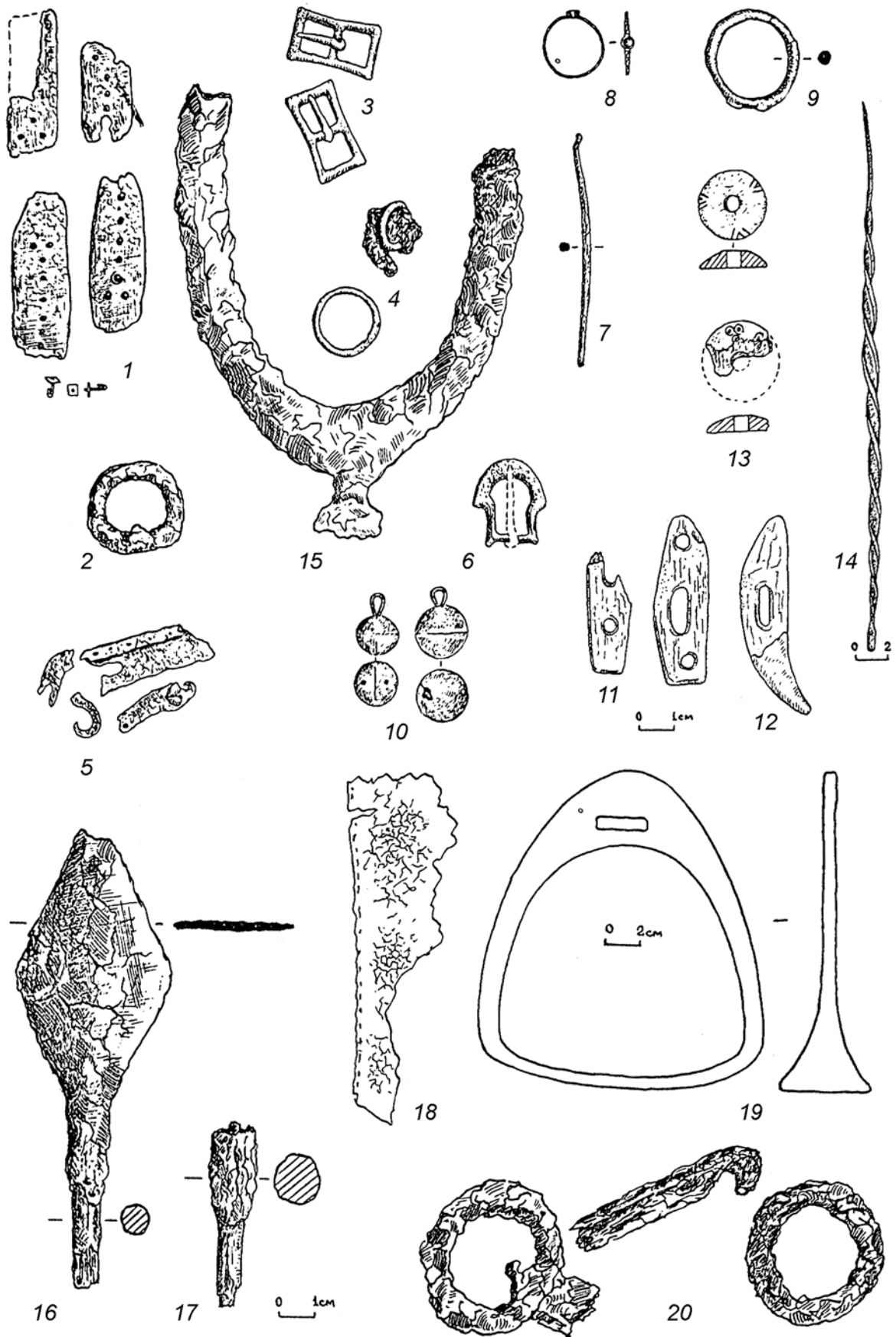

Рис. 4. Курган 2. 1 – 20 – инвентарь п. 4

17. Фрагменты кожаных ремней (путалищ) (14 шт.) с отверстиями и бронзовыми штифтами. Ширина — 1,3 и 1,7 см, длина наибольшего фрагмента — 5 см (рис. 4, 1).

18. Волчий клык с продольной прорезью (1,1 x 0,3 см). Длина — 5,5 см (рис. 4, 12).

19. Костяные пряжки подпрямоугольной формы (2 шт.), в центре — продольная прорезь, у краев — по одному круглому отверстию (одна во фрагментах). Размеры: длина — 4,6 см, ширина — 1,5 см, толщина — 0,5 см, длина прорези — 1,3 см, ширина — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,4 см (рис. 4, 11).

20. Кафтан шелковый. Верхняя часть не сохранилась, за исключением куска парчового пояса и ленты в районе шейных позвонков. Хорошо сохранилась спина кафтана, сшитая из нескольких кусков шелка: 2-х вертикальных и одного горизонтального. Центральная часть спины — кокетка, обшита узкой парчовой лентой. Внизу кафтан обшит широкой полосой (5 см) из полихромной ткани. Стык прикрыт парчовой лентой. Ширина тесьмы — 0,6 см, пояса — 1,5 см (рис. 3, 3 — 5).

21. Копушка серебряная, немного изогнута, один конец расплюснут и слегка загнут, другой кончик обломан. Сечение подовальной формы. Общая длина — 6,2 см, максимальный диаметр — 0,3 см (рис. 4, 7).

22. Котел медный кованый, в форме усеченного конуса, с выпуклым дном, с массивной плоской железной дужкой. Система крепления не фиксировалась. В верхней части котла с противоположных сторон сохранилось по две медных заклепки. Высота котла — 19 см, диаметр устья — 29 см, диаметр дна — 22,5 см. Высота дужки — 16 см, ширина — 2,2 см, толщина — 1,2 см (рис. 3, 2).

Погребение 11 (рис. 2, 2) расположено в 1,3 м к северу от Р. на глубине 2,4 м. Восточная сторона могильной ямы разрушена грабительским ходом. Сохранившаяся часть погребения позволяет предположить, что яма имела прямоугольную форму с широтной ориентацией. Стенки вертикальные с плавным переходом к неровному, покатоному к середине дну. Размеры сохранившейся части погребения: длина — 1,1 м, ширина — 1,25 м.

Захоронение грабленое. Фрагменты скелета человека, а также двух лошадей и стремя найдены в засыпке грабительского хода в восточной части погребения. В юго-западной части погребения, в засыпке ямы обнаружены две бронзовые пуговицы и костяное пряслице.

Описание находок

1. Стремя арочной формы с прогнутой подножкой. В верхней части расплюснутой дужки пробито отверстие щелевидной формы. Размеры: высота стремени — 13,7 см, максимальная ширина — 14 см. Ширина подножки — 4,5 см, толщина — 0,5 см (рис 2, 5).

2. Пуговицы-бубенчики, бронзовые шарообразные, слегка приплюснутые (2 шт.) (одна во фрагментах). Диаметр — 0,8 см (рис. 2, 4).

3. Пуговица костяная круглая в сечении полусферическая. Украшена циркульным орнаментом. Высота — 0,8 см, диаметр — 2,4 см, диаметр отверстия — 0,6 см (рис. 2, 3).

Курган 5 (рис. 5, 1)

Погребение 1 (рис. 5, 2) располагалось в 1,35 м к северу от Р. на глубине 0,85 м. Выявлено под пахотным слоем (-0,15 м). Совершено в прямоугольной яме с дощатым перекрытием, ориентированной с запада на восток. Ширина могилы по верхнему контуру — 1,55 м, по дну — 1,05 м, длина — около 2 м. Погребенный уложен в деревянное гробовище, фрагменты которого позволяют судить только о его шири-

не: 0,55 — 0,6 м. Положение вытянутое на спине головой на запад. Под костями ног на дне зафиксирована слабая посыпка мелом. В гробовище слева от скелета обнаружены две бронзовые пуговицы-бубенчики (3) и узкие небольшие (до 2 см) полоски золотой фольги (7). Слева от гробовища на едва выделяющейся невысокой (до 0,1 м) приступочке шириной до 0,2 м лежали железные наконечники стрел (4), сабля (9), кольцо (6), фрагменты ручки котла (2), стремя (5) и кинжала (10). Перекрытие могильной ямы находилось на 0,5 м выше дна погребения. Северная сторона его положена на приступку шириной 0,2 — 0,3 м. Перекрытие состояло из продольно и поперечно уложенных досок, зафиксированная ширина которых 5 — 10 см. На перекрытии вдоль северной стенки ямы, т.е. слева от умершего, помещены части взрослой лошади: голова, ориентированная на запад и ноги. Здесь же были найдены бронзовые бляшки от конской узды (1).

Описание находок

1. Сабля железная со слабоизогнутым массивным клинком (рис. 5, 13). Перекрестие не сохранилось. В средней части сильно коррозированной рукоятки — железная заклепка. Навершие рукоятки овальное в плане с боковыми выступами и отверстиями в них, куда вставлен железный стержень-заклепка (рис. 5, 11). От ножен сохранились слабые следы дерева на клинке и фрагменты железной трубки-оковки с отпечатками дерева и окислов бронзы на внутренней части (рис. 5, 12). Размеры: длина клинка — 1,13 м, ширина — 3 см; длина рукоятки — 9 см, ширина — 3 см (рис. 5, 13); диаметр заклепки рукоятки — 1,1 см; диаметр навершия рукоятки — 2,2 x 2,7 см; длина заклепки навершия рукоятки — 3,3 см; диаметр концевой оковки — 3,2 x 2 см.

2. Железные черешковые наконечники стрел трех типов:

а) ланцетовидный четырехгранный. Длина сохранившейся части — 4,2 см, ширина — 1,4 см (рис. 5, 8);

б) ланцетовидные плоские (2 шт.). Длина — 5,8 см и 5,7 см, ширина — 1,5 и 1,7 см (рис. 5.9.);

в) ромбический плоский. Длина — 7 см, ширина — 2,2 см (рис. 5, 10).

3. Пуговицы-бубенчики бронзовые (2 шт.) — цельнолитые в виде шаровидной подвески с петлей наверху и двумя точечными отверстиями в нижней части. Диаметры — 1 см и 0,7 см (рис. 5, 3).

4. Железное кольцо круглое в сечении (фрагмент). Диаметр — 2,2 см, диаметр сечения — 0,5 см (рис. 5, 4).

5. Фрагмент железного стремя представляет собой часть овальной подножки. Размеры — 7,5 x 4 см (рис. 5, 15).

6. Бляшки бронзовые штифтовые от конской сбруи трех видов:

а) сердцевидные плоские с тремя вставными штифтами (8 шт.). Размеры сторон: 1,5, 1,5 и 1,1 см. Длина штифтов — до 1 см (рис. 5, 6);

б) в виде четырех спаренных полусфер со вставленными между ними штифтом (1 шт.). Размеры — 1,8 x 1,8 см, длина штифта — 1,4 см (рис. 5, 7);

в) Т-образная двухштифтовая с расширяющейся книзу основной частью, дугообразной перекладной наверху и прямой короткой в середине основной части. Размеры: длина — 2,8 см, ширина — 1,8 см (рис. 5, 5).

7. Фрагменты железной плоской слабоизогнутой ручки котла (2 шт.) Размеры: 6,5 x 2,5 см, 16 x 2,3 см (рис. 5, 16).

8. Фрагменты железного обоюдоострого кинжала (3 шт.). Размеры: 2,4 x 8,7 см, 2 x 3 см, 7 см, 5,5 x 1,7 см (рис. 5, 14).

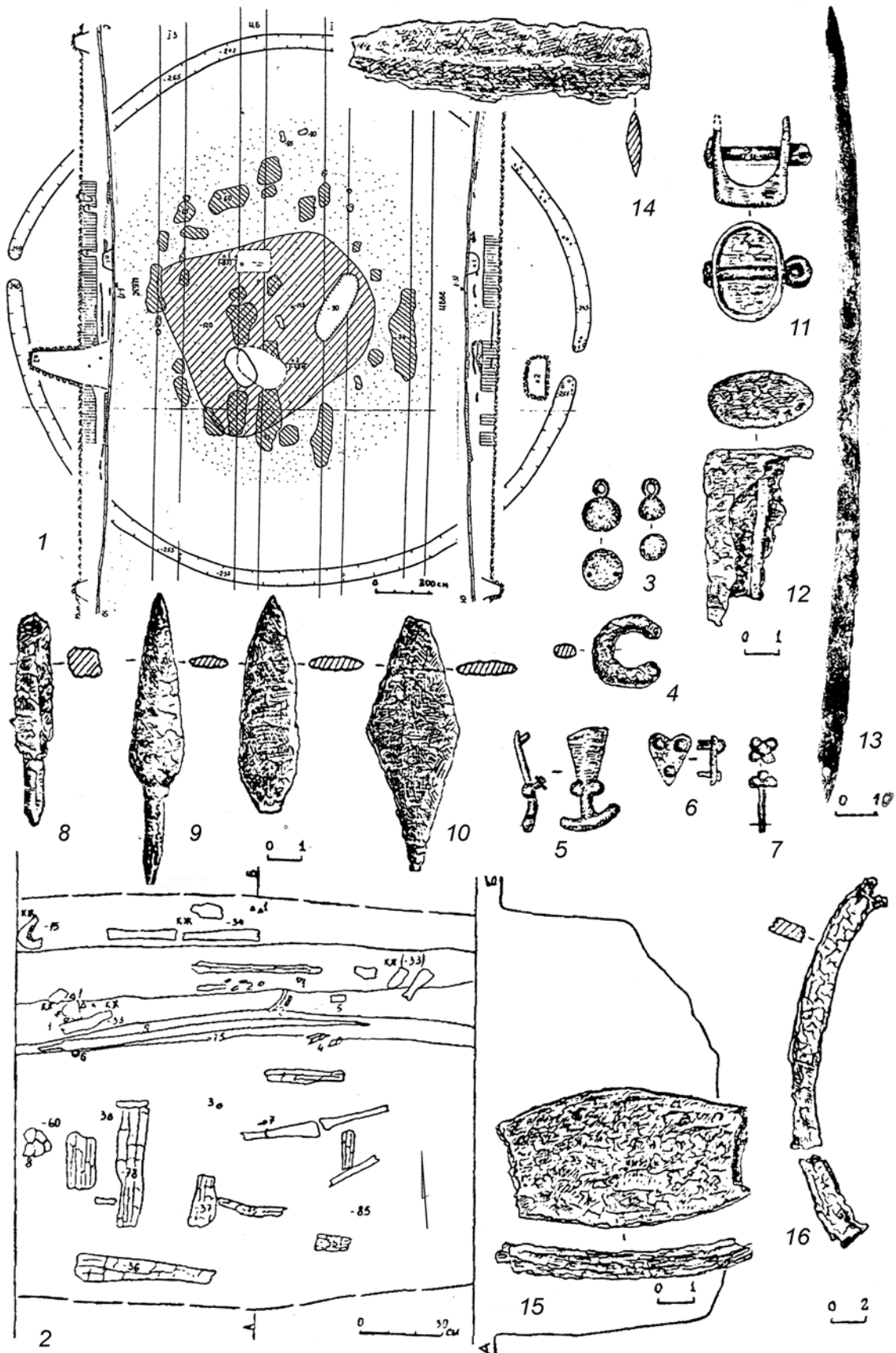

Рис. 5. Курган 5. 1 – план и профили бровки, 2 – 16 – п. 1

Курган 10 (рис. 6, 1)

Погребение 2 (рис. 6, 2) располагалось в 1,3 м к северу и 0,3 м к востоку от Р. на глубине 0,93 м. Могильная яма с нечеткими контурами (2,25 x 1 м) ориентирована в широтном направлении. На дне вдоль северной стенки имелась невысокая (около 0,1 м) пологая приступка шириной 0,3 — 0,5 м. Погребенный лежал в деревянном решетчатом гробовище, размерами 1,7 x 0,5 м. Сохранились фрагменты 2-х продольных и 4-х поперечных досок шириной 6 — 8 см, толщиной — около 1,5 см; часть обуглена. Погребенный лежал в вытянутом на спине положении, головой на запад. Кисти рук лежали на тазовых костях. В изголовье за пределами гробовища лежали кости жертвенного барана. На приступке находились череп и копыта взрослой лошади: череп располагался параллельно человеческому черепу и был ориентирован на запад; копыта разбросаны на противоположном конце приступки. Возле черепа лошади лежали фрагменты железных удил (1). Инвентарь, сопровождающий погребенного, был помещен в гробовище. Под черепом найдены фрагменты железных ножниц (8); возле ключиц — по золотому височному кольцу (2). У левого плеча лежал железный нож в деревянном чехле с серебряной богато орнаментированной рукояткой (3). Ниже ножа находились фрагменты деревянного чехла со следами истлевшей шелковой ткани, в котором помещена спираль из тонкой серебряной проволоки (9). До середины костей голеней фиксировались фрагменты кожаных сапог (5), носки которых были украшены бронзовыми бляшками: по центру подтреугольные, ажурные, по краю круглые (7). Часть бляшек сохранили положение *in situ*, остальные вынесены из гробовища грызунами. В ногах найдены мелкие обломки неопределенных железных предметов (4) за пределами гробовища, невыразительные фрагменты лепного сосуда.

Описание находок

1. Фрагмент железных шарнирных ножниц с двумя скобами: прямой и загнутой вовнутрь под тупым углом. Общая длина фрагмента — 12,6 см.

2. Кольца височные золотые разомкнутые (2 шт.). Размеры: 2,5 x 2,8 см и 2,6 x 2,8 см; диаметр сечения — 0,25 см (рис. 6, 7).

3. Нож железный с фрагментами деревянных ножен на лезвии и серебряной накладной рукоятью. Лезвие ножа прямое, равномерно сужающееся к концу, заостренное с одной стороны, треугольное в сечении. Рукоятка ножа прямоугольной формы с полукруглым завершением, овальной в сечении формы. Костяная ручка служила основанием для двух идентичных литых серебряных накладок, каждая из которых в сечении представляла полуовал. Две половинки состыковывались и запаивались. Наружная плоскость украшена рельефным орнаментом с соблюдением принципа зеркальной симметрии. Здесь использован мотив крина, символизирующий древо жизни. Центром композиции является пышный стилизованный росток в форме трех сливающихся подтреугольных фигур, вытянутых по длинной оси рукоятки и раздваивающихся на концах. Росток позолочен методом наводки. Вдоль ростка вьющиеся побеги — полукрины залиты чернью. Основанием ростку служит горизонтальная полоска, также выполненная в технике черни. Размеры: длина лезвия — 8 см, ширина у основания — около 1,4 см, толщина — около 1,4 см, толщина — около 0,5 см; длина ручки — 4,6 см, размеры сечения — 1,3 x 0,7 см, толщина костяной основы — до 0,2 см (рис. 6, 3).

4. Спираль из тонкой серебряной проволоки в деревянном футляре, обтянутом шелковой тканью. Длина фрагментов — 3 см и 1 см, диаметр — 1 x 1,2 см, толщина проволоки — 0,05 см (рис. 6, 4). Фрагменты деревянного чехла — 2,5 x 0,7 см,

3 x 0,8 см, толщина — около 0,15 см. Фрагменты шелковой ткани 2,8 x 0,4 см и более мелкие.

5. Бляшки бронзовые со штифтовыми креплениями трех типов:

а) полусферической формы, обрамленные по периметру ребристым валиком, с одним штифтом в центре, диаметром 1 см (23 шт.) (рис. 6, 8);

б) полусферической формы, обрамленные по периметру ребристым валиком, с одним штифтом в центре, диаметром 1,8 см (16 шт.) (рис. 6, 9);

в) подтреугольной формы, ажурные, представляющие результат стилизации спаренных фигурок птиц, с тремя штифтами, размерами 2,7 x 2,1 см (5 шт.) (рис. 6, 10).

6. Фрагменты кожаных сапог (16 кусков), на некоторых по краю фиксируются круглые отверстия. Размеры фрагментов: 5 x 9 см, 3 x 7 см, 4 x 6 см и т. п. Толщина кожи — 0,8 мм (рис. 6, 11).

7. Фрагменты железных удил (5 шт.). Среди них стержень прямоугольный в сечении длиной 4,9 см. Размеры сечения — 0,8 x 0,6 см (рис. 6, 5 — 6).

8. Фрагменты лепного сероглиняного сосуда: 2 венчика, 3 стенки. Венчик отогнут наружу, край уплощен. Черепок трехцветный в изломе, глина с примесями шамота. Поверхность неровная. Размеры: 5 x 3 см, 4 x 3 см, 3,5 x 2 см.

Анализ рассмотренных погребений позволяет выделить две группы памятников. К первой относятся пп. 3, 7 к. 1, совершенные в простых ямах (отдел А, тип 1 по Г.А. Федорову-Давыдову) [5, с. 124] в вытянутом положении с разворотом на правый бок, головой на запад и юго-запад, т. е. с ориентировкой погребенного лицом в сторону Кыблы. Эти признаки исламизации прослеживаются в кочевнических погребениях начиная с IV периода (вторая половина XIII — XIV вв.) [6, с. 132, сл.]. Временным отсчетом для датировки данных погребений служит амулет-монета из погребения 3. Монета Бахчисарайского чекана первого правления Менгли-Гирея II (1137 — 1143 гг. х) 1724 — 1730 гг. [7, с. 11, табл. XIII, 27].

Другую группу памятников (пп. 4, 11 к. 2; п. 1 к. 5; п. 2 к. 10) объединяют иные черты погребального обряда, отмеченные рядом особенностей, и сопровождающий инвентарь.

В основе конструкции погребальных сооружений лежит яма с уступом у северной стенки (тип Б III) [5, с. 124] с широтной ориентацией за исключением п. 4 к. 2, где длинная ось ямы шла по линии северо-восток — юго-запад. В п. 4 к. 2 и п. 2 к. 10 на невысоком уступе располагалось чучело коня; в п. 1 к. 5 уступ служил упором для деревянного перекрытия, на котором у северной стенки поместили лошадь. В п. 4 к. 2 северо-восточная часть ямы завалена камнями, что наводит на мысль о захоронении в катакомбе продольного типа, входная яма которой была перекрыта или заложена камнями. Отдаленно схожие конструкции склепов-катакомб известны в раннесредневековых памятниках Южного Урала. Их рассматривают как разновидность могил с подбоями [8, с. 82, рис. 13, IV, е]. В разрушенном грабителем п. 11 к. 2 конструкция ямы не прослеживалась. По всей видимости, его можно включить в эту же группу на основании датирующего инвентаря и присутствия лошадиных костей, среди которых имелись челюсти. В п. 2 к. 10 на приступочке на уровне черепа человека лежал череп коня, копыта располагались на противоположной стороне уступа. Кроме того, в изголовье оставлена напутственная пища — баран. В п. 4 к. 2 и п. 1 к. 5 были помещены чучела с высоко отчлененными ногами. Положение конских черепов и конечностей, способ членения ног животного в какой-то мере диагностируют датировку погребений концом XI — первой половиной XIII вв. [9, с. 139]. Решетчатые гробовища, зафиксированные в трех

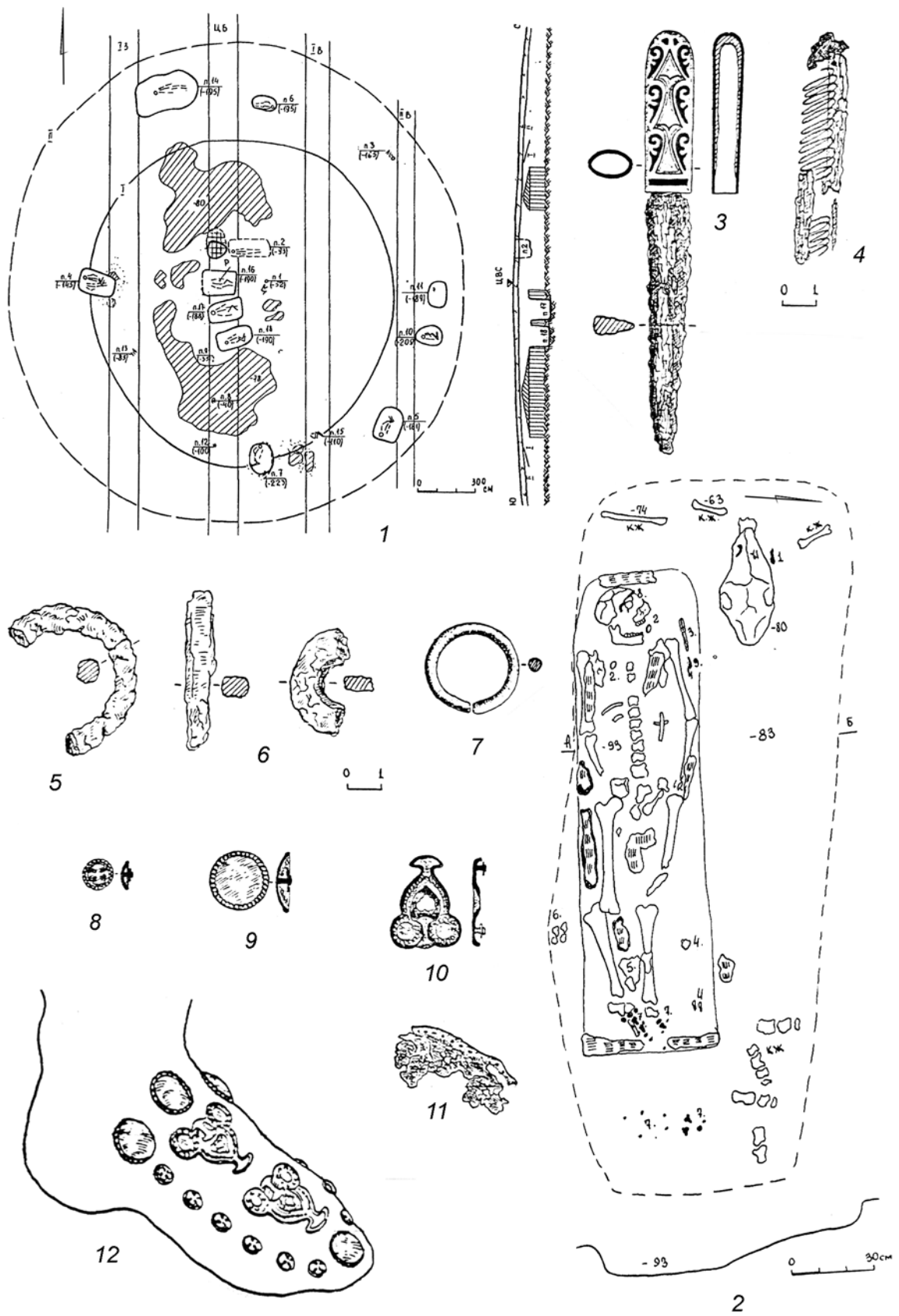

Рис. 6. Курган 10. 1 – план и профиль бровки 2 – 12 – п. 1

неграбленых захоронениях, многократно встречаются в кочевнических памятниках этого периода [10, с. 143, сл; 11, с. 46; 12, с. 120, сл; 13, с. 364, сл.].

В составе инвентаря наряду с предметами массово распространенными в кочевнических комплексах, для которых разработаны хронологические колонки типов (по Г.А. Федорову-Давыдову) (пряжки АІ, БІІІ, серебряная копоушка І типа, стремяна ДІІ и ДІ, пуговицы-бубенчики ІІ и ІV типов, наконечники стрел ромбические В ІІІ и ланцетовидные В ІІ и другие), присутствуют вещи яркие, твердо датируемые, не имеющие точных аналогов.

Таковыми, на наш взгляд, являются бронзовые бляшки со штифтовым креплением, украшавшие носки кожаных сапог в захоронении 2 к. 10. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова они относятся к двум типам: круглые полусферические малых и средних размеров (А ІІ) и подтреугольные ажурные, представляющие поздний вариант стилизации нашивок с фигурками птичек (Д ІV). Аналогией последнему образцу является находка из кенотафа № 1 к. 2. курганной группы ІV на р. Волчьей, которая датируется X — XI вв. [10, с. 142]. Другой набор бляшек, крепившихся на ремнях конской сбруи из п. 1 к. 5, представляет собой разновидность сердцевидных, розетковидных и фигурных блях отделов З, Н, К.

К редкой категории инвентаря относятся шпоры. В п. 4 к. 2 найден ранний образец с сигарообразным шипом и скобой, лежащими в одной горизонтальной плоскости (тип А), датируемый XI — XII вв. [14, с. 64].

Из набора оружия наибольший интерес вызывает хорошо сохранившаяся сабля из п. 1 к. 5. По своей морфологической характеристике и деталям оформления — оковка на конце ножен и головка на рукояти — этот экземпляр относится к 2 типу отдела Г [15, с. 18]. Время изготовления таких сабель — первая половина XII в. Учитывая, что срок бытования этого вида оружия определяется в 50 — 70 лет, погребальный комплекс допустимо датировать XII — началом XIII вв.

Условно, к группе оружия можно причислить нож из п. 2 к. 10. Это миниатюрный с железным лезвием и костяной рукояткой полностью закрытой серебряными накладками с изящным растительным орнаментом, исполненным в технике гравировки, с последующим золочением и чернением. По оформлению рукояти близкой аналогией этому ножу можно назвать комплект ножей из Чингульского кургана, которые исследователи памятника склонны считать работой древнерусских ювелирных мастерских XII — XIII вв. [16, с. 32]. Следует отметить, что если техника и мотив изображения на накладках созвучны, то назначение ножей явно разное. В ханском погребении это предметы вооружения. Нож из нашего погребения скорее является специальным инструментом для выполнения тонкой, возможно женской, работы. Прочий инвентарь погребения позволяет отнести его к женскому. К сожалению, антропологического подтверждения этой версии нет.

Параллели с Чингульским комплексом имеются и в наборе инвентаря п. 4 к. 2. Это железная слабоизогнутая сабля, серебряная выпрямленная гривна, жезл и шелковый кафтан. Последняя вещь заслуживает особого внимания в связи с редкостью подобных находок и хорошей сохранностью данного экземпляра, позволяющей судить о размерах, крае, деталях отделки, ткани, из которых был сшит наряд. Кафтан был ниже колен с длинными рукавами, отрезной по талии, запахивающийся налево, юбка густо собрана в поясе, застежка оформлена пуговичками-бубенчиками. Пояс изготовлен из парчовой ленты (шириной 1,5 см), украшенной плетеным узором. Спинка кафтана на кокетке, сшита из двух кус-

ков, соединенных швом по линии позвоночника. Кокетка подтреугольной формы доходила до середины спины и была пришита так, что нижний угол совпадал со швом спинки. Подол юбки оторочен оборкой шириной 5 см. Кафтан сшит из шелковой одноцветной ткани. Кокетка и оборка юбки из полихромного шелка, стыки швов кокетки и оборки с основной тканью прикрыты парчовой тесьмой шириной 0,6 см. Такой же тесьмой был обшит V-образный ворот кафтана.

Реставрационные работы, проводимые М. Степан, продолжаются уже 20 лет. По предварительному определению основная ткань кафтана выткана из ровной пряжи сильной крутки; имеет гладкую блестящую поверхность, отличается значительной плотностью. Она относится к группе тканей сложного плетения, в котором нити утка преобладают над нитями основы. Ткань была окрашена червецом. Эту дорогостоящую краску добывали из насекомых типа «армянской кошенили». При помощи червца, в зависимости от потравы, получали малиновый или глубокий темно-вишневый тон. Кокетка спинки и оборка подола относятся к группе многоцветных узорных шелков. Узоры образованы утками нескольких цветов: куркума (желтый), червец (красный), индиго (синий). Строение ткани, характер и качество используемых нитей, технологические особенности производства текстиля кафтана позволяют отнести его к продукции византийских мастерских [17, с. 171].

Таким образом, в каждом из рассмотренных погребений присутствуют вещи с хронологическими признаками XI – XII – нач. XIII вв. На основе принципа взаимовстречаемости типов предметов, а также с учетом обряда захоронений, датировка памятников может быть сужена в рамки XII – начала XIII вв. Ассортимент сопровождающего инвентаря и особенности погребального ритуала определяют этническую принадлежность погребений половецкому кругу.

Высокий социальный статус погребенного в нарядном дорогом кафтане подтверждают присутствие в захоронении не просто престижных предметов (бронзовый котел, сабля, изделия из драгоценных металлов), но и выразительных социально-значимых атрибутов. К числу последних относится выпрямленная гривна-жезл, знаковость которой неоспоримо отмечена рядом исследователей [16, с. 33; 18, с. 96; 19, с. 215; 20, с. 118; 21, сс. 152, 153]. Другим социально значимым предметом по тем временам были шпоры. В средневековой Европе по своему символическому значению они конкурировали с мечом, надевались при посвящении в рыцари. Возможно, эта традиция была не чужда и половецким аристократам, связи которых с соседними странами были разноплановыми.

Литература

1. Плешивенко А.Г. Скифский курган у Белозерского лимана // Курганы Степной Скифии — К.: Наукова думка, 1991. — С. 53 — 72.
2. Плешивенко А.Г., Алексеев А.А. Скифские курганы у Белозерского лимана // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2004. — Вип. 4 — С. 24 — 40.
3. Плешивенко А.Г. Курганы эпохи бронзы у Белозерского лимана // Музейний вісник.. — Запоріжжя, 2006 — Вип. 6. — С. 15 — 45.
4. Плешивенко А.Г. Отчет о раскопках курганов в Каменско-Днепровском районе Запорожской области в 1987 году // Архив ЗКМ, д. 2771.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М.: Изд-во. МГУ, 1966. — 274 с.

6. Евглевский А.В. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время // Проблемы исследования памятников археологии Донца. Тезисы докладов — Луганск, 1990 г. — С. 131 — 134.
7. Монеты ханов династии Гиреев (Крымское ханство) 1470 — 1783 гг. По материалам работ О. Ретовского. Известия Таврической ученой Комиссии. В. 18 — Симферополь, 1893 // Труды Московского нумизматического общества. Под ред. Орешникова А.В. — М., 1901. — Т. 2. — 326 с.
8. Мажитов Н.А. Южный Урал в XII — XIV вв. — М.: Наука, 1977. — 240 с.
9. Атавин А.Г. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X — XIV вв. // СА. — 1984. — № 1. — С. 134 — 143.
10. Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Кочевнические захоронения X — II вв. на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1985. — С. 138 — 154.
11. Попандопуло З.Х. Погребение с оружием и женскими украшениями // Международные связи в Средневековой Европе. Тезисы докладов. — Запорожье, 1988. — С. 46 — 47.
12. Безверхий А.П. Датировка и этническая принадлежность кочевнического погребения у с. Преображенка // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990. — С. 199 — 124.
13. Ковпаненко Г.Т., Гаврилюк Н.А., Евдокимов Г.Л. Курганы у с. Ковалевка (группа IV) // АДУ 2003 — 2004 рр. — Запорожжя: Дике Поле, 2005. — С. 363 — 388.
14. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX — XIII вв. // САИ. — Л.: Наука, 1973 — Вып. Е 1 — 36. — 140 с.
15. Плетнева С.А. Древности черных клобуков // САИ. — М.: Наука, 1973. — Вып. Е 1 — 19. — 95 с.
16. Отрощенко В.В., Рассемакин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульського кургану // Археологія. — 1986. — № 53. — С. 14 — 36.
17. Елкина А.К. Древнейший текстиль в находках Донецкой археологической экспедиции // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов. — Донецк, 1989. — С. 170 — 171.
18. Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу. // Археологія. — 1974. — Вип. 13 — С. 93 — 98.
19. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы. // Археологія СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — С. 213 — 222.
20. Шалобудов В.Н. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях // Исследования по археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990. — С. 107 — 119.
21. Евглевский А.В. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII — XIV вв. // Археологический альманах. — Донецк, 1998 — № 7. — С. 141 — 156.

КАМЕННАЯ КУРИЛЬНИЦА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЗОКМ

Курильницы, как специфические сосуды для воскурений существовали с древнейших времен и использовались в ритуальных целях. Наиболее примитивные из них могли представлять собой простые камни — алтарики, на которых возжигались растительные — травы, злаки, веточки кустарников и деревьев — и животные ингредиенты — кусочки мяса, меха, шерсти. Собственно ароматические вещества появляются довольно поздно, в уже развитых сообществах. В задачу данной статьи не входит рассмотрение всех видов и типов курильниц у разных народов. Лишь немногие примеры будут приведены для иллюстрации изменения форм данных видов ритуальных сосудов, которые приспособлялись к нуждам и традициям того или иного общества. Практически в каждой археологической культуре зафиксированы изделия, служившие для ритуальных церемоний. Уже в культурах эпохи бронзы: ямной, катакомбной были распространены глиняные сосуды на 3-х и 4-х ножках открытого типа, т. н. чаши, которые были названы курильницами [1, с. 345, рис. 6, 1], хотя не на каждой из них были видны следы воздействия огня. Однако, то, что они служили для культовых целей (следы охры, мела) несомненно. У скифов в разряд курильниц вошли глиняные сосуды с узким горлом и канелированным туловом. У сарматов, согласно классификации К.Ф. Смирнова, насчитывается 12 типов глиняных и каменных курильниц [2, с. 174, рис. 1 — 2]. На некоторых из них, независимо от формы, уже имеются по одному сквозному отверстию. Использовались сарматами и парные сосуды. В больший сосуд, служивший жаровней, в которой разводился огонь, помещался меньший с необходимым веществом [3, с. 29]. Один из типов курильниц на высоком поддоне (тип VIII) в сарматской среде К.Ф. Смирнов объясняет влиянием среднеазиатской бытовой посуды: «Они напоминают бокалы или кубки на высокой ножке из Хорезма и Северной Бактрии» [2, с. 174]. Помимо бытовой керамики, у народов Средней Азии существовало большое количество как глиняных, так и каменных курильниц.

В древней Греции и греческих городах-колониях в Северном Причерноморье алтари для воскурений имелись не только в храмах, но и в каждом доме. Это были маленькие алтарики и керамические фимиатерии в виде кубков на высокой ножке и иных форм сосудов. Для воскурений использовались листья лавра, шишки хвойных пород деревьев. Благовонные смолы и камеди стали известны позднее, где-то на рубеже VI — V вв. до н. э. [4, с. 359]. Их привозили из Южной Аравии и Индии. Там эти средства появились в глубокой древности и первоначально использовались в культовых целях, а потом в быту. Наиболее распространенными видами благовоний были ладан, мирра, нард, корица.

С развитием металлообработки курильницы стали изготавливать из бронзы, хотя каменные и керамические по-прежнему являются наиболее распространенными. Металл, как очень пластичный материал, использовался для отливки ритуальных сосудов в виде фигурок людей, различных животных, цветов, являющихся священными для той или иной культуры. Так у средневековых вьетов (племена вьетнамцев) один из сосудов для возжигания благовоний был представлен в виде бронзовой жабы с открытой пастью и углублением на спине [5, с. 255]. На настенной живописи XIII века из храма Юнлэгуи (Китай) один из даосских святых

изображен с явно металлической курильницей в руках, которая выполнена в виде священного цветка — лотоса [5, с. 482]. Бронзовые курильницы в виде фигурок людей и животных хорошо известны в памятниках средневекового Ирана. Так в собрании Государственного Эрмитажа хранится курильница с изображением сасанидского шахиншаха Хосрова II на коне. Пахучие вещества и уголья вставлялись в отверстие на боку коня, а дым выходил из щели в гриве коня и из отверстия в короне всадника [6, с. 120, рис. 48]. Крышки от курильниц с изображениями хищников семейства кошачьих были обнаружены в Киеве (собрание Ханенко), Дманиси (Грузия), сосуды в виде стоящего зверя хранятся в Лувре, Эрмитаже, в археологическом музее Тегерана [7, с. 53, табл. 46. 3 — 4].

В Украине долгое время изготавливали керамические курильницы в виде одноручных кувшинчиков с крышками, на тулове которых имеются одно крупное и масса мелких отверстий. Внутри таких «куришок» возжигали ароматические смолы и травы [8, с. 283 — 284]

Сосуды для воскурений разнообразной формы и из разного материала бытуют и по сей день. Нынешнему поколению они известны как аромолампы.

В коллекции музея имеется курильница из камня сланцевой породы серого цвета, выполненная в виде узкогорлого сосуда на высоком, конической формы поддоне и с овальным туловом (шифр хранения ЗКМ — В — 4133). Она была закуплена музеем в 1994 году у жителя г. Запорожья. Еще одно каменное изделие — кувшинчик, выполненный из того же сланца и в аналогичной технике, был закуплен для музея Национального заповедника «Хортица» (материал пока не опубликован). Судя по легенде, которую сообщил один из продавцов, обе вещицы были обнаружены в районе средневекового городища Большие Кучугуры. Наш экземпляр изделия еще до поступления в музей был частично склеен. Небольшой фрагмент на одном боку отсутствует.

Курильница состоит из четырех отдельных деталей: собственно полого кувшинчика с горлом и с круглыми разновеликими отверстиями в центре тулова (рис. 1); двух втулок, которые вставляются в эти отверстия и соединяются друг с другом (рис. 2. 1 — 2) и цилиндрической формы воронки, вставляемой в горлышко.

Изделие выточено из цельного куска камня, внутри тулова и всех полых деталей видны концентрические следы резца. В собранном виде общая высота его составляет 33 см, диаметры тулова — 14,1 см и 12,6 см, диаметр поддона — 8,6 см. Поверхность курильницы покрыта растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в технике гравировки. Декор подчинен строению сосуда и подчеркивает все выпуклости и изгибы. Он распределен на кольцевые зоны. На тулове с обеих сторон вокруг сквозных отверстий, расположена композиция из 15 стрельчатых арок, в которые вписаны стебли с цветком хризантемы. При этом чередуются полностью открытые и полускрытые цветы. Своими основаниями арки опираются на концентрические круги со штриховкой, обрамляющие сквозные отверстия и повторяющие орнамент на краю втулок. Такая же штриховка расположена на основании тулова, поддоне, по шейке горла и по краю

Рис. 1

Курильница. Общий вид

венчика. Бока сосуда выделены двумя поясками горизонтальной штриховки, внутри которой помещен волнообразный растительный побег с десятью веточками, на которых расположены листья хризантем. Горло имеет трехчастный профиль: закругленный широкий венчик, узкую шейку, утолщение в виде валика у основания. Помимо означенной штриховки, горло украшают ряды зигзагов, насечек и трилистников. На самой шейке трилистники заключены в ромбы, на валике венчика — в прямоугольники. Поддон имеет форму усеченного конуса и покрыт рядами штриховок, сеточек, узкого трилистника, разделенных Х — образными фигурами, примерно на равном расстоянии друг от друга. В центре дна имеется сквозное отверстие диаметром 0,8 см, вероятно, служившее для вентиляции.

Съемные втулки выполнены в виде разновеликих цилиндров с грибовидными шляпками. Орнаментированы они одинаково, перемежающимися рядами штрихов, между которыми расположены стилизованные изображения пламени, которые еще известны как «восточные огурцы». Одна из втулок, с более выпуклой шляпкой, 7 см в длину и диаметрами: цилиндра — 4,8 см, шляпки — 5,8 см. В центре шляпки просверлены восемь отверстий, диаметром 0,4 см, семь из них расположены по кругу, одно — в середине (рис. 2, 4). Вторая втулка имеет более узкое цилиндрическое тело, поскольку она входит в первую, длина ее — 6,6 см, диаметры — 3,3 — 4,4 см самого цилиндрика и 6,2 см — шляпки. В центре шляпки

Рис. 2

расположено большое отверстие диаметром 1,2 см, вокруг которого просверлены еще восемь малых отверстий диаметрами 0,4 см (рис. 2, 3).

Четвертая деталь курильницы — цилиндрическая трубочка, слегка расширяющаяся кверху, с плоским широким краем (рис. 3). Общая длина ее составляет 12,3 см, над сосудом возвышается на 9 см. Диаметры трубочки — 3,2 — 4,2 см, диаметр венчика — 5,8 см. Перед нижним концом, входящим в горло сосуда, имеется выступающий упор, диаметром 4,6 см, предназначенный для полного перекрытия отверстия. Нижний конец трубочки длиной 2 см обломан и застрял в горле. Судя по затертости излома, это произошло давно. Под венчиком и в нижней части — повторяющийся узор: два ряда штриховок, между которыми расположены гладкие прямоугольники, перемежающиеся орнаментом в виде сеточки. Между ними расположены стрельчатые арки с вписанными в них хризантемами, аналогичными тем, что на тулове курильницы.

Ароматические или иные вещества вкладывались внутрь втулок, которые изнутри были обмазаны ровным слоем белого вещества, в состав которого входит кальций, и возжигались. Дым выходил из мелких отверстий на шляпках втулок. Следов огня внутри втулок и в тулове курильницы не обнаружено. Возможно, вещь предназначалась на продажу и еще не была использована.

Полных аналогий нашей курильнице мы не нашли. По форме тулова и ножки она восходит к образцам металлических кувшинов сасанидского Ирана [6, с. 88] и некоторых сосудов Средней Азии [7, с. 85, табл. 10], доживающих до эпохи позднего средневековья. Орнаментальные мотивы, такие как штриховка, сеточка, растительные побеги хорошо известны, как в эпоху раннего средневековья (IV — VIII вв.), так и на некоторых изделиях уже золотоордынского времени. В частности, такие мотивы украшают костяные пластины, служившие обкладками колчанов, ручек ножей. Орнамент в виде цветов хризантемы использовался на поливной и полихромной посуде из Каракорума [9, табл. II, 2; III, 1], на селадоновом блюде, обнаруженном на золотоордынском городище Большие Кучугуры [10, с. 246, рис. 3, 3].

Таким образом, учитывая весь комплекс признаков, характерных для данного изделия, а также место его находки, мы можем с уверенностью датировать его временем существования средневекового городища Большие Кучугуры, т. е. XIV — началом XV веков. Кроме того, мы также можем утверждать, что изделие было изготовлено местным мастером, хорошо знакомым с образцами торевтики и керамики Переднего Востока, Средней Азии и Китая. Для тех, кто знаком с уже опубликованными материалами с территории городища Большие Кучугуры [10; 11], подобное предположение не вызовет удивления. Камень, из которого изготовлена курильница, довольно часто использовался еще племенами эпохи поздней бронзы для производства литейных форм. Ближайшее месторождение сланцевых пород находится в Криворожье, на правом берегу Днепра, в соседней с Запорожской, Днепропетровской области [12, с. 192 — 193].

Рис. 3

Литература

1. Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. — К.: Шлях, 2005. — 412 с.
2. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М.: Наука, 1973. — С. 166 — 179.
3. Глухов А.А. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // Донская археология. — 2000. — № 2. — С. 29 — 39.
4. Кадеев В.И. История и археология Причерноморья. — Харьков: Бизнес Информ, 2000 — 390 с.
5. Мифы народов мира // Энциклопедия в 2-х томах. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — Т. 1. — 671 с.
6. Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III — VIII веков. — М.: Искусство, 1987. — 155 с.; ил.
7. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII — XIII вв. — М.: Наука, 1976. — 199 с.
8. Пошивайло Ігор. Феноменологія гончарства. — Видавництво Державного музею-заповідника українського гончарства в Опішному.: Українське Народознавство, 2000. — 412 с.
9. Евтюхова Л.А. Древнекитайская керамика из Каракорума // СА. — 1959. — № 3. — С. 179 — 193.
10. Тихомолова И.Р. Фарфор и фаянс в керамическом комплексе городища Большие Кучугуры // ССПК. — Запоріжжя, 2002. — Т. X. — С. 239 — 251.
11. Попандопуло З.Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // ССПК. — Запоріжжя, 2002. — Т. X. — С. 226 — 238.
12. Петрунь В.Ф. Петрография и некоторые проблемы материала каменных литейных форм эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. — К.: Наукова думка, 1967. — С. 185 — 194.

Михайлов Б.Д.

**ПРОБЛЕМЫ В АРХЕОЛОГИИ: ПАРАДОКСЫ И РЕАЛИИ
(К вопросу о датировке бусины-скарабея
из катакомбного погребения на Мелитопольщине)**

В последние десятилетия арсенал находок древнеегипетских предметов, украшения или подражания к ним стали известны в Северном Причерноморье, на Кавказе, в Средней Азии, Двуречье, Палестине, Египте и т. д. [1, с. 317].

Особую группу памятников в этом списке занимают «фаянсовые» фигурки-амулеты священного жука-скарабея, иногда входящие в шейные украшения и являющиеся в сакральном понимании как средство обретения человеком бессмертия [2, с. 176]. Одним из таких доказательств является амулет-скарабея (пастовая бусина)*, найденная в засыпке входной ямы катакомбного погребения

* Термин «паста» употребляется в науке условно, под ней специалисты понимают прозрачное стекло с большим коэффициентом преломления; часто покрытое легким «глинистым» составом, и, как отмечает А.С. Островерхов, который «приводит исследователей к ошибочным и некорректным выводам» [1, с. 338].

в с. Вознесенка Мелитопольского района Запорожской области [3, с. 308].* Как оказалось, находка бусины-скарабея, датируемая XVIII — XVII ст. до н. э., стала первым памятником в Северном Причерноморье, ставшим своеобразным репером в понимании верхнего хронологического диапазона катакомбной этно-исторической культуры.

Естественно, данный памятник незамедлительно нашел положительные отзвуки в работах известных отечественных ученых-бронзовиков, как например С.С. Березанской [4, с. 209], К.Ф. Смирнова и Е.К. Кузьминой [5, с. 42], Н.А. Николаевой [6, с. 29 — 30] и др.

Однако, некоторым украинским ученым «не понравилась» уникальная находка, т. к. она, вероятнее всего, ломала стереотипные представления о хронологии не только катакомбной, но и срубной культуры. Так, после публикации автором пространной статьи о памятнике [7, с. 63 — 65] в небольшом сборнике Луганского центра археологической экспедиции, С.Н. Санжаровым в наш адрес, да и других исследователей были брошены упреки в подлоге археологических материалов [8, с. 116 — 119]. Основной «удар» названный автор сосредоточил на якобы несоответствии текста первой предварительной информационной заметки в «Археологических открытиях» (1973 г.) и публикации всего погребального комплекса из с. Вознесенки на Мелитопольщине [7, с. 63 — 65].

Конечно, некоторые разночтения в предварительных и расширенных публикациях всегда имеют место потому, что первая информация — это краткое изложение факта находки памятника и поэтому она, как правило, несет в себе поверхностный характер изложения. Естественно, только более широкая и глубокая статья является окончательной точкой зрения исследователя. Тем не менее, в названных публикациях Санжарову не понравилась, вероятно, датировка памятника, что в категорической форме он сформулировал свои мысли следующим образом: «Приходится констатировать, что речь идет всего лишь об обычной пастовой бусине» [8, с. 118].

А разве я писал, что-то иное? Действительно, в конкретном случае, упрекнуть оппонента не в чем, он прав, но в моей предварительной публикации отмечалось, что: «В подсыпке катакомбного времени обнаружена пастовая бусина (египетский скарабей), датируемая XVIII — XVII вв. до н. э.» [3, с. 308], а уже позднее в 1991 году, в издании всего комплекса подчеркивалось, что: «В заполнении входной ямы на глубине 0,3 м обнаружена пастовая бусина в профиль сегментовидных очертаний, покрытая коричневыми бороздками.** Изделие может рассматриваться как /ж/у/к — с/к/а/р/а/б/е/й. Его длина — 1,8 см; ширина — 1,2 см; высота — 0,7 см» [7, с. 65, рис. 1, 5 — 6].

К этому следует добавить, что, несмотря на детальное описание уникального памятника, история обвинения в адрес автора этих строк на этом не заканчивается. В частности, В.В. Отрощенко в заметке, посвященной десятому выпуску «Древности Степного Причерноморья и Крыма» (Запорожский госуниверситет) с особым удовольствием еще раз упрекнул автора этих строк, что: «С.Н. Санжаров красочно описал историю со скарабеем...» [10, с. 193]. Конечно, если у оппонентов чересчур развита фантазия, то всё возможно, и выдумать можно всякие небылицы, какими являются, в частности, умозаключения самого Санжарова.

* Хранится в Мелитопольском краеведческом музее. КВ-6408, арх.-409.

** С.И. Ходжаш отмечает, что: «Из множества орнаментов, украшающих скарабея, нет двух абсолютно тождественных. Встречаются узоры простые и сложные, созданные из четких геометрических линий или запутанных сплетений ...» [9, с. 8].

В конечном счете, возникает вопрос, в чем дело (?), что находка «бусины скарабея» не подходит некоторым специалистам эпохи бронзы (?), а ученые средней бронзы и более раннего времени должным образом восприняли и оценили этот уникальный памятник. Так, К.Ф. Смирнов и Е.К. Кузьмина отмечали, что: для уточнения возраста катакомбной культуры важна находка в кургане с. Вознесенка на р. Молочная египетского скарабея XVIII – XVII вв. до н. э. [5, с. 42].

В свою очередь, С.С. Березанская в вопросе о хронологических рамках культуры многоваликовой керамики (КМК) пришла к заключению о частичной синхронизации с катакомбной культурой [11, с. 19], а Н.А. Николаева предпочла отвергнуть хронологический диапазон КМК предложенный С.Н. Братченко (XVI – XV вв. до н. э.), определив появление в Подонье КМК не ранее конца XV в. до н. э. [6, с. 30].

Как видим, «ларчик» открывается очень просто, все заключается в том, что «бусина-скарабея» позволяет, по-новому, датировать хронологический стык катакомбников и племен культуры многоваликовой керамики. Вот такая парадоксальная картина возникла вокруг бусины-скарабея. По-видимому, это было связано с тем, что подобные амулеты бытовали в Египте с IV тыс. до н. э., и в Причерноморье дожили до скифо-сарматского времени, что явно насторожило названных оппонентов. Как справедливо отмечает А.С. Островерхов, что «...сообщения о подобных находках длительное время у нас не вызывали особого доверия» [12, с. 180].

Правда, в последние годы названный автор признает, что: «... после развернутой публикации материалов Молочанского кургана и ознакомления с условиями находки (форма и цвет скарабея, отсутствие в кургане впускных сарматских погребений) сомнения относительно аутентичности этого артефакта у нас исчезли» [12, с. 180].

По всей видимости причина столь неожиданного парадокса вокруг «скарабея» XVIII – XVII вв. до н. э. заключается не только в «неудобстве» для некоторых исследователей хорошо датированного памятника, а плохой информированности о списке аналогичных предметов-украшений.

Так, реалии оказались следующие: ещё в 1911 году Б.А. Тураев в одной из своих работ рассматривал египетские изделия из Северного Причерноморья. В конце 50-х годов XX столетия Б.Б. Пиотровский опубликовал т. н. армавирского скарабея с изображением сидящей фигуры человека и со скипетром в руке, около которого изображен картуш с именем Менхеперра, тронным именем египетского фараона Тутмоса III [13, с. 20].* Далее Б.Б. Пиотровский сообщил о приобретении академиком И.А. Орбели в Ване еще одного скарабея, вновь с титулом Менхеперра [13, с. 21, рис. 1, 2]. К этому списку следует добавить находку жука-скарабея из погребения у с. Воробьевка под г. Курском [14, с. 45 – 46]. Кроме того более широкий ассортимент уникальных памятников стал известен благодаря работе С.И. Ходжаш, часть из которых датируется также XVIII – XVII вв. до н. э. из музеев России, Украины, Кавказа и Прибалтики [10, с. 11 – 12].

Однако указанные предметы были известны и в более позднее время. Показательным регионом в распространении бусин-скарабеев, все-таки, является южный Кавказ, где в раскопках ранних ассирийских памятников (Мари) были найдены названные предметы Нового Царства, уже датируемые XIV – XIII вв. до н.э., что явно указывает на давнюю продолжительную связь Кавказа – Ближнего Востока и, возможно, Палестины, Израиля и Египта [15, с. 206; 16, р. 6, 2]. Как известно, в

* XXIII династия датируется 1580 – 1314 гг до н. э. – авт.

эпоху бронзы (XVIII – XVII вв. до н. э.) влияние последнего на соседние регионы было столь велико, что египетские товары посредством войн и торговых отношений проникали на северо-восток через Палестину и Анатолию, растекаясь в сторону Балкан, Северного Причерноморья, Кавказа и Месопотамии [16, с. 210]. В частности фаянсовые украшения – «пастовые бусы» встречались во многих регионах причерноморско-азовской степи, кстати, известны они в катакомбном погребении на Донеччине, датируемые второй половиной II тыс. до н. э. [17, с. 58]. Не менее интересный комплекс подвесок из катакомбного погребения «ингульского типа» обнаружен вблизи с. Новорозовка на Николаевщине. Среди них найдена подвеска, изготовленная из камня, которую А.С. Островерхов идентифицировал после осмотра в фондах Института археологии НАН Украины, как украшение-подвеску из глазурованного «фаянса», с подчеркнутыми некоторыми деталями, которые передают символически образ скарабея* [1, с. 338 – 339, рис. 6, 4].

Думается, что из вышесказанного следует вывод: история этно-исторических обществ сложна и многогранна, она хранит в себе «секреты», которые возможно для нашего времени не всегда понятны и не достаточно объективно оценены, а потому археологический материал не всегда бывает понятен исследователям.

Правда, как видим, в науке не исключены чисто меркантильные мотивы, когда тому или иному исследователю не хотелось бы видеть появление новых материалов, которые корректировали бы его первоначальные «концепсуальные» умозаключения. Что делать? И это, к сожалению, бывает в научном мире.

И все-таки, как известно, наука никогда не «стояла» на месте, а следовательно, новые факты всегда убеждают нас в том, кто прав, а кто нет!

Яркий пример тому, бусина-скарабея из с. Вознесенка на Мелитопольщине подтверждающая, что парадокс заключается в том, что в научной дискуссии должна присутствовать элементарная культура, чтобы не оказаться самому в «неудобном положении».

Литература

1. Островерхов А.С. Стародавні «фаянси» як історичне явище у пам'ятках епохи бронзи – початку заліза на території Східної Європи (III – перша половина I тис. до н. е.) // ССПК. – Запоріжжя, 2004. – Т. XI. – С. 317 – 343.
2. Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб. – Издательское дело, 1900. – Т. XXX. – С. 176 – 177.
3. Михайлов Б.Д. Раскопки на р. Молочной // АО 1973 г. – М.: Наука, 1974 – С. 308 – 309.
4. Березанская С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – К.: Наукова думка, 1982. – 211 с.
5. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 82 с.
6. Николаева Н.А. О соотношении «многоваликовых» и раннесрубных погребений Донеччины // Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1978. – С. 29 – 30.
7. Михайлов Б.Д. Курган эпохи бронзы на Мелитопольщине // ДСПК. – Запорожье, 1991. – Т. I. – С. 63 – 65.

* Устное сообщение А.С. Островерхова. – Б.М.

8. Санжаров С.Н. К истории одной находки // Древности Северного Донца. Каталог археологических коллекций. — Луганск, 1992. — Вып. 2. — С. 116 — 120.
9. Ходжаш С.И. Древнеегипетские скарабеи. Каталог печатей и скарабеев из музеев России, Украины, Кавказа и Прибалтики. — М., Восточная литература РАН, 1999. — 317 с.
10. Отрощенко В.В. «Древности Степного Причерноморья и Крыма» // ДСПК. — Запорожье, 1995. — Т. V. — С. 192 — 195.
11. Березанская С.С. Культура многоваликовой керамики // В кн.: Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н, Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К.: Наукова думка, 1986. — С. 5 — 43.
12. Островерхов А.С. Древние «фаянсы» в памятниках эпохи бронзы — начала железа в Восточной Европе (III — первая половина I тыс. до Р. Х.) // Stratum plus. — Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2005. — № 2. — С. 171 — 203.
13. Пиотровский Б.Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. — 1958. — № 1. — С. 20 — 27.
14. Gimbutas M.A, Cultures in Central and Eastern Europe of Bronze Age. — Paris — London. — 1965. — 305.
15. Авдиев В.И. История Древнего Востока. — М.: Огиз, 1948. — 588 с.
16. Kempinski Aharon. The Middle Bronze Age // The Archaeology of Ancient Israel. New Hauen and London of Israel. — 1991. — P. 159 — 210.
17. Махно Є.В., Братченко С.Н. Пастове намисто з катакомбного поховання на Компанійцівському могильнику // Археологія. — 1977. — Вип. 24. — С. 53 — 60.

ІСТОРІЯ

Бєлов О.Ф., Шаповалов Г.І.

ДО ПИТАННЯ ПРО ЧАС ВИНИКНЕННЯ СИМВОЛУ «ХРЕСТ-ЯКІР»

Археологічні джерела античного часу свідчать, що символ «хрест-якір» виникає у середземноморсько-чорноморському басейні. Його поява обумовлена винайденням корабельного якоря — надзвичайно важливого засобу для забезпечення безпеки судноплавства. Вважається, що конструкція класичного якоря зі штоком, який забезпечував обертання якоря на ріг при виникненні тяги канату від корабля, з'явилась у приморських цивілізаціях Південно-Східної Азії ще у II тис. до н. е. [1, с. 10]. У басейні Середземного та Чорного морів такі дворогі дерева'ні якорі із кам'яними, а пізніше свинцевими штоками починають використовувати з XII ст. до н. е. [2, с. 14].

У дворогого якоря, незалежно від матеріалу виготовлення, основними деталями є веретено з рогами в нижній частині і шток, який кріпиться у верхній частині веретена. Стовідсоткова вірогідність зайняття якорем на дні необхідного положення для утримання корабля на місці, забезпечується тим, що його шток, у співвідношенні до рогів, кріпиться до веретена під кутом дев'яносто градусів (рис. 1) [3, с. 533].

Перші спроби відобразити складну конструкцію якоря, його тривимірність простежується у VII ст. до н. е. Добре відомо про використання в античний час, як

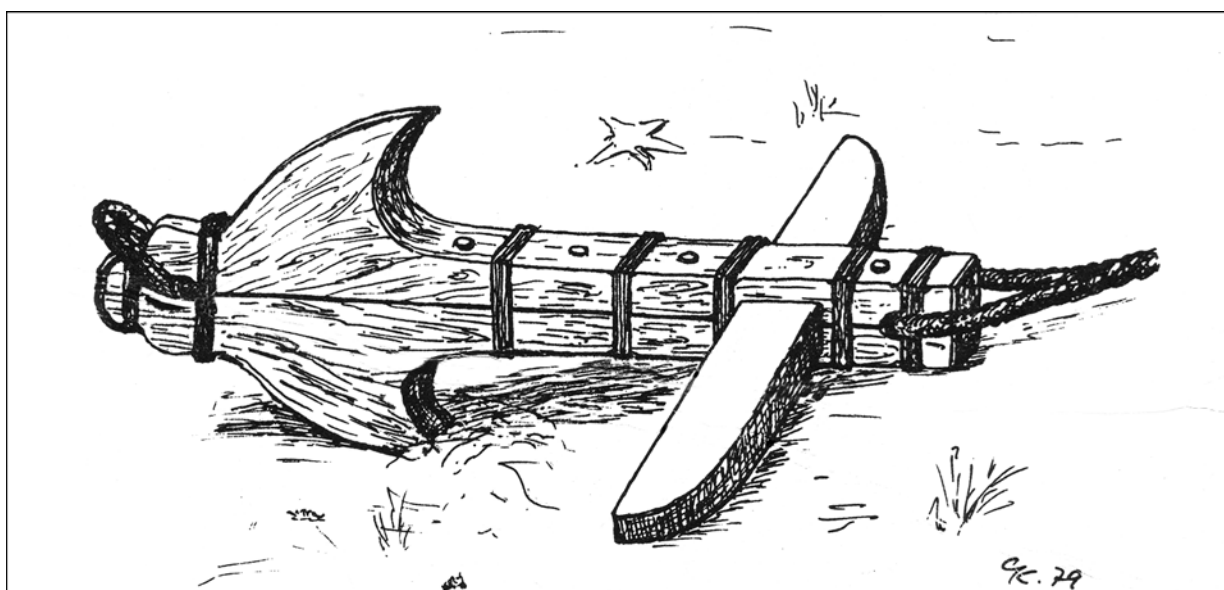

Рис. 1

культових храмових приношень, вотивних фігурок риб і дельфінів. Одночасно ці вотиви мали функції грошей і використовувались у обмінно-торговельних операціях. У чорноморському басейні відомі і подібні вотиви із зображеннями якорів. Це, зокрема, стріли-монети VII – V ст. до н. е. із приватної колекції С. Топалова, що знайдені на чорноморському узбережжі Болгарії [4, с. 27 – 28]. Їх лицева сторона – аверс імітує бронзовий наконечник стріли для лука. На зворотній стороні віддито зображення якорів (рис. 2). Скоріш усього ці стріли-монети виготовлялися у грецькій колонії Аполлонія Понтіка на західному узбережжі Чорного моря. На це вказує літера «Α», яку іноді зображено на реверсі стріли-монети поруч із якорем (рис. 2, 3). На деяких відливках стріл-монет якір із загостреними кінцями рогів, виступаючою п'яткою і штоком, зображеним навкіс до веретена. Ми вважаємо, що такий вигляд штоку свідчить про спробу майстра передати його у перспективі (рис. 2, 1, 2). Разом з тим в колекції зустрічаємо і якір, на якому шток розміщено у розвернутому вигляді, перпендикулярно (хрестовидно) до веретена і в одній площині з рогами (рис. 2, 3, 4). Особливо цікавою є стріла-монета знайдена біля

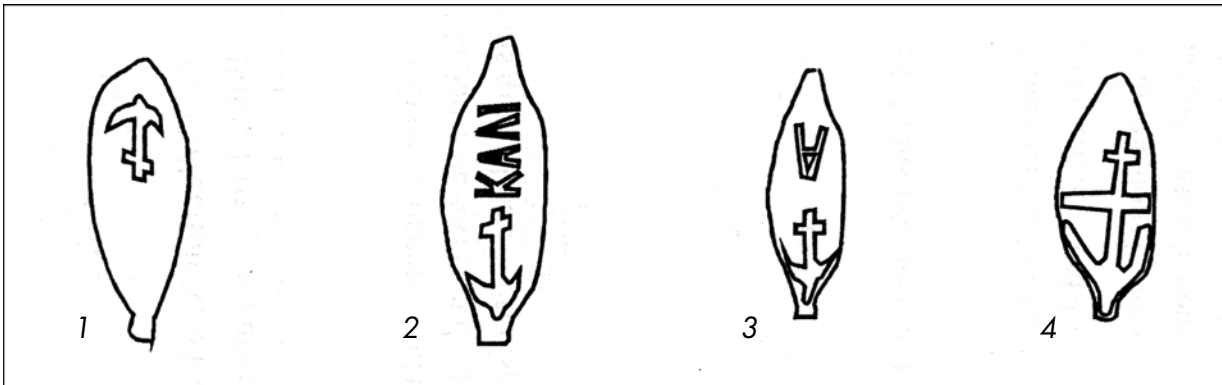

Рис. 2

Варни. Вона має в довжину 26,5 мм, а в ширину 9,3 мм і майже на всю площину її реверсу викарбувано корабельний якір (рис. 2, 4). Воно важливе для нас тим, що крім штоку розташованого перпендикулярно до веретена, над штоком у верхній частині якоря зображено хрест [4, с. 26]. Це один з перших відомих нам зразків поєднання двох символів «хреста» і «якоря» у єдиний – «хрест-якір», що, підкреслимо, датується VII – V ст. до н. е. Зображення якоря на аполонійських монетах-стрілках є унікальними. Справа в тому, що це перші в історії людства зображення якоря, в яких з'являється дуже важлива новизна, яка від тих часів швидко стає сталою закономірністю.

У VII – V ст. до н. е., у зв'язку з неможливістю зобразити в одній площині тривимірність якоря, античний майстер з Аполлонії Понтіки розмістив якірні роги й шток в одній площині. І виник новий релігійний символ, в якому умовно розвернутий на дев'яносто градусів шток і веретено, яке він перетинав створили не умовний, а реальний художній образ хреста – солярного знаку сонця, який увінчує якір. Саме в приморському місті, присвяченому богу сонця Аполлону, символом якого у багатьох народів світу є хрест, і мав би виникнути новий релігійний символ, що об'єднав би разом два прадавніх символи: символ життєдайного сонця – хрест і символ надії на спасіння – якір. Наче для того щоб, остаточно перекопати нас у цьому, античні жерці – художники полишили на своїх витворах два варіанти цього символу. Один – спрощений, в якому над якірними рогами шток

утворює хрест, а другий — як ключ до розгадки таємниці нового символу. На ньому якір із широким штоком у вигляді хреста, а над штоком на подовженому веретені додатково розміщено ще й хрест.

У V ст. до н. е. в Греції появились вже справжні монети, на яких карбували корабельний якір. У тісному зв'язку якоря, як культового предмету, та описаної вище вотивної стріли — монети з «хрестом-якорем», що жертвують в храм, та їх зображенням на монетах немає сумніву. Відомо, що перші монетні двори знаходились при храмах, які, звісно, впливали на сюжети [5, с. 61]. Одним із таких сюжетів і є священний якір-рятівник. Ледве не перші відомі монети із зображеннями якоря у великій кількості карбувала у V — IV ст. до н. е. вже згадувана грецька колонія місто-порт Аполлонія Понтіка (рис. 3) [6, с. 42]. Як бачимо, на монеті зображено абсолютно реальний корабельний якір із різними деталями його дерев'яно-свинцевої конструкції. Але продовжуючи традицію, що виникла у VII ст. до н. е. шток на цьому якорі розміщено умовно розвернутим в одну площину із рогами, тобто хрестовидно.

Рис. 3

Про те, що процес пошуку культового зображення якоря саме у такому вигляді відбувався і на берегах Середземного моря також свідчать археологічні знахідки. За античного часу в святилища до морських вівтарів, окрім самих якорів або монет

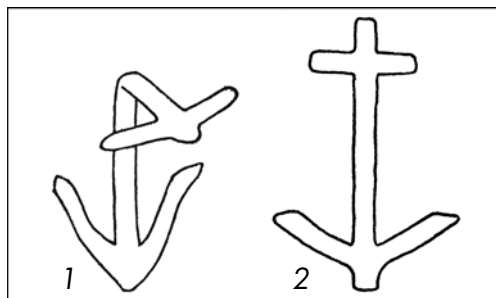

Рис. 4

— стрілок та справжніх монет із зображеннями якорів жертвували також їх мініатюрні моделі зі свинцю. Такі моделі — вотиви VII — VI ст. до н. е. знайдені в храмах Фасосу й Риму і в святилищі Маріка на річці Карильяно (рис. 4, 1) [7, с. 286]. В них також шток у верхній частині вотивної моделі якоря умовно розвернутий у одну площину із рогами і утворює хрест. Форма для відливання подібних моделей у вигляді «хреста-якоря», датована V — II ст. до н. е., знайдена в 1994 р. і в Херсонесі (рис. 4, 2) [8, с. 224].

Викладене переконливо свідчить, що образ «хреста-якоря» формується у якості культового символу, зокрема, у народів, які населяли узбережжя Середземного та Чорного морів у VII — V ст. до н. е. Пізніше, з виникненням та поширенням християнства, саме він стане одним із головних духовних символів нової віри [9, с. 164 — 166].

Література

1. Скрягин Л.Н. Книга о якорях. — М.: Транспорт, 1973. — 127 с.
2. Огороков А.В. Якоря корабельные: Методические рекомендации по выявлению, отбору и научному описанию памятников науки и техники в собраниях музеев. — М.: НИИ культуры МК РСФСР, 1986. — 44 с.
3. Kapitan G. Graeco — Thracian wood anchors // Thracia Pontica III. Troisieme Symposium Internatonal: Sozopol, 6-12 octobre 1985. — Sofia, 1986. — С. 381 — 394, 533 — 538.

4. Topalov S. Formes premonetaires de moyens d'échange. Les fleches – monnaies coulees d'Apollonie du Pont VII – C s. av. n.e. – Sofia: «Nasko – 1701», 1993. – 37 p.
5. Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику. – М.: Изд – во МГУ, 1969. – 302 с.
6. Бургас. Окружен исторически музей. – София: Български художник, 1967. – 178 с.
7. Gianfrotta P.A. First element for the dating of stone anchor // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. – 1977. – V. 6. 4. – P. 285 – 292.
8. Шаповалов Г.І. Форми для відливки вотивних якорів з Херсонесу // ДСПК. – Запорож'є, 1993. – Т. IV. – С. 222 – 225.
9. Уваров А.С. Христианская символика. – М., 1908. – Ч.1. – 202 с.

Ширяев А.Г.

О МЕСТЕ ГИБЕЛИ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

В 1905 году Д.И. Яворницкий на скале Монастырка у Ненасытецкого порога установил чугунную плиту с надписью: «В 972 году у Днепровских порогов погиб в неравном бою с печенегами русский витязь – князь Святослав Игоревич». При строительстве Днепрогэса эту плиту сняли со скалы, перевезли в с. Никольское Солонянского района Днепропетровской области и установили на берегу Днепра, где она стоит и теперь. В.И. Равдоникас предполагал место гибели Святослава на Крарийской (Кичкасской) переправе. Правда, он писал: «Мы вовсе не собираемся приписать мечи из Днепростроя непременно Святославу с дружиной, хотя хронологически и географически совпадение удивительное [1, с. 616]. Академик Б.А. Рыбаков также считает Крарийскую переправу возможным местом гибели Святослава [2, с. 338]. В «Повести временных лет» о гибели Святослава говорится следующее: «В год 6480, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» [3, с. 250].

Как мы видим, летописец не указывает точно место нападения печенегов на Святослава и его малочисленную дружину, а говорит просто: «... отправился Святослав к порогам». Возникает вопрос, почему же Д.И. Яворницкий установил плиту с надписью, в которой утверждал, что именно у Ненасытецкого порога погиб Святослав? Вероятно, он основывался на сообщении Константина Багрянородного, который описывая «Путь из Варяг в Греки», говорит: «...затем так же (проходят) четвертый порог, огромный, нарекаемый по – росски Аифор, по – славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов (печенегов)» [4, с. 47 – 48]. Константин Багрянородный указывает на волок у Ненасытецкого порога, как на одно из мест нападений печенегов на торговые караваны. Д.И. Яворницкий решает, что на этом волокe мог погибнуть Святослав. Однако было еще одно опасное место на Днепре, о котором сообщает византийский император: «Затем достигают так называемой переправы Кра-

рия, через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы, — насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов [4, с. 49]. Исходя из этого сообщения, В.И. Равдоникас и Б.А. Рыбаков предположили, что именно эта переправа могла стать местом трагической гибели Святослава.

Интересные сведения приводит В.Н. Татищев в своей «Истории Российской», ссылаясь на так называемую летопись епископа Иоакима, в которой мы читаем: «...он (Святослав) бо вся воя отпусти полем ко Киеву, а сам не со многими иде в лодиях, и на Днепре близ проторча оступиша печенези со всеми, бывшими при нем избиша. Тако прият казнь от бога» [5, с. 111]. Таким образом, Иоаким, утверждая, что Святослав погиб в проточах (проторчах), указывает нам еще одно место гибели князя. Где же находятся «Проточи»? В.Г. Ляскоронский писал: «Мы полагаем, что под последним именем надо разуместь те две, лежащие ниже Орели, очень болотистые, текущие параллельно Днепру, в недалеком расстоянии от него к востоку, реченьки, которые носят название «Проточей» [8, с. 70]. С ним полностью согласен и К.В. Кудряшов. Следовательно, «Проточи» лежат выше порогов и даже выше Днепровской луки» [6, с. 130]. Если «Проточи» находятся у Орели, то бой Святослава с печенегамы произошел выше порогов.

Однако Константин Багрянородный указывает только на волок у Днепровских порогов и Крарийскую переправу, как излюбленные места нападений печенегов на торговые караваны. Даже по прошествии нескольких веков, проход через эти места не стал безопасным. Подтверждение тому мы находим у Боплана, посетившего эти края в 1638 году. Он писал: «Кстати заметим, что в окрестностях порогов путешествие с сотнею, даже с тысячею человек, не безопасно; целое войско должно идти степями не иначе, как в добром порядке: ибо Татары, не имея постоянных жилищ на обширных Днепровских равнинах, непрерывно разъезжают по оным, отрядами в 5, 6 и даже в 10,000 всадников» [7, с. 21]. Считаем необходимым привести еще один отрывок из Боплана: «Кичкасовка, небольшая речка, впадает в Днепр или Борисфен со стороны Татарии; от нее получил свое название мыс, омываемый Днепром и окруженный двумя неприступными скалами..., между коими лежит низкая лощина в 2000 шагов, служащая единственным проходом. Укрепив оный, можно выстроить на мысе красивый и крепкий город, который хотя по своему положению и будет подвержен выстрелам с Татарского берега, но за то и сам может обстреливать оный. ...Здесь, по мнению моему, ширина Днепра есть самая меньшая: я видел как Поляки стреляли из лука с одного берега на другой, и как стрелы падали на 100 шагов от противоположной стороны. Татары имеют там самую удобную переправу: ибо Днепр не шире 150 шагов, берега его удобоприступны, окрестности открыты, и потому они не опасаются засад. Переправа сия также называется Кичкасовскою» [7, с. 23 — 24]. Засады можно было не опасаться при подходе с суши к Кичкасовской переправе, а не плывя мимо узких и высоких берегов на ладьях (А. Ш.).

Несмотря на то, что Константин Багрянородный писал о порогах и Крарийской переправе в X веке, а Боплан в XVII веке, оба автора сходятся в одном — эти места удобны для засад и нападений.

Отсюда следует, что если бы Святославу удалось пройти пороги, то за ними он оказался бы в безопасности. На своих ладьях, по широкому Днепру, он смог

бы уйти от печенегов. Но тогда либо летопись Иоакима неправа, либо ошибаются В.Г. Ляскоронский и К.В. Кудряшов. На наш взгляд летопись права, но вероятно, переписчик в слове «Проточи» сделал ошибку, пропустив букву «л». Поэтому слово должно читаться как «Протолчи». О тождественности «Проточей» и «Протолчих» говорил в свое время В.Г. Ляскоронский [8, с. 69 – 70].

В «Повести временных лет» под 1103 годом читаем: «И поидоша на коних и в лодях, и придоша ниже порог, и сташа в протолчих в Хортичем острове» [3, с. 84]. Ипатьевская летопись дважды упоминает «Протолчи». Вначале, под 1190 годом сообщает, что русские «ехаша... до Протолчи» [9, с. 671], а затем под 1224 годом утверждает, что русские князья — «сташа у реки Хортице на броду у Протолчи» [9, с. 742]. И.И. Срезневский объясняет слово «Протолчь» как «сжатое речное русло, быстрина» [10, столб. 1599]. Это, вероятно, дало повод К.В. Кудряшову отвергнуть мнение В.Г. Ляскоронского о тождественности «Проточей» и «Протолчих». Где же было сжатое речное русло? Конечно у Кичкасской переправы (ширина Днепра всего 171 м). И, вероятно, поэтому Кудряшов решает: «...что Протолчи помещались ниже порогов, но выше острова Хортицы, на том самом броду, который с незапамятных времен служил известным местом переправы через Днепр» [6, с. 131]. Следуя этому указанию К.В. Кудряшова, попытаемся найти брод «ниже порогов, но выше острова Хортицы». Но такого мелководного участка реки, который можно перейти по дну не было на всем протяжении от последнего Вольного порога и до района нынешней плотины Днепрогэса. «Під час експедиції 1930 р. було зроблено низку промірів глибин Дніпра на дільниці між Вільним порогом і місцем спорудження греблі. Ці проміри переведені в кількох місцях через усю ширину Дніпра. Вони показали, що з наближенням до Кічкаської ущелини глибини Дніпра зростають. Так, коли максимальна глибина Дніпра проти гирла б. Осокорової була 5 м, то біля верхнього кінця Павло-Кічкаса вона вже піднялась до 7 м, коло верхнього кінця Кічкаської балки — до 11 м, вище Кічкаського моста — до 12 м, а в районі так званої Кічкаської ями — до 24 м» [11, с. 111]. Промеры глубин Днепра на участке от Вольного порога до Кичкаса, сделанные экспедицией профессора Д.А. Свиренко совпадают с данными Н.И. Максимовича [12] и академика И.Г. Александрова [13].

Как мы видим, ни о каком броду в районе Кичкасской (Крарийской) переправы нельзя говорить. Здесь и в древности, и в новое время была только удобная переправа. На наш взгляд, можно согласиться с В.Г. Фоменко в том: «... что отождествление места любой из упомянутых Кичкасских переправ (речь идет о паромной переправе у колонии Кичкас — А.Ш.) с летописным бродом у Протолчи является следствием недостаточно внимательного отношения к документам лиц, которые писали на данную тему» и с его выводом, что «мелководные перекаты у Хортицы (против р. Средняя Хортица — А.Ш.) были наиболее удобными местами для перехода через Днепр в этом районе и, вернее всего, только там и мог находиться исторический Протолчий брод» [14, сс. 548, 550]. Правда, с В.Г. Фоменко нельзя согласиться лишь в одном, а именно, в названии брода. Ведь летопись говорит: «...сташа у реки Хортицы, на броду у Протолчи». Как мы видим «Протолчи» не название брода, а как верно заметил Д.С. Лихачев «... урочище в Днепровской луке ниже порогов...» [15, с. 468].

Из всего выше сказанного следует, что Протолчами в древности, вероятно, называлась южная, плавневая, поросшая лесом часть острова Хортицы, изобилующая небольшими озерами и протоками Днепра.

О том, что на острове Хортица славяне делают остановку для починки судов и у священного дуба совершают жертвоприношения, несомненно было известно печенегам. И Куря, на острове или в прибрежных лесах расставил войска, поджидая Святослава. Вероятно, и Святослав знал о засаде, но, несмотря на малочисленную дружину, опасаясь еще одной зимовки в Белобережьи, решает пробиться сквозь заслоны печенегов.

Бой произошел, если верить Иоакиму, на острове Хортица в урочище Протолчи или, по крайней мере, вблизи острова. Здесь и «... скончал жизнь сей Александр нашей древней Истории, который столь мужественно боролся и с врагами и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием; равнялся суровою воинскою жизнью с Героями Песнопевца Гомера, и снося терпеливо свирепость непогод, труды изнурительные и все ужасное для него, показал Русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей» [16, с. 118].

Литература

1. Равдоникас В.И. Надписи и знаки на мечях из Днепроостроя [Запорожье] // ИГАИМК. — 1933. — Вып. 100. — С. 598 — 616: ил.
2. Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. — М. — Л., 1951. — Т. I. — 484 с.
3. Повесть временных лет. — М. — Л., 1950. — Часть первая. — 404 с.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей. — М.: Наука, 1989. — 496 с.
5. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. — М. — Л., 1962. — Т. I. — 500 с.
6. Кудряшов К.В. Половецкая степь: Очерки исторической географии. — М.: Огиз, 1948. — 162 с.: ил.
7. Боплан. Описание Украины. — Санктпетербург, 1832. — 179 с.: ил.
8. Ляскоронский В.Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход князя Витовта на татар в 1399 году. — СПб, 1907. — 122 с.
9. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. — М.: Языки русской культуры, 1998. — Том второй. — 604 с.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1902. — Т. II. — столб. 1599.
11. Свіренко Д.О. Дніпровське водосховище (гідробіологічне дослідження). Т. I // Наукові записки Дніпропетровського державного університету. — Дніпропетровськ, 1938. — Т. VII. — 210 с.
12. Максимович Н.И. Днепр и его бассейн. — К., 1901. — 370 с.
13. Александров И.Г. Проект. План порожистой части р. Днепр, составленный по данным детальных съемок 1917 — 18 — 19 — 22 — 24 гг. (1:50000). — М.: ВСНХ СССР, Главэлектро, Государственное Днепровское Строительство, 1929. — Т. I (Приложения: альбом карт и планов).
14. Фоменко В.Г. Где был древний Протолчий брод? // Известия Всесоюзного географического общества. — Т. 95. — вып. 6. — Л., 1963.
15. Повесть временных лет. Приложения. Статьи и комментарии Д.С. Лихачева. — М. — Л., 1950. — Часть вторая. — 554 с.: ил.
16. Карамзин Н.М. История государства Российского. — М.: Книга, 1988. — Книга первая. Т. I, II, III, IV. — Т. I. — С. 1 — 156.

**ЧОМУ КНЯЗЬ ВОЛОДИМИР КАРБУВАВ НА МОНЕТАХ
СИМВОЛ «ХРЕСТ-ЯКІР»?**

Про духовне значення корабельного якоря та його зображень у віруваннях різних приморських народів як у поганську добу, так і у християнські часи написано багато праць [1]. Достатньо розробленим є і питання про тотожність «Знаку Княжої Держави Володимира Великого» [2, с. 6] — тризуба під хрестом із символом «хрест-якір» [3]. До останнього часу залишалося відкритим питання: «Чому князь Володимир обрав для карбування на своїх монетах саме цей християнський символ Віри і Надії?».

Відповідь на це запитання ми знаходимо у наступних історичних подіях та фактах. Добре відомо, що одним із головних пунктів дуже раннього проникнення християнства на територію Київської Русі було візантійське місто-порт Херсонес (Херсон, Корсунь) у Криму. Та залишається мало відомим факт справжнього розквіту тут раннього християнства у кінці I — на початку II ст. н. е. пов'язаний із Святим папою Климентом Римським. Церковні історики повідомляють, що Климент був учнем апостола Петра і у I ст. н. е. став єпископом Риму. За активну пастирську діяльність на цій посаді імператор Траян у 98 р. н. е. засудив Климента на вічне заслання в Крим на каторжні роботи у каменоломнях біля Херсонесу. Але і в засланні Климент обертав на християн тисячі язичників і навіть творив дива. Апостольська діяльність Климента у Херсонесі стала відома Траяну і викликала його страшний гнів. За наказом імператора восени 101 р. н. е. Климента було втоплено у морі. Йому прив'язали на шию залізний якір і кинули у воду в бухті, що зараз називається Козача. Охоплені великим жалем учні Климента і охрещені ним люди, які були присутні при страті, почали молитися про те, щоб хоча б мощі мученика були їм доступні. І сталося диво: на очах у них море відійшло і відкрило тіло мученика, який лежав на морському дні наче на кам'яному ложі разом із якорем. І відтоді це диво відбувалося у день смерті Климента щороку протягом багатьох століть [4, с. 11 — 13].

В VI ст. про відвідування гробниці Св. Климента в Херсонесі оповів у своїх записах архидіакон Феодосій, який здійснював паломництво на Святу Землю. Цікаво, що про Херсонес він говорить, як про один із транзитних пунктів на шляху до Єрусалима. Місце кончини святого, за свідченням Феодосія, було в цей час дуже шановане. Він пише «...також місто Херсон, що біля моря Понта; там перетерпів муки святий Климент; гробниця його в морі, де було кинуто його тіло; цьому святому Климентові був прив'язаний на шию якір, і тепер у день його пам'яті весь народ і священики сідають у лодії, і, коли припливають туди, море висушує шість миль, і на місці, де перебуває гробниця, розкидаються намети й споруджується вівтар, і протягом восьми днів служаться там Літургії, і Господь робить там багато чудес: виганяють бісів, і якщо хто з одержимих отримає можливість доторкнутися до якоря й доторкнеться, то зараз зціляється» [4, с. 6 — 7]. Це надзвичайно важливе свідчення про виникнення у Корсуні і існуючого протягом майже 900 років шанування християнами Святого Климента і особливого культового значення предмету його страти — якоря.

До IX ст. відноситься знаходження мощів папи Климента Римського братами Кирилом і Мефодієм, що відродило шанування святого й повернуло Херсонесу честь і славу володіння святиною. Вони організували пошуки мощів Св. Климента

і знайшли їх разом із якорем. Ці святині були перевезені у Херсонес і стали місцем поклоніння християн. Частину мощів тоді ж Кирило і Мефодій вивезли до Риму, де було засновано собор Святого Климента [5, с. 5 – 7].

«Літопис руський» повідомляє, що у 988 р. пішов князь «Володимир з військом на Корсунь город грецький». Узявши Корсунь і охрестившись та обручившись там із візантійською цесарівною Анною, повертаючись у Київ взяв він «... мощі святого Климента і Фіва, ученика його, узяв також начиння церковне й ікони на благословення собі» [6, с. 65]. За іншими даними князь узяв із собою «чесну главу» Святого Климента і, охрестивши нею Русь, поклав її у Десятинну церкву [7, с. 1]. Це свідчення літопису дає право вважати, що перебуваючи у Корсуні, князь Володимир особисто долучився до духовного подвигу Св. Климента, відвідував храм із його мощами і поклоняючись їм бачив і чудодійний якір, освячений мученицькою смертю відомого християнського святого. З часів князя Володимира Святий Климент вважається небесним християнським першопокровителем Русі.

Тож, охрестившись у Корсуні, князь Володимир повернувся у Київ не лише із мощами Святого Климента. Саме у Корсуні Володимир, обравши для себе і для своєї держави нову віру, обрав у якості особистого і державного знаку символічне зображення, яке поєднує у собі два священних для християн Корсуня предмети – хрест, на якому розіп'яли Ісуса Христа і якір, яким втопили Климента. Саме цей символ, що уособлював головні християнські чесноти – Віру в Ісуса Христа і Надію на спасіння і розмістив на своїх монетах князь – хреститель Володимир, а пізніше – його сини, князі Святополк та Ярослав.

Література

1. Frost H. Stone anchors as clues to bronze age trade routes // *Thracia Pontica I. Sozopol*, 9 – 12 octobre 1979. – Sofia, 1982. – P. 280 – 289; Frost H. On a sacred Cypriot anchor Recneil R. Saidah // *Arche'ologie an Levant*. – Lyon, 1982. – СМО 12. Arch. 9. – P. 162 – 166; Шаповалов Г.І. Судноплавство у духовності давньої України. – К. – Запоріжжя: Дике Поле, 2001. – 263 с.
2. Конституція України. – Харків, ПП ІГВІНІ, 2007. – 64 с.
3. Белов О., Шаповалов Г. Герб України – символ віри і надії // *Урядовий кур'єр*. – 2007. – № 61 (3474). – 5 квітня. – С. 14; Шаповалов Г.И. О символе «якорь – крест» и значении знака Рюриковичей // *Византийский временник*. – М., 1997. – № 57 (82). – С. 204 – 210.
4. Яшаева Т., Мотовилина М. Крестный путь святого Климента: Рим – Херсонес. – Севастополь: Инкерманский Свято-Климентовский монастырь, 2006. – 80 с.
5. Boyle Leonardo O.P. *Pikola quida di San Clemente Roma*. – Roma, 1967. – 80 p.
6. Літопис руський. Пер. з давньорус. Л.Є. Махновця. – К.: Дніпро, 1989. – 591 с.
7. Митрополит Симферопольский и Крымский Лазарь. Священномученик Климент Римский и его вклад в дело становления христианства в Тавриде // <http://pravoslavnye.org.ua>.

Мордовської М.М.

СТАРОДАВНІ ЧОВНИ З КОЛЕКЦІЙ УКРАЇНСЬКИХ МУЗЕЇВ

Судноплавство, як вид діяльності, реальне джерело збагачення і як ланцюжок, що дозволяв розширити горизонти людської свідомості, відіграло в давні часи одну з провідних ролей. Підтвердженням цьому є наскальний живопис людей епохи бронзи на глибах Кам'яної Могили, згадки про морські походи в численних давніх хроніках, а також різноманітні археологічні знахідки: від кісток риб і риболовецьких гачків до старовинних човнів.

Сьогодні багато музеїв України мають в своїх експозиціях пам'ятники суднобудування далеких епох, проте, не всі вони, нажаль, вивчені належним чином. Географія подібних знахідок (а це здебільшого човни-довбанки) досить широка. Вони зустрічаються майже по всій території країни. Втім, вже зараз можна спостерігати виокремлення декількох районів з щільною концентрацією таких пам'яток. Переважна більшість старовинних човнів були підняті на поверхню з вод Дніпра і його приток в Нижньому і Середньому Подніпров'ї а також на Поліссі. Їх хронологія коливається в межах від I тис. до н. е. до XIX ст.

В Рівненському обласному краєзнавчому музеї (далі РОКМ) зберігаються два човни-довбанки XIX ст. Обидві знахідки були зроблені випадково неподалік від села Олександрія Рівненського району під час прочищення русла р. Горинь. Довбанки добре збереглися і цікаві, перш за все, своїми конструктивними особливостями, способом виготовлення і манерою керування.

Перший човен було виявлено наприкінці 70-х рр. XX ст. [1]. Його довжина сягає 4,5 м, а ширина — 0,6 м (рис. 1). Довбанка була витесана зі стовбура дубу і поділена двома суцільними з корпусом перегородками на три відсіки: носовий (завдовжки 0,9 м), центральний (2 м) та кормовий (1,3 м). Товщина найближчої до носу перегородки біля лівого борту дорівнює 8 см, а коло правого — 9 см, іншої — 9 — 11 см відповідно. Ніс і корма човна загострені та підійняті відносно його центральної частини. Борти не містять на собі слідів прилаштування весел, що свідчить про використання кормового весла-гребка. Максимальна їх висота сягає 29 см, а товщина в верхній частині — близько 2 см. Товщина днища в різних місцях дорівнює 2 — 3 см.

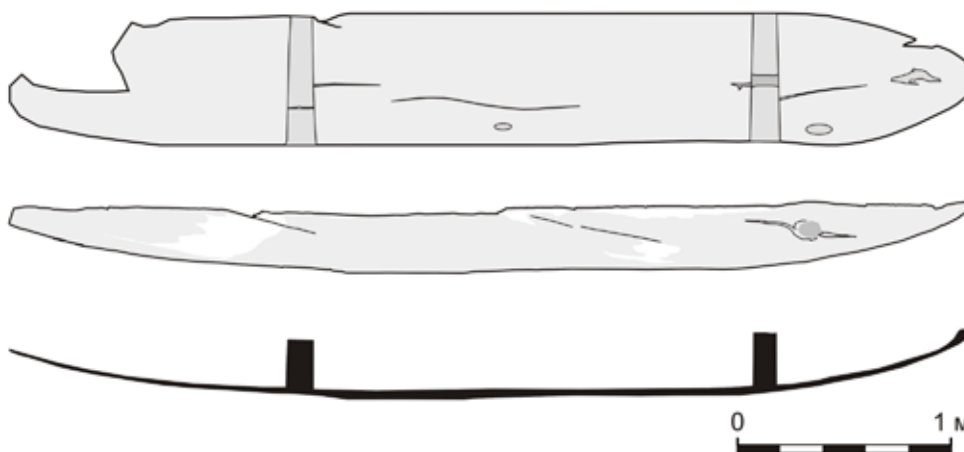

Рис. 1

Другий човен з колекції РОКМ було знайдено у 1980-і рр. [2]. Як і попередня довбанка він був вироблений з суцільного дубового стовбуру, але відрізняється від неї формою і розмірами. Так, довжина знахідки дорівнює 3,2 м, а її ширина — 0,5 — 0,54 м (рис. 2). Човен має сильно піднятий загострений ніс і тупу корму. На дві частини його поділяє перегородка, товщиною 16 см і висотою 25,5 см. Борти, завтовшки 2,5 см, здіймаються на висоту в 23 см. Зсередини днище човна-довбанка, як і борти, має плоску форму. На внутрішній частині бортів і перегородці виразно проступають рубці — сліди видовбування.

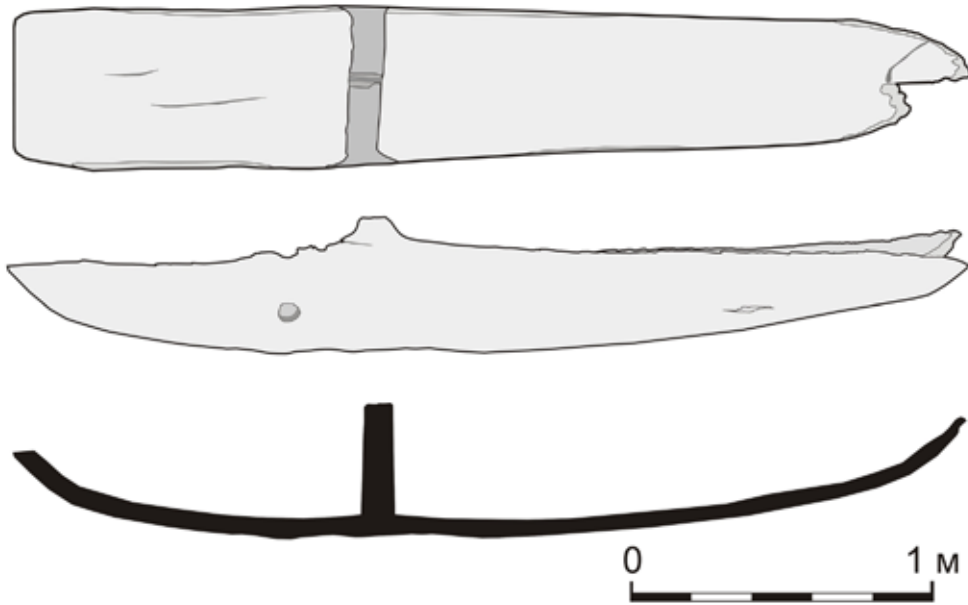

Рис. 2

Цікавим є і човен-довбанка XIII ст. з експозиції Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького (далі ДІМ), знайдений в Царичанському районі Дніпропетровської області [3]. Загальна довжина човна складає 3,82 м, а найбільша ширина — 0,5 м [4, с. 223]. Корпус довбанка поділяється двома перегородками на три частини, найбільшою з яких є носова (1,93 м), а найменшою — центральна (0,6 м). Перегородки сягають 6 — 7 см в ширину і видовбані разом із корпусом (рис. 3).

Попри погану збереженість, знахідка є вкрай інформативною. Так відомо, що рубці, залишені на внутрішній стороні днища і бортів, були нанесені під час видовбування теслом з робочою поверхнею завширшки 2,5 см. Характер залишених слідів дає право зробити висновок, що видовбування відбувалося вздовж човна частинами, але несильними ударами під тупим кутом. Про це свідчить кількість рубців, їх напрямок, глибина, форма і відстань один від одного.

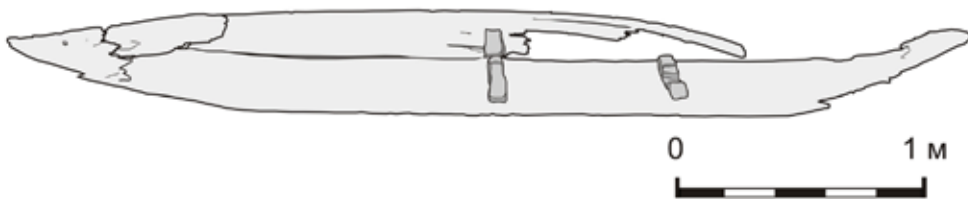

Рис. 3

Носова частина судна загострена. В ній містяться три отвори круглої та овальної форми, два з яких штучного походження (рис. 4). Знаходяться вони один навпроти одного. Діаметр першого отвору, розташованого на правому борті, сягає 2 см. Другий, що з лівого борту, овальної форми, видовженої горизонтально і розміром 1,5 x 2,5 см. Цей отвір має очевидний слід від мотузки (характерну потертість), що і пояснює його витягнуту форму. Імовірно, що вони використовувалися для пересування човна по воді вздовж берега за допомогою мотузок. Цю думку підтверджують і стародавні зображення. Так, на петрогліфах Верхньої Лени XVII – XVIII ст. (с. Воробйово) зображено вітрильне судно, пов'язане мотузкою з конем. Кінь наче тягне човен за собою. Аналогічний за сюжетом петрогліф знайдений на березі р. Лени поблизу с. Давидове. [5, с. 133]. Загострену форму має і піднята корма.

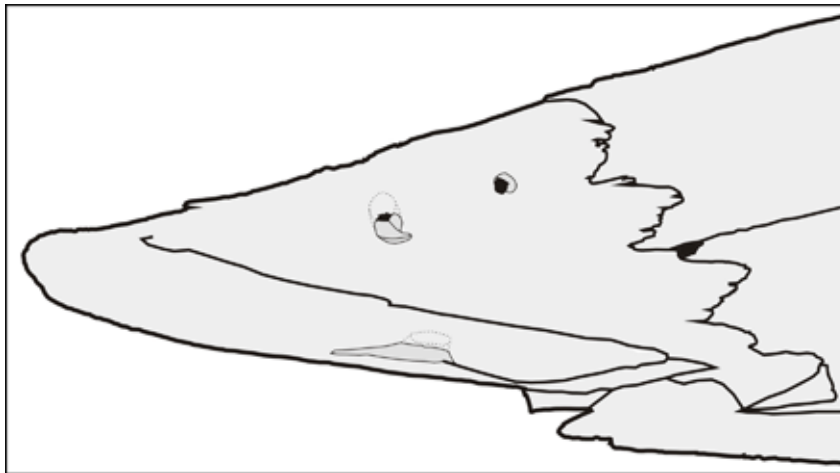

Рис. 4

В ДІМ також зберігається човен-довбанка орієнтовно XVIII ст., виконаний з цільного дубового стовбуру [6]. Його довжина 4,77 м, а найбільша ширина – 0,98 м, глибина – 40 см. Човен з обох боків загострений, проте, корма має в кінці тупий зріз, шириною 10 см. Тут встановлена дерев'яна накладка, товщиною 59 см. Товщина бортів складає 1,7 – 2,2 см (рис. 5).

Поперечну жорсткість судну забезпечували 4 шпангоути, що кріпилися до днища трьома дерев'яними цвяхами. З них вціліли тільки два крайні. Однак, їх сучасне положення викликає великі сумніви. Правильне місце розташування шпангоутів можна прослідкувати по забитих отворах в днищі і бортах, в які вбивалися дерев'яні цвяхи. Діаметр кожного з них складає близько 1,5 см. Так, перший шпангоут встановлювався в 103 см від носу човна, другий на відстані 85 см від першого, третій на відстані 92 см від попереднього, а четвертий – в 130 см від корми. Всі шпангоути виробляли з цільного шмату деревини. Їх ширина складає в середньому 5,5 – 6 см.

На відстані 38 см від носу і 35 см від корми обидва борти з'єднуються між собою дугоподібними палицями, діаметром 2 см. Довжина першої – складає 28 см, а другої – 37,5 см. Можливо, за допомогою таких ручок човен витягували на берег або переносили з одного місця в інше. Крім того, на лівому борті в носовій частині і на правому борті в районі корми є отвори діаметром 2 – 2,5 см. Не виключено, що такі самі отвори були й з протилежних боків.

Можна припустити, що всі чотири вищеописаних човна-довбанки в минулому використовувалися для здійснення рибної ловлі, полювання, а також швидкого пересування на невеликі відстані. Про це красномовно свідчить невеликий розмір всіх човнів, загальна середня довжина яких складає 3,8 м, а ширина — 0,63 м. Всі довбанки, окрім Дніпропетровського човна XVIII ст., мають чітке зонування. Так, місце гребця для зручності відділялося від продуктів промислу перегородкою [7, с. 59]. Конструкція суден і, власне, місце їх знаходження говорять про застосування їх виключно на невеликих річках.

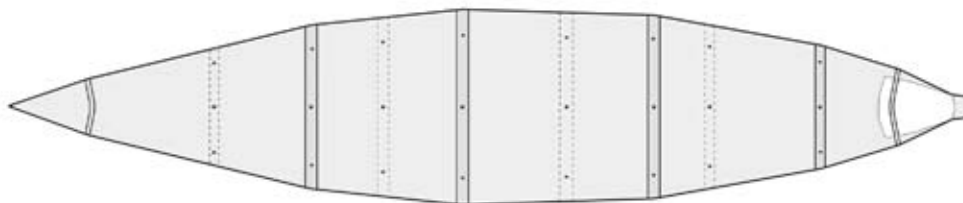

Рис. 5

Технологія виготовлення човнів-довбанок не зазнала принципових змін протягом всього свого існування і полягала в видовбуванні колоди зсередини сокирами (або випалюванні) і чистовій обробці внутрішніх і зовнішніх поверхонь теслом [8, с. 111 — 112]. Зважаючи на вузькість човнів і неможливість через те застосовувати весла, керування ними відбувалося за допомогою кормового весла або жердини [9, с. 161]. Можливим було й волочіння окремих човнів вздовж берега.

Отже, дослідження стародавніх типів човнів відкриває перед істориками можливість зазирнути скрізь віки в минуле людства, дізнатися про основні заняття давньої людини, розвиток суднобудівної галузі, а також еволюцію деревообробних інструментів.

Автор висловлює щирю подяку співробітникам Рівненського обласного краєзнавчого музею і Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького за надану можливість працювати з експонатами.

Література

1. Фонди Рівненського обласного краєзнавчого музею. — КП — 22523/1 ДОП.
2. Фонди Рівненського обласного краєзнавчого музею. — КП — 16974 ДОП.
3. Фонди Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького. — ДІМ КП — 185199/А — 12889.
4. Шаповалов Г.І. Човен-довбанка XII ст. з басейну р. Оріль // ССПК. — Запоріжжя, 2002. — Т. X. — С. 223 — 225.
5. Огороков А.В. Древнейшие средства передвижения по воде. — Калининград, 1994. — 218 с.
6. Фонди Дніпропетровського історичного музею ім. Д.І. Яворницького. — ДІМ КП — 60108/И — 1552.
7. Фаворов Б.П. Конструкция древних долбленых челнов // Судостроение. — 1978. — № 6. — С. 57 — 59.
8. Семёнов С.А. Развитие техники в каменном веке. — Л., 1968. — 362 с.
9. Владимиров И.Н., Ципоруха М.И. Человек строит корабль: очерки по истории судостроения и мореходства (от истоков до XVII в.). — М., 1992. — 207 с.

ПРО ДЕЯКІ АСПЕКТИ АТРИБУЦІЇ ПОЛЬСКИХ БОЙОВИХ НАГОЛІВ'ІВ КОЗАЦЬКОЇ ДОБИ

(За матеріалами фондозбірки Національного заповідника «Хортиця»)

Козацтво залишається однією з найцікавіших сторінок історії нашого краю. На думку багатьох дослідників (О. Апанович, І. Крип'якевич та ін.) саме запорозьке козацтво зробило величезний внесок в розвиток військової галузі України. Але ми ще досить мало знаємо про тих, хто допоміг козакам шліфувати їхню військову майстерність, про тих, з ким козаки неодноразово воювали протягом XVI – XVIII ст. Мова насамперед йде про поляків.

Тривалий час в українській історіографії багато уваги приділялося антагонізму, національно-релігійному та соціальному конфліктам між польською шляхтою та українським козацтвом, але на військовий аспект цієї проблеми майже ніхто не звертав уваги. Тому в сучасній Україні не видано жодної комплексної праці чи дослідження, присвячених військовій справі, зброї або захисному обладунку польського війська. Зате на Заході та в Росії цією темою цікавляться ще з XIX ст. Тоді проблемою еволюції європейської зброї та обладунку займалися В. Бехайм і П. фон Вінклер. В XX – на початку XXI ст. зброярську тему досліджували Ч. Фолкс, Е. Окшотт, Х. Мюллер, Ф. Кунтер, Б. Трубніков, В. Кващневич та ін. В Україні ж лише, у 1990-х рр. з'явилися окремі публікації про зброю та захисне озброєння козацького часу. Проте, власне польській зброї та обладунку в них відведено дуже мало місця. А от про протистояння між Польщею та козацтвом, навпаки, написано багато. Ми не будемо зараз дискутувати з цього приводу, але зауважимо, що те протистояння між поляками та українським козацтвом було тимчасовим явищем. Відомо ж, що в часи гетьмана П. Сагайдачного (1614 – 1622) козацтво спільно з польським військом брало участь у війнах проти Московії та Османської імперії, а за гетьманування С. Кішки (1599 – 1602) козаки разом із поляками билися проти валасько-молдовського господаря Михая Хороброго [1, с. 198]. І таких прикладів можна навести ще багато.

Шолом. Польща.
Остання чверть XVI – XVII ст.

Проте, предметом даної публікації є захисне озброєння польських воїнів з колекції Національного заповідника «Хортиця». Маємо на увазі польські бойові наголів'я XVI – XVIII ст., що зберігаються в фондах та в експозиції Музею історії запорозького козацтва. Перше з них – це шолом останньої чверті XVI – I пол. XVII ст. (інв. № 1009 / М-633), який був переданий у 1971 р. з Львівського історичного музею. Шолом має стандартну конічну форму, поширену у Східній Європі ще з часів раннього середньовіччя. Проте, даний екземпляр містить і певні новації, характерні вже для пізнього середньовіччя та нового часу. Мова йде, передусім, про тулію шолома, вкриту наклепаною лускою та сталевий наносник, що регулюється гвинтом. Мало того, наносник у верхній частині розширюється і має вигляд багатопроменевої зірки з отвором посередині. У цьому

отворі можна побачити зображення гербу у вигляді трьох зубів та навколо нього монограму з кількох латинських літер. Згаданий герб в польській геральдиці має декілька назв — «Смочі (драконові — авт) зуби» або «Вовчі ікла». Оскільки перший варіант більш поширений, то гадаємо він і є правильнішим. Щодо монограми, то вона складається з латинських літер ST, DG, R, P і в перекладі з латини дослівно розшифровується як ST (ephanus), D (eo), G (ratia), R (ex), P (oloniae) — «Стефан, Божою милістю Король Польщі (Польський)». Герб і монограма належали семигородському (трансільванському) князю Іштвану Баторі, котрий в 1576 — 1586 рр., був королем Польщі під ім'ям Стефана Баторія (Баторого). Будучи польським королем Стефан розмістив свій власний герб «Смочі зуби» на грудях білого орла — державного гербу Польщі.

Саму ж традицію розташовувати на грудях польського орла династичний чи особистий герб правлячого короля, започаткував ще попередник Баторія — король Генріх Валуа (1573 — 1574). Проте з часів Баторія веде свій початок інша традиція — при правлінні цього короля на шабельних клинках з'являються гравіровані чи травлені зображення гербу сім'ї Баторія, погрудне зображення самого короля та написи з титулами Баторія на латинській мові. Такі шаблі угорсько-польського типу стали називати баторувками і використовували їх не лише в останній

Шишак крилатий гусарський.
Польща. Кінець XVII — початок XVIII ст.

чверті XVI ст., але й пізніше, у XVII ст. Правда тоді їх дещо модернізували, додавши до ефесу баторувки гарду. Одночасно із шаблями-баторувками геральдичні знаки Баторія з'явилися і на польському захисному обладунку, зокрема на шоломах. Гадаємо, що польський шолом, який зберігається в експозиції музею, так як і баторувки теж міг використовуватися у XVII ст.

Крім конічного шолому в музеї можна побачити два зразки іншого виду польських бойових наголів'їв — шишаки XVII — поч. XVIII ст. В усякому разі один з них, можемо з абсолютною впевненістю назвати польським гусарським шишаком. Цей польський шишак (інв. № 1018 / М-637) було передано з Львівського історичного музею в 1971 р. Він належить до так званих пізніх крилатих шишаків кін. XVII — поч. XVIII ст. Такі шишаки в Польщі носили лише гусари, що (в XVI — XVIII ст.) являли собою різновид панцирної кавалерії.

Проте, перші шишаки — низькі куполовидні бойові наголів'я — були відомі на Сході та в Східній Європі ще в II пол. XIII ст. Та лише в середині XIV ст. писемні джерела вперше зафіксували східну назву цих наголів'їв — чечак (російськ. і польськ. «шишак»). В XVI ст. турецькі чечакі (шишаки) остаточно витісняють на території Московії «стрельчатые шеломи» і поширюються на теренах Польського королівства [2, с. 301].

В XVI — XVII ст. польський гусарський шишак складався із тулії, котра мала сфероконічну або сферичну форму, та з вухів чи навушків, які з боків прикріплювалися до неї на шарнірах. Зпереду він мав козилок, крізь який проходив залізний

рухомий ніс чи наносник, що утримувався гвинтом. Верхня частина наносника мала листовидне закінчення. Тильна частина шишака була захищена напотиличником, який складався з однієї чи декількох (близько 4-х) наступаючих одна на одну пластин. На верхівці тулії була невеличка металева прикраса — ріп'я або шиш [3, с. 150].

До цього типу шишаків можна віднести другий шишак (інв. № 28426 / М-5825) з колекції музею. Мова йде про європейський шишак XVII ст., придбаний у Н.О. Шматько в 2006 р. Зараз ми ще не впевнені у приналежності його до польського обладунку. Атрибуції шишака суттєво заважає, відсутність детальної інформації про його походження. Але ми можемо говорити про те, що він виготовлений за типом польських гусарських шишаків XVII ст. В цьому немає нічого дивного, бо в тому ж XVII ст. шишаки польського типу були дуже поширеними в Угорщині, Австрії, Саксонії, Баварії і в арміях інших країн. В європейських музеях вже тривалий час зберігаються такі шишаки, що в каталогах названі «цишегге» — німецьким варіантом слова «шишак» [4, с. 184]. Інколи шишаки польського типу в Німеччині називали ще «паппенхаймерами». Ця назва походить від імені талановитого німецького воєначальника часів Тридцятилітньої війни (1618 — 1648) — Г. фон Паппенхаймера (Паппенхайма), кіннотники якого, очевидно, носили такі шишаки. Кавалеристи Паппенхаймера прославилися сміливими атаками проти шведів в битвах при Брейтенфельді (1631 р.) та при Лютцені (1632 р.) Під час битви при Лютцені (з шведським військом герцога Бернгарда фон Веймара) фон Паппенхаймер був смертельно поранений.

Шишак. Європа. XVII ст.

Щодо шишака XVII ст. з нашої колекції, то він складається з характерної сферичної тулії з шістьма ребрами, з ріп'я у вигляді округлого вушка з отвором у середині. Навушки його підтрикутної форми, мають кілька слухових отворів і ремінці з пряжкою для застібання під підборіддям. Козирок стандартний дугоподібної форми, але, на його зворотному боці можна побачити цікаве клеймо у вигляді двох крапок, трьох вертикальних рисок і хрестика. На музейному шишакові XVII ст. є й інші варіанти клейм — літера «М» [5, с. 3].

В останній чверті XVII ст. — на поч. XVIII ст. польські шишаки інколи вже не мали вухів та ріп'я, а натомість на них з'являються крила з листового заліза, що приклепувалися з боків до тулії [6, с. 48]. Крила дещо пом'якшували шабельні удари по голові. Проте, на думку зброєзнавця П. фон Вінклера, головне призначення цих крил було у шумі, який вони створювали при їзді, лякаючи таким чином, коней ворожої кавалерії. Утворювати гучний свист допомагали чисельні отвори в крилах. Поляки називали такі гусарські шишаки — «скшидлєтими шишаками» — крилатими шишаками. Саме до такого типу шоломів і належить польський гусарський шишак кін. XVII — поч. XVIII ст. До речі, отвори його крил мають

різну форму і зроблені у чотири ряди на кожному крилі. У верхній, розширеній частині наносника цього шишака можна побачити цікаву емблему із зображенням шляхетського гербу «Сас» (польськ. Sas): півмісяць, над ним — поміж двома шестикутними зірками — стріла, що скерована наконечником угору. Якщо уважно розібрати символи гербу, то можна дізнатися, що півмісяць (який, вірогідно, походить з мусульманського Сходу) є символом віри, вірності, надії, родинного щастя. Зірки означають натхнення, амбітну мету. Стріла, очевидно, символізує готовність до війни, або вказує на когось, хто без вагання взяв участь у битві, незважаючи на її фінал.

В польській геральдиці герб «Сас» відомий за деякими даними вже з середини XIII ст. У Польщі прийнято вважати, що усі роди, які вживали цей герб, походять з угорсько-румунського регіону (точніше, від переселенців з цих країв). Деякі з дослідників (О. Яблонівський та ін.) заходять ще далі, вважаючи, що роди гербу «Сас», очевидно, пов'язані з молдовським воєводою Сасом (1354 — 1358), спадкоємцем Драгоша (1352 — 1354). Проте, напевно це припущення відповідає дійсності. Гадаємо, що якась частина родів і вела своє походження з угорсько-румунських країв, але інша частина тих шляхетських родів, то автохтонне, русинсько-українське або польське населення. Візьмемо, наприклад, рід-прізвище Добрянських, що користувалися гербом «Сас» з XV ст. Так, в жалуваній грамоті (від 28 червня 1402 р.) короля Польщі Владислава Ягелли (1386 — 1434) про надання маєтку Добристричним братам Юрію, Занькові і Дмитрові (родоначальникам Добрянських — авт.) і натяку немає на їхнє начебто угорсько-румунське походження [7]. До того ж відомий польський історик XIX ст. А. Віняж прямо називав шляхтичів Добрянських русинським (українським) родом. Тієї ж думки дотримувався і академік М. Грушевський [8, с. 92]. Доречі, цим гербом, окрім Добрянських, користувалося і багато десятків інших шляхетських польсько-українських родів-прізвищ: Братковські, Боярські, Дідушицькі, Даниловичі, Кропивницькі, Крушельницькі, Луцькі, Струтинські, Сулятицькі, Терлецькі, Тустановські, Жураковські та багато інших.

Таким чином, ми бачимо, що предмети захисного озброєння так само, як, власне і зброя, теж можуть багато розповісти і про країну-виробника, і про власника, про певні захисні (оборонні) особливості чи бойову функцію предмету тощо.

Література

1. Малий словник історії України. — К.: Либідь, 1997. — 464 с.
2. Государева Оружейная палата. — СПб.: Атлант, 2002. — 408 с.
3. Фон Винклер П. Оружие. — М., 1992. — 336 с.
4. Muller H., Kunter F. Europäische helme. VEB. — Berlin, 1984. — 316 s.
5. Кравцова О.В. Науково-уніфікований паспорт на шишак XVII ст. (фонди НЗХ), 2007. — 4 с.
6. Бехайм В. Энциклопедия оружия. — СПб, 1995. — 576 с.
7. Akta Grodzkie i Ziemskie, VII, 22
8. Грушевський М. Історія України — Руси. — К.: Наукова думка, 1994. — Т. V. — 687 с.

**КОЗАЦЬКІ КЛЕЙНОДИ. ДО ІСТОРІЇ ФОРМУВАННЯ ФОНДОВОЇ ЗБІРКИ
ЗОКМ ПЕРІОДУ XVII – XVIII СТОРІЧ**

Ця публікація є продовженням розкриття теми історії поповнення фондової збірки Запорізького краєзнавчого музею періоду XVII – XVIII сторіч. Так, на зберіганні у музеї перебувають унікальні речі – атрибути влади козацької старшини: булава, пернач, каламарі. Пам'ятки доби козацтва надходили до музею різними шляхами. Символи-клейноди – булава та пернач – були передані на постійне зберігання Львівським державним республіканським історичним музеєм в 1960 році [1].

Метою цієї ж роботи є ознайомлення широкого загалу з експонатами козацьких часів, які надійшли до фондового зібрання в результаті археологічних розкопок та були придбані за кошти. Шлях поповнення колекції в результаті археологічних робіт, в зрівнянні з попереднім, має більш важливіший характер через те, що знахідки мають місцеве походження. Це дає змогу для більш конкретнішої атрибуції матеріалу та детальнішої реконструкції буття реліквій, а не тільки можливість ілюструвати події на території краю експонатами, які походять з інших територій. В 1968 році Хортицькою комплексною експедицією Інституту археології АН УРСР (керівник Юра Р.О.) і Запорізьким краєзнавчим музеєм проводилися роботи на о. Мала Хортиця (Байда) [2, спр. 116]. Матеріали експедиції були передані до фондів краєзнавчого музею і збірка козацьких клейнодів доповнилася ще однією одиницею – каламарем.

Згідно визначення це – «чорнильниця, один з козацьких клейнодів, символ влади військового писаря. Похідний каламар мав вигляд продовгуватого футляра для пер із спеціальним відділенням для чорнильниці або посудини із звуженим горлечком і вушками для підв'язування до пояса. Стаціонарні каламарі склалися з кількох з'єднаних посудин для чорнила різного кольору та кришки, якою вони накривались. Виготовлялись з бронзи, срібла тощо» [3, с. 190]. Вироби прикрашались різнобарвними емалями, позолотою, гравійованим рослинним орнаментом або візерунком з зображеннями тварин, зустрічаються також зображення людських облич. Каламар був зовнішньою ознакою влади писаря [4, с. 134]. Так, «писар – старшинська посада в козацькому війську, пов'язана з документуванням управлінської діяльності. Відповідно до структури козацького війська існувала ієрархія писарських звань: генеральний писар, кошовий писар, полкові, сотенні писарі, яка визначала їх обов'язки та рівень повноважень» [3, с. 380]. Писаря обирали в той самий день, що і кошового отамана, першого січня кожного року. Кошовий писар обіймав третю за значимістю посаду у Війську Запорозькому і відав усіма письмовими справами війська. Його посаду можна порівняти із сучасним начальником штабу армії або з прем'єр-міністром в уряді. Кошовою канцелярією керував військовий писар. Цю посаду можна порівняти із сучасною посадою міністра закордонних справ, отож він мав велику вагу [3, с. 267]. Посада писаря давала змогу ієрархічного росту. Відомо, що майбутні гетьмани на деяких етапах своєї військової кар'єри нерідко займали посади писарів. Наприклад, це гетьмани України Богдан Хмельницький (1648 – 1657) та Іван Виговський (1657 – 1659).

Фондові збірки музеїв України мають в своїх колекціях різноманітні каламарі, шляхи їх надходження різні. Наприклад, срібна чорнильниця генерального під-

скарбія Якова Марковича і запоясна чорнильниця генерального судді Василя Кочубея XVIII ст. були отримані в дарунок В.В. Тарновським від нащадків козацьких діячів. Мідна підвісна чорнильниця XVIII ст. з фондової збірки Дніпропетровського історичного музею була знайдена Д.І. Яворницьким під час розкопок Чортомлицької Січі у дерев'яній скринці на місці військової скарбниці.

Каламарі є яскравими, цікавими знахідками і свідками подій епохи козацтва. Вони частіше не знаходяться в сховищах, а стають частинами експозицій, виставок, ілюструють тогочасні події в наукових та популярних виданнях. Так, світлини каламарів з колекцій Національного музею історії України, Чернігівського історичного музею ім. В.В. Тарновського, Дніпропетровського історичного музею

Рис. 1

увійшли до ілюстрованої історії українського козацтва «Україна — козацька держава». Колекція козацьких каламарів Музею історії запорозького козацтва Національного заповідника «Хортиця» нещодавно експонувалася на виставці, присвяченій історії взаємовідносин запорозького козацтва та Речі Посполитої у XVII ст. [4]. Каламарі Запорізького краєзнавчого музею є прикрасою експозиції «Наш край в XVI — XVIII ст.».

Датування експонату (інв. номери — КВ. — 10508, Арх. — 154/40) XVII століттям підтверджується нумізматичними даними. Серед речей солдатської землянки, де поряд з західною стінкою і була знайдена чорнильниця, були виявлені мідні російські монети «полушка» та «деньга» 30-х років XVII ст. [2, с. 15]. Бронзовий каламар має розміри 5,8 x 5,5 x 3 см, днище пласке, тулово має півокруглу форму і плавно переходить в вузьку гранчасту шийку, вінчик широкий, має форму восьмикутника. Бокові стіночки прямокутні. Передня та задня стінки відокремлені з боків рельєфним поглибленням та декоровані аналогічним гравійованим візерунком. По периметру дуги йде зігзагоподібна лінія, до якої примикають симетричні півкільця — по три з обох сторін, а знизу — два концентричні. Ці півкільця також зроблені зігзагоподібною лінією. Частина поверхні тулова та днища ушкоджені (рис. 1).

Другий — (інв. номери КВ — 36950, ЗКМ В. — 3036) був придбаний у 1983 році у місцевого мешканця. Каламар бронзовий, розміром 6 x 6 x 3 см, передня та задні стінки грушвидної форми, з боків має вигляд краплі. До тулова за допомогою шарнірів прикріплена кришка. З боків, у верхній частині тулова, вушки для підвішування. Нижня широка частина тулова теж має скоби для ремінця. Горлечко каламаря прикрашено ялинкоподібним орнаментом. Верхні скоби мають по шість проштрихованих горизонтальних ліній. Малюнок тулова складається з трьох частин. Зовнішній ярус підкреслюється окремими хвилястими лініями. Основний

Рис. 2

візерунок має обрамлення з двох півкіл, в середині розташовані чотирьохпелюсткові квітки. Цей каламар зберігся в кращому стані. Шарніри кришки та скоб для підвішування в робочому режимі. Він також датується XVII ст. (рис. 2).

Таким чином, чорнильниці — каламари з колекції Запорізького краєзнавчого музею є яскравими знахідками козацької доби на території нашого краю. Вони посідають почесне місце оберегів історичної пам'яті козацького народу.

Література і джерела

1. Гопак С.П. До історії формування фондової збірки ЗОКМ періоду XVII – XVIII ст. // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2006. — № 6. — С. 71 – 74.
2. Юра Р.О. Звіт про роботу Хортицької експедиції в 1968 р. // Архів ЗОКМ.
3. Плещкий С.Ф. Каламар // Українське козацтво. Мала енциклопедія. — К.: Генеза, Запоріжжя: Прем'єр, 2002. — 567 с.
4. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. — Львів: Світ, 1990. — Т. 1. — 316 с.
5. Мірущенко О. Путівник по музею. Музей історії Запорозького козацтва Національного заповідника «Хортиця». — Запоріжжя, 2005. — 18 с.

Мірущенко О.П.

ЦІНОВА ПОЛІТИКА РОСІЙСЬКОГО УРЯДУ У ПІВДЕННОУКРАЇНСЬКОМУ РЕГІОНІ У 40 – 50-Х РР. ХVІІІ СТ.

Один з показників, які характеризують економічну політику стосовно певної території є цінова політика. Аналізуючи відомості цін, можна прослідкувати рівень економічного розвитку певної території у різні проміжки часу.

Для часів Нової Січі ми маємо достатньо інформації про ціни на різні види товарів. Проте переважна більшість з них стосувалась запорозького експорту коней, рогатої худоби, хутра та риби. Ці дані фіксувались у різних реєстрах, ціни часто завищувались і на протязі великого проміжку часу залишались майже незмінними. Відносно стабільними залишались ціни і на запорозький імпорту: тканину, метал, товари господарського призначення та ін. Тому, серед даних, які визначали цінову політику в регіонах найбільш показовими були ціни на зерно, які змінювались в результаті дії об'єктивних чи суб'єктивних факторів.

На жаль, ми не маємо якихось більш менш повних даних, де б зазначались ціни на зернові на території Запорозьких Вольностей. Тому для аналізу цінової політики необхідно брати до уваги перш за все дані з сусідніх територій. Для південноукраїнського регіону багато в чому визначальними були ціни, що склались в магазинах Києва. Саме на їх динаміці можна прослідкувати зміни, що відбувались в економічних процесах. Вони і були використані для базового аналізу цінової політики.

Для даного дослідження взято два десятиліття. В цей час Російською імперією правила Єлизавета Петрівна. І хоч російський уряд ставився до Запорозьких Вольностей неоднозначно, колонізаційні процеси були ще не настільки потужними як у 60-х рр. Ще одна з особливостей цього періоду полягала в тому, що Військо Запорозьке задовольняло свої потреби імпортованим зерном, тоді як у наступні десятиліття кількість зимівників, які культивували хліборобство зростала.

В архівних установах України зберігаються кілька відомостей цін на зернові та продовольство у 40-х – 50-х рр. ХVІІІ ст., які були характерними для південноукраїнського регіону. Найбільш характерні комплекси джерел, що висвітлюють дану проблематику зберігаються у двох фондах ЦДІАУК.

Перший комплекс джерел становлять документи Ф. 59 (Київська губернська канцелярія). Найбільш повними є матеріали справи «Ведомость о ценах за продовольствие и фураж в Киевской губернии с 1743 по 1754 г.» [1, спр. 4145]. Їх аналіз дозволяє простежити щомісячні коливання цін, визначити тенденцію щодо їх підвищення чи зменшення. При цьому необхідно брати до уваги, що дані за кілька місяців частково втрачені, тому не можливо встановити цінові зміни у повному обсязі, що в цілому не впливає на визначення їх динаміки.

Другий комплекс джерел це дані, які містяться у ф. 229 (Архів Коша) ЦДІАУК [2, спр. 53, арк. 55]. В одному з документів цієї справи (Указ генерал-майору Юсту від 9 червня 1759 р. про поставку продовольства до магазинів за цінами підрядника) ми бачимо вибірку цін за один рік – 1759. При цьому вказуються три райони розташування магазинів: Київський, Дніпровський і Задніпровський. Тут варто згадати, що територію, яка межувала із Запорозькими Вольностями, часто називали Задніпровськими місцями. У документі зазначаються три позиції: борошно,

крупя та овес. Ці дані дозволяють простежити як змінились ціни з 1754 по 1759 рр. та, зокрема, порівняти ціни з тими що були у Київських магазинах.

Проаналізуємо вищезазначені комплекси документів. У першу чергу розглянемо дані з Київських магазинів, де представлено ціни з 1743 по 1754 роки. Перш ніж дати аналіз еволюції цін варто зазначити, що дана вибірка є недостатньо повною. Зокрема, за всі роки вкрай обмежені дані за січень та липень місяці, повністю відсутні дані за 1746 р. Ціни на крупу надані вже з 1749 р., коли відбувалося їхнє підвищення по всіх позиціях. Вищезазначені дані по цінам з 1743 по 1754 рр. представлено у таблиці 1.

Таблиця 1.

Ціни в Київських магазинах на борошно, зерно та крупи
у 1743 – 1754 рр. (в коп.)

Рік	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
борошно (пуд)	1743	10-11	10-12	10-12	8-9	7-9	7-9	7-9	8-9	8-11	8-12	7-9	9-10
	1744	—	9-10	8-10	8-9	7-10	7	—	8-11	8-10	8-10	8-10	8-10
	1745	—	11-12	12-13	11-12	12-14	—	12-13	10-12	10-12	9-10	—	9-10
	1747	9-10	9-10	8-10	—	9-10	9-12	9-12	—	—	10	10-11	10-12
	1748	11	—	10-14	12-14	9-12	8-10	—	8-10	9-10	7-9	8-9	8-9
	1749	—	8-9	8-12	10-12	8-11	13-15	—	16-18	15-17	15-17	18-20	20-22
	1750	—	24-25	21-24	24-32	28-32	30-31	—	12-20	13-15	11-13	10-11	9-10
	1751	—	10-11	7-10	7-8	6-7	6-7	—	6	6-7	6-7	7-8	7-16
	1752	—	7-8	7	6-7	6,25-7	6,5	—	6-7	7,5-9	8-9	8-10	7-9
	1753	—	7-9	8	7-8	8-9	7-8	—	7-9	8-9	8-9	9-10	9
1754	9-10	9-10	8-10	9-10	8-10	—	8-9	8-10	8-10	—	8-9	9	
пшано (пуд)	1743	19-20	16-20	20-24	20	18-22	14-18	16-20	12-16	14-16	13-16	11-14	11-12
	1744	—	11-15	10-13	10-11	10-11	9-10	—	11-18	11-18	12-14	10-14	11-14
	1745	—	14-16	11-18	11-15	14-16	—	14-15	10-13	14-17	14-17	—	14
	1747	12-14	12-14	12-14	—	13-14	12-14	12-16	12-14	—	13-14	14-16	14-15
	1748	14-16,5	—	13-15	12-15	14-18	13-16	—	10-26	20-26	15-24	17-21	20-23
	1749	—	18-20	20,5	24-30	15-28	25-35	—	—	48-51	42-50	40-50	48
	1750	—	44-50	42-48,5	52	59-60	48-57	—	—	26-31,5	23-28	28-35	24-36
	1751	—	26-32	19-26	18-23	22-26	19-22	—	14,5-17,5	14,5-17,75	8,75-15,25	7,25-10	9-11
	1752	—	10-12,5	8,5-11,5	7,25	7,25-8,75	7,5-8,5	—	7-8	8-9,5	7-8,75	7,25-8,75	8-10
	1753	—	7,25-13,25	7,25-8	7,25-8,75	7-10	8,25-9,25	—	8,25-9,5	7,5-10,75	10-11,5	11,25-17,5	10-11,5
1754	—	10,75-13,25	9,5-11	8,5-12	7,5-11,5	10,5-11,5	—	10,5	10-14	—	8,5-11	8,5-10	
овес (чверть)	1743	24-30	26-32	28-30	24-30	26-30	24-28	28-31	26-32	24-34	26-40	28-30	28-30
	1744	—	30-34	30-36	28-36	30-38	32-36	—	36-44	36-44	28-32	24-38	30-36
	1745	—	44-48	44-58	48-50	50-60	—	—	48-50	46-50	42-48	—	44-51
	1747	44-45	42-48	46-52	—	42-50	44-50	52-56	40-56	—	30-40	38-42	40-44
	1748	44-60	—	36-58	52-58	50-60	49-52	—	52-72	48-56	50-53	50-54	48-52
	1749	—	48-60	58-66	56-68	48-60	52-64	—	94-168	92-110	80-110	110-116	116-140
	1750	—	130-150	134-147	130-160	130-159	108-120	—	36-101	56-66	34-38	32-37,5	28-34,75
	1751	—	32-33,75	26-33,75	24-32,75	24-26,75	24-26,75	—	16-25,75	19-22,75	19-22,75	14-22,75	14-21,5
	1752	—	17,25-22,25	16-23,25	16-18,75	16-20	18,75-20	16-21,5	16-25,25	16-25,25	16-20	16-18,75	16-18,75
	1753	—	17-22,75	16-18,25	18,75-21,25	18,75-21,25	18,75-21,25	—	21,25-26,75	16-24	18,75-28	21,25-24	20-25,25
1754	—	19,25-30,75	28-32	29,25-33,75	33,25-36	33,25-42	—	26,75-40	21,25-36	—	24-26,75	24-26,75	
сіно (пуд)	1743	3	3	4	4	—	—	—	3	3	4	4	4
	1744	—	2,5	2,5	3,5	—	—	—	4	4	4	4	3
	1745	—	3	4	4	3-4	—	—	4	4	4	—	2
	1747	2	2-3	3	—	4	3	—	4	—	4	4	4
	1748	4	—	4	5	5	4	—	4	4	5	3	3
	1749	—	5	8	8	6	—	—	8	8	8	8	8
	1750	—	8	15-20	15	—	—	—	4	4	4	4	3
	1751	—	3	3	3	3	—	—	4	4	4	4	4
	1752	—	5	5	5	—	5	—	5	5	3-3,5	3-4	3-4
	1753	—	3-4	3-4	3-4	3-4	—	—	4	3-4	4	4	2-3
1754	—	2,5-3	3-4	2,5-3	2,5-4	—	—	4-5	3-4	—	2,5-4	2,5-4	

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
крупа (чверть)	1749	—	—	—	—	—	—	—	262	262	252	304	274
	1750	—	308	368	454	386	364	—	—	200	200	260	200
	1751	—	164	168	180	208	162	—	120	164	140	128	—
	1752	—	114	120	128	100	118	—	124	112	110	116	120
	1753	—	—	120	120	128	136	—	164	160	136	120	180
	1754	—	168	180	180	140	140	—	147	120	—	128	140

Проаналізуємо детальніше дані таблиці. Стосовно кожної позиції можна виділити кілька років цінової стабілізації та час значних цінових стрибків. Для зручності будемо розглядати середньомісячну ціну, оскільки, в окремі місяці спостерігалися значні цінові коливання.

На борошно з початку 1743 р. до березня 1749 р. спостерігались стабільні ціни без різких коливань. За цей час була зафіксована найменша ціна 7 коп. у червні 1744 р., найвища 13 коп. — у травні 1745 р., коливання цін в цей час були в межах 2 — 3 коп.

З березня 1749 ціни почали дещо підвищуватись, а з червня зростати на 2 — 3 коп. щомісяця. В результаті з червня 1749 р. по червень 1750 р. відбувалось підвищення середньомісячної ціни з 14 до 30,5 коп. До того ж у квітні — травні 1750 р. ціни сягнули найвищого показника у 32 коп. Вже за два місяці ціна впала майже вдвічі, хоча в серпні відзначаємо одну з найбільших різниць нижньої і верхньої межі цін у 8 коп. Надалі ціни продовжували знижуватись і в серпні 1751 р. показники щодо борошна були зафіксовані на найнижчій позначці у 6 коп. Подальше незначне підвищення цін на 1 — 2 коп. супроводжувалося і найбільшою різницею нижньої та верхньої межі у 9 коп. (грудень 1751 р.), що свідчить про те, що ситуація на аграрному ринку ще не стабілізувалась. Надалі підвищення продовжувалося і кожного року ціна була приблизно на 0,5 коп. вища ніж у попередній рік.

Динаміка цінових змін на пшоно багато в чому схожа з тією, яку ми бачили на прикладі борошна. З початку 1743 р. до середини 1748 р. ціни змінювались без різких коливань. Хоча саме у першому півріччі 1743 р. ціни були майже вдвічі більші ніж за цей же проміжок часу наступного року. За цей період найвища середньомісячна ціна спостерігалась в березні 1743 р. — 22 коп., найнижча в березні — 9,5 коп. Загалом же ціни коливались у межах 10,5 — 15,5 коп. Вже з серпня 1748 р. поруч із значною різницею верхньої та нижньої цінової межі (16 коп.) спостерігаємо спочатку поступове, а за рік більш стрімке підвищення ціни на пшоно. Як результат у травні 1750 р. було зафіксовано найвищу ціну — 59,5 коп. Після цього ціна знижується і у квітні 1752 р. фіксується на найнижчому рівні у 7,25 коп. Надалі тенденції щодо зміни ціни були ті самі, що і на борошно.

Овес був однією з культур, ціни на яку змінювались найбільш істотно. На відміну від попередніх двох позицій з початку 1743 р. ціна поступово зростала. У серпні 1748 р. окрім великої різниці нижньої та верхньої межі цін (20 коп.) спостерігається зниження ціни, яке тривало до кінця року, надалі — нове зростання. У серпні 1749 р. фіксується найбільша цінова різниця — 74 коп. і найбільша верхня межа — 1 крб. 68 коп. при середньомісячному показнику — 1 крб. 31 коп. А найбільша середньомісячна ціна спостерігалась у квітні 1750 р. — 1 крб. 45 коп., після цього ціни почали знижуватись (щоправда у серпні цього року — знов велика різниця — 65 коп.). А найнижчі середньомісячні ціни зафіксовані на позначці 17,3 коп.

(квітень 1752 р.) та 17,2 коп. у листопаді – грудні того ж року. У наступні два роки ціни незначно підвищувались.

Протягом одинадцяти років ціни на сіно порівняно із зерновими вирізняються більшою стабільністю. Так з 1744 р. по 1747 р. ціни у першому півріччі були нижчими, ніж у другому, хоча саме у грудні 1745 р. (як і в січні 1747 р.) зафіксовано найнижчий показник за всі роки – 2 коп. за пуд. В цей час ціни коливаються від 2,5 до 4 коп. У 1748 р. протягом трьох місяців ми бачимо ціну 5 коп., а з березня 1749 р. до кінця року (за винятком травня) – ціна тримається у межах 8 коп. Надалі у березні 1750 р. фіксуємо найбільшу середньомісячну ціну на сіно – 17,5 коп., трохи нижчу у квітні – 15 коп. Після цього за рік ціна знижується у 5 разів – 3 коп. і надалі тримається на дещо вищому рівні.

На крупу, на відміну від попередніх товарів, дані є лише за шість років. Проте і вони дозволяють простежити певні тенденції. Це зростання цін з 1749 р., найвища межа зафіксована у квітні 1750 р. – 4 крб. 54 коп. Після цього ціни знижуються за рік майже втричі, а за кілька років ще у 1,5 рази. У 1754 р. ціни тримались на рівні 1751 р.

Таким чином, проаналізувавши дані по всіх позиціях, ми можемо побачити незначне зростання цін навесні 1745 р., після чого відбувається зменшення ціни на зернові та їх стабілізація. З червня 1749 року починається стрімке зростання цін, і в квітні – травні 1750 року ціни були в 2,5 – 3 раз більші ніж у ці ж місяці минулого року. Надалі ціни знов знижуються і стабілізуються. Протягом квітня – червня 1752 р. показники були на найнижчому рівні, після чого значних цінових стрибків не зафіксовано. Ще одна з тенденцій за ці 11 років – велика різниця між нижньою та верхньою ціною, яка спостерігалась у серпні протягом багатьох років.

Для більш повного розуміння цінової політики у досліджуваний період варто звернутися до історичних праць з цієї проблематики. Ми маємо дві змістовні роботи які висвітлюють як аграрний ринок, так і ціни на зернові, що склалися на цей час у Російській імперії. Перша – Л. Ковальченко, Л. Мілов «Всероссийский аграрный рынок XVIII – н. XX ст.», друга – Б. Міронов «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX ст.)».

У першій праці автори аналізують становлення аграрного ринку Російської імперії протягом кількох століть, застосовуючи у своєму дослідженні математичні методи [3]. Їх дослідницький інтерес становить перш за все еволюція аграрного ринку у різних районах та містах держави. Для нас ця робота цікава тим статистичним матеріалом, який наводять автори. Зокрема у додатках є дані по Києву по двох позиціях: жито та овес. Особливий інтерес представляє те, що дані наведені за ті ж роки, що і матеріали вище проаналізованої справи.

Ціни подано у копійках за 8-пудовий куль (фактично дорівнює такій одиниці міри як чверть). Щоб краще їх подати зведемо ці дані у таблицю.

Таблиця 2

Рік	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1750	1751	1752	1753
Жито	70	91	80	81	107	159	57	60	67	43
Овес	33	50	42	53	83	95	75	18	20	29

Спільне по обох позиціях – найвища ціна у 1749 р., після чого ціни на жито впали майже втричі вже у наступний рік, а ціни на овес більш ніж у 5 разів у 1751 році.

Якщо порівняти дані на овес з тими, що були представлені у табл. 1, то можемо побачити певні невідповідності. Одна з них це зростання ціни у 1750 р. (середньорічна 119,2 коп.) у порівнянні з 1749 р. (83,2 коп.). У той час як у Л. Ковальченка, Л. Мілова спостерігається зниження ціни. Хоча загальні тенденції щодо коливання цін все ж таки зберігаються.

Деякі причини цінових стрибків пояснює у своїй праці Б. Міронов. Зокрема він вказував роки екстремальних коливань врожаїв і цін. Так серед років, де зазначено мінімальні врожаї – 1748 та 1757, а максимальні ціни – 1749 та 1758 [4, с. 122]. Тож підвищення цін на продовольство у 1749 – 1750 рр. пояснюється неврожаєм 1748 року.

Далі перейдемо до документу, в якому подано ціни за 1759 р. Це імператорський Указ генерал-майору Юсту 9 червня 1759 р. про поставку продовольства до магазинів за цінами підрядника. З цього документу, дані по якому зведено у таблицю 3, бачимо, що ціни у 1759 р. були досить високі.

Таблиця 3

Магазини	Найменування	Кількість (чверті)	ціна (за чверть)
Київські	борошно	16 760	1,03 крб.
	крупа	2 000	1,47 крб.
	овес	12 954	0,56 крб.
Дніпровські	борошно	9 000	1,07 крб.
	крупа	2 655	1,60 крб.
	овес	24 000	0,60 крб.
Задніпровські	борошно	14 000	1,34 крб.
	крупа	875	1,80 крб.
	овес	37 000	0,72 крб.

Отже, на різних територіях були значні коливання цін: на борошно – у межах 31 коп, на крупу – 33 коп., овес – 16 коп. за чверть. При цьому найвищі ціни були у Задніпровських магазинах, а найнижчі – у Київських.

Порівняємо ці дані з тими, що представлені у табл. 1, зокрема з тими що були у 1754 р. Так борошно (враховуючи, що чверть дорівнює 8 пудам) подорожчало майже на 4 коп. (9,05 коп. – у 1754 р. та 12,9 – у 1759), овес подорожчав у 1,5 рази, крупа, порівняно з останніми місяцями 1754 р., подорожчала незначно.

У вищезазначеному документі із справи 53 Архіву Коша містяться і умови зернової торгівлі. У зв'язку із поставками зерна до магазинів Головна провіантська канцелярія повинна була заключити контракт на належних умовах поруками з підрядниками і за договором видавати провіант у певній кількості. На поставку видавали кредити та укладали контракт на таких умовах:

1. Провіант мав бути доставлений у термін з листопада 1759 р. по січень 1760 р., а якщо буде привезений раніше вказаних термінів, то приймати борошно та крупу «...добрую, сухую, свіжюю, нележалую, не затхлюю, с песком не смешанную и вовче в дачу к отдательству годную», овес «свежий, сухой, не затхлый, не смешанный, кроме лошадам годный». Крупу належало поставити по третині гречаної, вівсяної, ячної, а якщо через неврожай вівсяної чи ячної не буде, то поставляти просяну, але не більше половини, іншу половину мала складати крупа гречана.

2. Підрядникам видавалися кошти з розрахунку: Київські магазини – борошно – 51,5 коп. за чверть, крупа – 73,5, овес – 28 коп., Дніпровські відповідно – 53,75 коп., 70 коп. та 30 коп., Задніпровські відповідно – 68 коп, 90 коп, та 36 коп.

3. Якщо підрядники на зазначені суми провіанта не привезуть, або запізняться в термінах, то на підрядників чекали штрафні санкції — 0,5 % за перші два місяці затримки та 10 % річних в інші місяці.

4. У випадку виконання підрядниками всіх зобов'язань офіцерам магазинів після огляду провіанту та вівса належало приймати все без затримки.

Особливий інтерес представляє п. 2 з якого бачимо, що різниця між цінами підрядника і закупівельними складає 100 %.

У документі вказувались такі підрядники: прикажчик кн. Репніна Микита Макаров, купець білгородський Данило Єсипов та повірений білгородського купця Кирила Человішина Петро Булгаков, орловський Михайло Дубравін, повірений мценського купця І. Московитінова Микита Биков, трубчевський купець Петро Боров з «уступочною» від білгородського купця Антона Євдокимова, козак Гадяцького полку Василь Тимофєєв, козак Охтирського слобідського полку Яків Пантелєєв

Кількість зерна, яку належало постачати різним підрядникам зведено у табл. 4

Таблиця 4

Магазини	Київські			Дніпровські			Задніпровські			Загалом		
	борошно	крупа	овес	борошно	крупа	овес	борошно	крупа	овес	борошно	крупа	овес
М. Макаров	6 700	418,5	5 000	4 000	1 000	10 000	5 500	443,5	12 750	16 200	1 862	27 750
Д. Єсипов	1 100	63	915	545	180	1 035	910	57,5	2 670	2 655	300,5	5 115
П. Булгаков	1 120	63	915	545	180	1 530	910	57,5	2 670	2 775	300,5	5 115
М. Дубравін	1 870	119	1 680	995	300	2 917	1 660	99	4 360	4 525	518	8 957
М. Биков	1 120	63	920	544	180	1 530	910	57,5	2 670	2 574	300,5	5 120
П. Боров	3 460	193	2 175	1 695	580	4 803	2 962	187,5	8 410	8 111	960,5	15388
В. Тимофєєв	1 110	63	915	545	180	1 530	910	57,5	12 670	2 565	300,5	5 115
Я. Пантелєєв	270	20	434	130	25	160	238	15	800	639	60	1 394
Підсумок										39 960	4 702,5	73 954

Деякі дані, які дозволяють ширше проаналізувати цінову політику наводить Б. Міронов у додатках до своєї праці. При цьому слід зауважити, що аналіз цін він робив по різних регіонах, намагаючись визначити специфіку кожного району. При цьому дані наводяться за десять років. Для більш повного аналізу необхідно взяти три регіони Південно-західний, оскільки туди входив Київ, Степовий та Український, як такі, що були у безпосередній близькості до земель Запорозьких Вольностей.

Спочатку наведемо ціни на жито і овес по Українському району за декілька років. Зокрема, ми маємо такі дані на жито: 1740 р. — 57 коп. за чверть, 1741 — 68 коп., 1742 — 61 коп., 1754 — 49 коп., 1755 — 52 коп., 1756 — 55 коп. Отже, ціни на жито, починаючи з 1754 р., зростали. На овес Б. Міронов подавав лише два показники: 1742 р. — 27 коп. та 1743 — 35 коп.

Окремо він по районах подавав ціни на ряд зернових культур (зол. коп. пуд) виводячи середню цифру за 10 років. Ці дані зведено в окрему таблицю.

Таблиця 5

Район	Товар	Ціна	
		1741-1750	1751-1760
Український	жито	14,5	7,6
Південно-Західний		11,5	7,5
Степовий		11,5	10,3
Український	овес	9,6	6,6
Південно-Західний		10,0	6,9
Степовий		9,7	8,2
Український	гречка	9,2	7,4
Південно-Західний		8,2	6,1
Степовий		9,8	9,0
Український	пшениця	17,3	15,9
Південно-Західний		15,2	13,7
Степовий		21,7	18,7
Український	ячмінь	9,4	7,6
Південно-Західний		9,3	7,3
Степовий		9,2	7,6

Ці дані свідчать, що загальний рівень у 50-ті роки був нижчий ніж у 40-і, тобто ціни стабілізувались.

Ціновій політиці на території Гетьманщини у своїй праці присвяченій розвитку господарства приділив увагу М. Слабченко [5]. У томі де висвітлюється розвиток торгівлі він наводив ціни з 1749 до початку 1767 р. В діаграмі показано динаміку зміни цін на овес, гречку, жито та пшоно. При цьому для всіх продуктів відзначаємо постійне підвищення ціни з середини 1752 р. [9, с. 98]. Зазначав дослідник і причини, які впливали на підвищення цін. Серед них – голод 1748 – 1749 рр., встановлення тяжкого тарифу у 1751 р., суворі зими 1757 – 1758 рр., запровадження відкупної системи у 1759 р.

Таким чином, за 40 – 50-ті рр. XVIII ст. ціни на зернові зазнавали постійних змін. У більшості випадків вони відбувались без значних коливань. За період з 1743 по 1754 рр. зафіксовано лише один значний стрибок цін у 1749 – 1750 рр. Зумовлений він був об'єктивною причиною – неврожаєм 1748 – 1749 рр. Підвищення цін у 1758 р. внаслідок суворих зим 1757 – 1758 рр. було не таким великим, як за 10 років до цього, що може свідчити про більш стабільний розвиток аграрного ринку у 50-ті роки. Це підтверджує і той факт, що загальний рівень цін у 50-ті роки, був нижчим ніж у 40-ві.

Отже, кліматичні умови були одним з головних факторів, який позначався на врожайності зернових, а тому впливав на цінову політику. В подальшому це може бути темою окремого дослідження для зазначеного періоду.

Ціни дещо стабілізувались після проведення митної реформи у середині 50-х рр. XVIII ст., коли торгівля між різними регіонами Російської імперії стала більш впорядкованою. Щоправда, Військо Запорозьке ще тривалий час вирішувало питання пов'язане з тим, що Вольності опинились поза межами митного кордону Росії.

Ще одним фактором, який впливав на цінову політику було встановлення відкупної системи, коли та чи інша галузь віддавалась на відкуп певним особам.

Приклад цьому — зернова торгівля 1759 р. — підрядники набагато завищували ціни порівняно із закупівельними.

Для Війська Запорозького у 1759 р. було підвищено розмір грошового, а через кілька років продовольчого жалування. Це виглядало цілком логічним на фоні постійного підвищення цін на зернові.

Надалі автор планує продовжити дане дослідження і для того, щоб остаточно зрозуміти цінову політику, коли у 60-ті рр. XVIII ст. у південноукраїнському регіоні пошвавились колонізаційні процеси, відповідно збільшувались обсяги продажу зерна та змінювались умови торгівлі.

Література і джерела

1. ЦДІАУК, ф. 59, оп. 1.
2. ЦДІАУК, ф. 229, оп. 1.
3. Ковальченко Л.В, Милов Л.Д. Всероссийский аграрный рынок XVIII — н. XX ст. — М.: Наука — 1971. — 412 с.
4. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII — XIX ст.). — Л.: Наука, 1985. — 301 с.
5. Слабченко М. Организация хозяйства Украины от Хмельнитчины до мировой войны // Очерки торговли и торгового капитализма — К., 1923. — Т. 3. — 189 с.

Чайка О.В.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ И СОЗДАНИЕ СЕТИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ В ГОРОДЕ АЛЕКСАНДРОВСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX века во многих городах были построены городские электростанции, которые обеспечивали освещение улиц, жилых домов и промышленных предприятий. А в уездном городе Александровске в это время улицы освещали керосиновые фонари, на содержание которых тратили 1 952 рубля в год [1, д. 200, л. 15]. Городские власти изучили опыт других регионов и решили построить станцию, чтобы электрифицировать город, а заодно решить и проблему городского транспорта — устроить в городе электрический трамвай.

Но прежде надо было найти специалиста, который бы составил проект планируемых сооружений. В 1898 году свои услуги по устройству в Александровске электроосвещения и трамвая Городской Управе предложил потомственный почетный гражданин из Одессы А.А. Бродский. 17 июня 1900 года между Городской Управой и представителем Бродского был заключен договор на проектирование этих сооружений. Предполагалось, что эти объекты будут отданы ему в концессию. Срок для исполнения технического проекта был определен в два года [1, д. 151, л. 2 об.].

25 сентября 1901 года к Городскому Голове г. Александровска обратился инженер-электрик Екатеринославского отделения Центрального электрического общества в Москве Хлобошин с предложением устроить электрическое освещение. От городской Управы требовалось бесплатно отвести место в 240 сажень на берегу Днепра или в черте города. Разрешить установить столбы на городских площадях, улицах, переулках, подвести к ним провода для доставки

электроэнергии частным абонентам. Хлобоцин брал на себя обязательство установить бесплатно для освещения центральных улиц города 30 дуговых фонарей силою света по 800 свечей каждый или же 20 таких же фонарей и 100 лампочек накаливания силою света по 16 свечей каждая. Предполагалось, что лампочки эти будут гореть от захода до восхода солнца за исключением лунных ночей. За это освещение в течение года Городская Управа должна была выплачивать 5 600 рублей в год равными ежемесячными взносами. В случае прекращения подачи электроэнергии для освещения города Хлобоцин обещал зажигать существовавшие на тот момент в городе керосиновые фонари своими средствами. Плата за потребленную электроэнергию с частных лиц предполагалась по 30 копеек за киловатт. Горение лампочки накаливания в 16 свечей оценивалось в 1,75 коп. или же по взаимному соглашению. За устройство проводов у абонентов и установку лампочек с простой арматурой предполагалось взимать не более 15 рублей с каждой лампочки, а с каждого дугового фонаря — не более 120 рублей. За оборудование и освещение в городских зданиях была обещана 15 % скидка [1, д. 151, л. 1 — 2]. Предложение было заманчивым. Городские власти в 1902 году провели опрос и установили, что минимальная потребность только частных лиц составляет 30 000 лампочек по 16 свечей. По расчетам предприятие должно было быть весьма доходным, а одновременное строительство трамвая и электростанции удешевляло расходы [1, д. 200, л. 15 — 15 об.]. Но принять это предложение в тот момент было невозможно, ибо город был связан договором с Бродским, который так и не выполнил своих обязательств, но это выяснилось только в 1902 году [1, д. 1613, л. 10 — 10 об.].

Но главной проблемой города Александровска было отсутствие денег на решение насущных проблем. Поэтому 7 августа 1903 года Городская Управа обратилась к Екатеринославскому Губернатору с ходатайством о разрешении произвести заем в 1 000 000 рублей. Предполагалось, что эти деньги будут потрачены следующим образом: на электроосвещение и трамвай — 450 000 рублей, на сооружение торговых рядов — 150 000 рублей, на строительство народной бани — 100 000 рублей, на строительство здания мужской гимназии — 97 000 рублей. Остальные деньги в размере 203 000 рублей должны были пойти на погашение долговых обязательств [1, д. 200, л. 16 об.]. Получить это разрешение не удалось, так как шестеро гласных Думы во главе с И. Гавришовым заявили, что этот вопрос обстоятельно не изучен, у города слишком много долгов. Поэтому 26 августа 1903 года ходатайство о займе было отозвано. В ноябре 1905 года Городской Голова Ф.Ф. Мовчановский снова предложил вернуться к этому вопросу, но Городская Дума опять отказалась рассматривать эту проблему. Мотивация была прежней — у города много долгов [1, д. 200, л. 19, 22].

Городская Управа не оставляла мысли устроить в городе электрическое освещение. Чтобы подготовиться к повторному вынесению этого вопроса на заседание Городской Думы, в последующие годы посылались запросы специалистам в разные города с целью составить смету на производство работ и выбрать подрядчика [1, д. 221, л. 11]. Получением такого заказа заинтересовалось Русское общество «Всеобщая кампания электричества» из Санкт-Петербурга, пообещавшая составить смету в двухнедельный срок. Строительно-техническая контора «Энергия» из Харькова сообщила о своих условиях участия в этих работах: предоставить место для строительства электростанции, план города и всю необходимую информацию для составления сметы. Городу была предложена постепенная проплата

по 20 — 35 % в год из сумм, ассигнуемых ежегодно на освещение и из доходов электростанции. Среди желающих принять участие в разработке проекта были и другие фирмы: Санкт-Петербургская артель инженеров-специалистов, Акционерное общество русских электротехнических заводов Сименс и Гальке (Харьковское отделение), инженер С. Тривас из Николаева, инженер-технолог С.С. Становский из Екатеринослава, Саммет и Шаков из Одессы, инженер-технолог А.И. Мюнцер из Екатеринослава, Техническая контора инженера С. Бабада из Одессы, П.И. Аркалович из Екатеринослава, инженер-технолог А.П. Бурд из Одессы, конструктор А.С. Беркович из Екатеринослава, Русское электрическое общество «Вестингауз» из Москвы и др. [1, д. 221, лл. 2, 6, 11, 14 — 17, 20 — 26, 32, 42].

Наиболее приемлемые предложения внесли: Акционерное общество «Вольта», Екатеринославское отделение Центрального электрического общества в Москве, инженер И.Ф. Яскульский, инженер-технолог И. Корин, техническая контора В. Левенсон [1, д. 1613, л. 53]. Центральное электрическое общество в Москве с 22 июля 1905 года по 31 января 1906 года составило три варианта сметы. По первому — общая сумма составляла 32 442 рубля, по второму — 37 059 рублей, по третьему — 26 275 рублей. В первом варианте предусматривалась установка газогенераторного двигателя завода Танге в Бирмингеме для соединения с динамомашинной специально для электроосвещения. Максимальная мощность — 110 л. с. Во втором случае мощность — 61 л. с. В третьем — планировалось использовать водотрубный котел завода Фицнера и Гампера. Поверхность нагрева его равнялась 100 кв. м., рабочее давление — 10 атмосфер. Паро-динамо-машина должна была состоять из паровой вертикальной машины Бульт и Лабордьер в Париже, развивающей при 9,5 атм. давления и при 400 оборотах в минуту 100 л. с. [1, д. 221, лл. 51 — 59].

14 марта 1906 года Городская Управа обратилась в Императорское русское техническое общество с просьбой изучить проекты и сметы на устройство электроосвещения в городе Александровске и дать заключение с указанием достоинств и недостатков каждого из них. 27 сентября VI (электротехнический) отдел этого общества рассмотрел проекты Акционерного общества «Вольта», Екатеринославского отделения Центрального электрического общества в Москве, инженера И.Ф. Яскульского, инженера-технолога И. Корина, технической конторы В. Левенсона. Два последних проекта признали неудовлетворительными. Из трех оставшихся наиболее дешевым был проект центрального электрического общества, но то количество меди, которое предполагалось использовать, было слишком малым для предполагаемой мощности. Наиболее рациональной была признана система фирмы «Вольта» трехпроводная, с напряжением в 460 вольт. В заключении говорилось, что ни одно из пяти предложений не может быть признано в целом удовлетворительным. У каждого были свои сильные и слабые стороны. Городской Управе порекомендовали сдать Яскульскому постройку сети, а «Вольте» — центральную станцию с двумя газогенераторными двигателями по 50 л. с. при напряжении в 500 вольт [1, д. 1613, лл. 43, 53 — 54].

Но осуществить эти проекты снова не удалось, так как еврейские погромы 1905 года нанесли значительный урон городской торговле — были сожжены торговые ряды, разграблены товары. Не все торговцы смогли восстановить свой бизнес. А бюджет города пополнялся главным образом за счет сборов с купечества. В связи с этими печальными событиями увеличились ассигнования на содержание полиции и войск. Просьба города к правительству об оказании финансовой помощи

в 100 000 рублей была отклонена [1, д. 207, лл. 3 – 5]. Поэтому электрификация города вновь была отложена.

Предприниматели и состоятельные граждане, понимавшие преимущества электрического освещения, пытались решить эту проблему своими силами. Они устраивали собственные маленькие «электростанции» на предприятиях, в гостиницах, синематографах, используя керосиновые, газогенераторные двигатели, которые издавали много шума и загрязняли воздух. Из-за этого в Городскую Управу поступала масса жалоб [1, д. 266, лл. 12, 40 – 45, 68 – 70, 114].

В 1908 году наметилось оздоровление финансового состояния городской казны, и власти снова возвращаются к вопросу об устройстве электрического освещения. Сначала решили подготовиться теоретически и ознакомиться с положением дел в других регионах. В разные города, где уже работали электростанции, был отправлен «запросный лист». В нем просили предоставить информацию о количестве дуговых фонарей для уличного освещения, о сметной стоимости оборудования каждого фонаря, о стоимости электроэнергии для города и для частных лиц, о способе покрытия расходов, о стоимости строительства, о штате служащих, о числе жителей и количестве потребляемой электроэнергии [1, д. 291, л. 21]. Информация о том, что в Александровске планируется строительство городской электростанции, стала достоянием многих заинтересованных лиц. Специалисты из разных городов предложили свои услуги по составлению сметы и проектной документации [1, д. 291, лл. 8 об. – 9, 98, 112, 134, 143, 182].

Городские власти, используя опыт других городов и сметы, составленные в предыдущие годы, выработали специальные кондиции. В них содержалась полная информация о требованиях, предъявляемых к проектировщикам, указывались наименования двигателей, динамо-машины, аккумуляторов и прочего оборудования, условия проведения подрядных работ, обязательства обеих сторон, сроки оплаты и многое другое [1, д. 291, лл. 72 – 75 об.]. Было решено, что все оборудование будет закупаться новым. Казалось, проблемы с бывшими в употреблении водопроводными трубами стали хорошим уроком для Городской Управы [2, с. 87]. Рассмотрев предложения, городские власти для исполнения заказа выбрали Техническую контору Артели русских инженеров в Харькове (далее «Артель»). 15 января 1909 года эта фирма прислала для переговоров своего представителя В.А. Радцига. А в феврале был сделан заказ на составление сметы и проекта. Было решено, что плата за исполнение этих документов будет составлять 1 % от сметной стоимости предприятия [1, д. 291, лл. 94, 99 – 101, 110, 115].

Но тут 11 февраля 1909 года некто Н.А. Кенес от имени Вольфа Ильштейна предложил городу для покупки электростанцию на 200 дуговых фонарей и 10 000 лампочек. Ее стоимость составляла 240 000 рублей. Цена при продаже устанавливалась в 40 000 рублей. Качество гарантировалось. Городские Управа и Дума согласились на переговоры, предложили хозяину приехать с чертежами и документами, забыв о своих намерениях построить электростанцию с новым оборудованием. 17 марта 1909 года подобное предложение поступило от Г.Я. Ильштейна, продававшего электростанцию по случаю ликвидации завода [1, д. 291, лл. 117, 132]. Но, судя по тому, что эта переписка не была продолжена, здравый смысл возобладал.

В конце марта смета «Артели» была составлена, но в Александровске были высказаны замечания по поводу небрежного оформления документов, и оплата отсрочена. Только в июне на заседании комиссии по электрическому освещению

были представлены: переписанная набело смета, проект, технические условия. По проекту предусматривалось строительство здания центральной электростанции из кирпича на кирпичном фундаменте. Внутреннее пространство делилось на отдельные помещения. Машинное отделение предназначалось для расположения четырех вертикальных двигателей внутреннего сгорания. Пол здесь выстилался метлахской плиткой. Стены на высоту окон должны были окрашиваться масляной краской. Предполагалось, что крыша будет железной на деревянных или железных стропилах высотой 6,5 м., длиной 24 м. и шириной 10 м. с фонарем над средней частью для вентиляции.

Генераторная планировалась с высотой помещения 4,5 м., шириной 7 м., длиной 13 м. Крыша должна быть односкатная на деревянных стропилах с двумя дефлекторами для вентиляции. Здесь предполагалось установить четыре газогенераторных устройства с очистителями, помостом для загрузки угля и подъемным устройством.

Следующим помещением была мастерская для мелкого ремонта размером 7 x 4 м. Аккумуляторное помещение планировалось на железных балках с бетонными сводами размером 9,2 x 8,6 м., высотой 3 м. Стены должны были окрашиваться эмалевой, кислотоупорной краской. Рядом располагалась небольшая кладовая 5,7 x 3 x 3 м., отделенная от аккумуляторной огнеупорной переборкой по системе Прусса.

На второй этаж вела железобетонная лестница из двух маршей. Потолок — железобетонный. Лестничная клетка занимала площадь 4,5 x 2,7 м., высота — 6 м. Внизу под лестницей располагался клозет.

Второй этаж, над аккумуляторной, занимали три комнаты, в которых помещались контора, кабинет заведующего и лаборатория для проверки счетчиков регулировки дуговых ламп и других приборов. Предполагалось наличие башни вестибюля для вывода проводов от распределительной доски наружу. Ее площадь составляла 2,7 x 2,2 м.

Предполагалось, что только двухэтажная пристройка будет иметь водяное отопление, работающее при помощи отходящих от машин газов. Все это сооружение имело объем 320 кубических саженей и обходилось городу в 24 000 рублей. Наиболее дорогостоящей была механическая часть электростанции. Необходимо было установить три вертикальных двигателя внутреннего сгорания, которые работают «силовым бедным газом из донецкого антрацита». Мощность каждого двигателя 125 л. с. На их приобретение необходимо было 45 900 рублей. Три газопроизводителя, работающие на антраците, обходились в 7 200 рублей. А еще необходимо было приобрести пусковое устройство, трубопроводы, мостовой кран, фундаменты для двигателей, смонтировать все это оборудование. В результате расходы на механическую часть должны были составить 65 500 рублей.

Для устройства электрического освещения планировалось использовать три динамо-машины мощностью в 80 киловатт при напряжении 480 вольт для соединения с двигателем на одном валу. Предполагалась установка уравнивательного агрегата из двух моторов и одной динамо-машины на общем валу, батареи аккумуляторов системы Тюдор, состоящей из 272 элементов, распределительной доски, громоотводного устройства. Сюда же включались расходы на освещение станции. На все это планировалось потратить 38 360 рублей.

Создание сети уличного освещения требовало приобретения 120 дуговых ламп, 12 добавочных реостатов, 12 чугунных лебедок для дуговых ламп, стального

каната, гибкого изолированного провода, 800 фарфоровых изоляторов, проволоки и других материалов. Всего на сумму 12 606 рублей. В токопроводной части, обходившейся в 14 190 рублей, самой дорогостоящей была медь. В эту часть сметы было включено создание пяти питательных пунктов, громоотводы на них, фарфоровые изоляторы на крюках и др.

Проводка сетей освещения включала в себя: столбы сосновые длиной в 15 аршин и толщиной не менее 4,5 вершков, рытье ям глубиной до 3 аршин, установку столбов, их окраску и нумерацию, установку крюков для изоляторов, протяжку проводов, устройство предохранителей при пересечении с телефонными и телеграфными проводами. На это предполагалось израсходовать 5 735 рублей. Кроме того, планировались разные расходы (приобретение счетчиков, технический надзор, составление проекта, непредвиденные расходы). Так что для создания электрического освещения городу Александровску необходимо было 172 821 рубль [1, д. 291, л. 190 – 193].

При расчете мощности электростанции учитывались предполагаемые потребности в электроэнергии. Для этого был произведен опрос предпринимателей, руководителей учреждений, частных лиц, который показал, что есть потребность в электрификации 125 объектов. Население высказалось за установление 58 фонарей. Количество лампочек составляло 4 181 штуку. Среди желающих перейти на электроосвещение были государственные учреждения, банки, больницы, учебные заведения, магазины, частные домовладельцы [1, д. 291, л. 119 – 123]. Особое внимание уделялось потребностям в электроэнергии Александровского водопровода.

15 сентября 1909 года Городская Управа подготовила информацию о предполагаемой доходности электростанции в 15 000 рублей в год и обратилась к Губернатору с просьбой разрешить заем. Выяснив, что в большинстве городов система электроосвещения создавалась путем сдачи в концессию или хозяйственным способом, власти Александровска выработали объявление о торгах на сдачу постройки городской электростанции. Но уже 7 сентября 1909 года Городская Дума признала желательным осуществить устройство городского электроосвещения хозяйственным способом, как наиболее отвечающим интересам городской кассы. Тем более что еще 26 октября 1898 года в циркуляре Министра Внутренних Дел указывалось на желательность устройства электроосвещения без концессий за счет города [1, д. 200, л. 15]. Да и, возможно, опыт устройства водопровода чему-то научил власти города. Тогда же было принято решение поручить технический надзор и заведование устройством городского электроосвещения технику С.В. Лызлову с вознаграждением не менее 3,5 – 5 % с общей суммы расходов по сооружению [1, д. 291, л. 220].

14 октября 1909 года было решено осуществлять работы в соответствии с проектом, сметой и чертежами, составленными «Артелью», учитывая изменения, дополнения, сделанные комиссией и принятые Городской Думой на заседании 18 сентября. Расходы по первым работам «отнести впредь до разрешения испрашиваемого городом на городские нужды миллионного займа, на остатки от кредита в 38 тысяч рублей, предоставленного городу к позаимствованию из городского запасного капитала Начальником Главного Управления по делам местного хозяйства, согласно полученному Управой уведомлению Екатеринославского губернатора от 13 сентября 1905 года». 26 октября Губернатор разрешил использование этих денег [1, д. 291, л. 220 – 224].

На заседании 16 октября Городская Дума определила вознаграждение Лызлову в 3,5 % со всей суммы произведенных работ. Гласный Р.М. Острянский предложил, пока не построена городская электростанция, «устроить, с целью выяснения коммерческой стороны предприятия, частного электрического освещения улицы Соборной и постановкой для этого на Пушкинской площади в помещении бывших казачьих конюшен одного агрегата машин». Городская Дума решила приступить к этому сооружению немедленно. Работы поручить С.В. Лызлову [1, д. 291, л. 222]. Но уже на следующий день Лызлов, в обращении к Городскому Голове, высказал свое негативное отношение к этой идее. Он доказывал, что не стоит распылять средства и осуществлять временную установку одного комплекта машин. Лучше сконцентрировать все силы на быстрейшем осуществлении всего проекта полностью. Для этого Сергей Васильевич уже нашел подрядчиков для перевозки песка и камня на фундамент, приступил к изготовлению столбов и устройству водопровода к месту постройки здания центральной электростанции. Гласные Думы, вероятно, имели весьма туманное представление об устройстве электрического освещения. На эту мысль наталкивает то, как легко они меняли свое мнение: сначала соглашались с Острянским, потом с Лызловым, когда ознакомились с его доводами.

Городская Управа командировала Лызлова в Москву с целью покупки машин для электростанции. По приезду он доложил, что готовых машин нет. Их необходимо изготавливать по спецзаказу. В продаже есть машины подходящие по мощности и хорошего качества, но они горизонтальные, тихоходные. Если их приобрести, то надо изменять проект — увеличивать ширину здания. Кроме того, эти машины недостаточно надежны и не могут обеспечить непрерывной работы. Поэтому Городская Дума разрешила в случае необходимости командировать за границу за счет города С.В. Лызлова для закупки необходимых для электростанции машин [1, д. 291, лл. 228 — 228 об.].

До начала января 1910 года активно велись заготовки строительных материалов. Лызлов, по предписанию властей ежемесячно докладывал о проделанной работе. К 23 декабря было заготовлено 54 кубические сажени песка по 3,5 рубля за куб. саж., 51 тысяча штук силикатного кирпича по 14,5 рублей за 1 тысячу с доставкой. Куплен обыкновенный кирпич в количестве 250 тысяч штук по 9 рублей без доставки. Доставка обошлась по 1,5 рубля за тысячу штук. Был куплен и доставлен гранит по 24,5 рубля и по 3 рубля за куб. сажень без укладки, которая производилась по 1 рублю за кубическую сажень. Устроен водопровод с двумя кранами: один для гашения извести, второй в помещении бывшей конюшни, где складировались приобретаемые строительные материалы и оборудование для станции. Сарай этот был ветхим, поэтому его обшили внутри досками, которые потом можно использовать для обрешетки крыши станции. Была приготовлена яма для гашения извести, так как выгоднее было купить для строек города не известь, а известковый камень и самим гасить его. Всем городским стройкам необходимо было 100 000 пудов извести, которые стоили 14 500 рублей. Поэтому самостоятельная ее обработка давала экономию в 2 500 рублей [1, д. 291, лл. 233 — 234, 246]. 7 января 1910 года городской десятник Григорий Новиков и надсмотрщик за постройкой здания городской электростанции Николай Белый докладывали, что для стройки завезли 113 тысяч штук строевого кирпича с завода «Примаков и К» [1, д. 291, л. 235].

Поиски необходимых машин в России не увенчались успехом, поэтому С.В. Лызлова командировали за границу. И уже 10 февраля 1910 года он сообщил Городскому Голове о том, что заказано два газомотора по 60 л. с. (максимально — 72), два газомотора по 125 л. с. завода Дейца с доставкой на ст. Александровск, с полной установкой и оборудовани­ем на месте с аппаратом для пуска в ход и со всеми прочими принадлежностями. Стоимость этих машин — 50 500 рублей. Кроме того — две динамо-машины завода Бергмана в Берлине по 40 киловатт на 5 000 вольт напряжения для непосредственного соединения с моторами и две динамо-машины на 125 вольт напряжения трехпроводной системы с двумя коллекторами каждая, с регулируемыми реостатами, измерительными приборами и прочими принадлежностями для освещения частных домов. Покупка этих агрегатов с упаковкой и сдачей на ст. Берлин обошлась в 17 000 германских марок, т. е. в 7 900 рублей. Оплату пошлин и провоз этих машин, установку их на месте необходимо было осуществить городу. Это обходилось в 7 300 рублей. Еще были заказаны 120 дифференциальных электрических фонарей со всеми принадлежностями и 110 счетчиков на сумму 4 900 рублей. Пошлина и доставка составили еще 2 600 рублей. Стоимость всего заказа 73 200 рублей (по смете предполагалось 95 000 рублей) [1, д. 291, л. 243].

На следующий день на заседании Городской Думы отчет Лызлова был принят к сведению. По предложению Д.Я. Гавришова решили поставить по ул. Соборной металлические столбы. Предварительно подготовить к следующему заседанию точную информацию о стоимости деревянных, железных и бетонных изделий и подготовить их образцы [1, д. 291, л. 244].

К марту подготовительные работы были закончены, но оказалось, что проект до сих пор не утвержден в строительном отделении Екатеринбургского губернского правления. Пришлось С.В. Лызлову и городскому технику Ф. С. Пекутовскому заниматься этим вопросом. И только 6 апреля 1910 года был получен утвержденный проект [1, д. 291, лл. 251, 254, 256].

9 марта начали строительство здания электростанции. 29 апреля 1910 года состоялось заседание городской строительной комиссии в составе В.А. Золотницкого, С.А. Тихомирова, П.Д. Харлова, члена Городской Управы К.М. Дмитренко, инженера Ф.С. Пекутовского и М.Н. Кондратьева, заведующего постройкой электростанции С.В. Лызлова, на котором обсудили результаты наружного осмотра строящегося объекта. Участники совещания отмечали, что при производстве работ были допущены отступления от проекта. Количество окон бокового фасада, выходящих на улицу Филипповскую, и их архитектурная обработка изменены. На лицевом фасаде парапетные трубы сделаны вроде башен по типу левой стороны продольного фасада. Удлинена фасадная часть здания согласно постановлению электрической комиссии. Далее отмечалось, что изменение размеров окон влияет на освещение помещения. В то же время было высказано пожелание, чтобы дальнейшая переработка фасада, выходящего на улицу Филипповскую была бы сделана по предварительно составленному чертежу, который должен быть представлен строительной комиссией для направления в Городскую Управу. Естественно, все высказанные претензии относились к Лызлову. Поэтому он предложил за его счет разобрать возведенную часть здания и сделать вновь по проекту. Но комиссия признала это излишним, «ибо означенные изменения не оказывают влияния на прочность здания» [1, д. 291, л. 267].

На одном из заседаний комиссии рассмотрели предложение о том, чтобы вместо деревянных оконных рам и стропил, предусмотренных проектом, поставить железные. На заводе Мензиса рамы чугунные можно было заказать по 2 рубля за пуд. Так как деревянная рама стоила 34 рубля 95 копеек, а железная весила 17 — 18 пудов, то цена увеличивалась ненамного. А установка чугунных стропил обходилась всего на 156 рублей дороже деревянных. Учитывая экономию при приобретении машин это было вполне приемлемо.

По проекту сооружение фонаря на здании предусматривалось только над машинным отделением. Комиссия признала необходимым установить фонарь еще и над газогенераторной [1, д. 291, л. 274 — 274 об.]. Городская Дума одобрила эти предложения. Было решено металлические оконные рамы установить в машинном отделении, газогенераторной и в мастерской. Деревянные балки и стропила заменить железными. Кроме того увеличить высоту газогенераторной до 7,75 аршин, расширить окна в нижнем этаже до ширины одинаковой с верхним этажом. Двери, ведущие из газогенераторной и конторы в машинное отделение, сделать железными [1, д. 291, л. 275].

Все лето активно велись работы, и 1 сентября 1910 года Лызлов доложил в Городскую Управу о том, что окончены каменные работы по возведению стен станции, установлены железные стропила и здание покрыто железной крышей. В установленные чугунные рамы вставляются стекла. Завершены штукатурные работы на первом этаже, начаты малярные. Устроены фундаменты под моторы и газогенераторы и идет установка этих машин. По улицам вкапываются столбы для проводов [1, д. 291, л. 283].

В это время в Городскую Управу обратился Е.С. Вильнер с заявлением о том, что при установке столбов по улице Филипповской портятся корни деревьев, которым уже десять лет. Он предложил располагать столбы по бульвару. 3 сентября члены комиссии произвели осмотр этого района, признали поданное заявление неосновательным и решили оставить его без последствий [1, д. 291, л. 279 — 279 об., 282].

С.В. Лызлов заключил договор на подвешивание проводов и кабелей с иногородними техниками А. Зерцаловым и Л. Крыловым с партией рабочих. 1 декабря 1910 года они приступили к работам по улицам Екатеринославской и Николаевской и обнаружили ряд проблем. Столбы были неправильно установлены в линию, мелко зарыты — всего на два аршина. Угловые столбы совсем не были укреплены. Ввинченные крючья с изоляторами не соответствовали толщине подвешиваемых кабелей. Из-за этих недочетов могла повалиться вся линия, возникала опасность для жителей города. О своих опасениях техники сообщили Лызлову и его помощнику Карлу Карловичу Майеру. Но получили указание продолжать работу. Когда все было выполнено, то оказалось, что угловые столбы пошли в стороны, крючья на углах согнулись, изоляторы местами поломались, столбы по прямой покосились, провода провисли. Увидев результат С.В. Лызлов предложил бригаде решить возникшие проблемы путем укрепления столбов растяжками и упорами — за отдельную плату: за упор — 75 копеек, за оттяжку — 30 копеек. А когда люди отказались, мотивируя тем, что проблемы возникли не по их вине, им не уплатили и за выполненную работу. Рабочие не имели средств для отъезда домой и для пропитания в Александровске. Зерцалов и Крылов обратились за помощью к Городскому Голове и получили рекомендации подать на Лызлова иск в суд [1, д. 369, л. 25, 33].

О нарушениях при устройстве электроосвещения говорилось и в заметках инженеров Роговского и Шугаевского, опубликованных в газете «Александровский вестник». Поэтому Городская Управа постановлением от 22 декабря 1910 года признала необходимым создать специальную комиссию в составе: инженеров специалистов по электротехнике А.И. Роговского, А.М. Кузнецова, инженера путей сообщения В.А. Зотова, заведующего телефонной сетью Н.Г. Синеокова-Андреевского, членов Городской Управы К.М. Дмитренко и Г.И. Качкова для ознакомления со всеми работами по устройству электросети и оборудованию станции. 23 декабря комиссия приступила к работе [1, д. 369, л. 36]. Тучи над Лызловым сгущались. Он отказался прибыть к месту работы и давать пояснения, мотивируя свое отсутствие болезнью, подтвержденной справками врачей Караманова и Тучи [1, д. 369, лл. 43 – 45]. 31 декабря комиссия завершила свою работу и констатировала, что в устройстве электрического освещения в городе допущено много ошибок. И хотя срок завершения работ был назначен Лызловым на 15 декабря 1910 года, многое еще не завершено.

Поэтому Городская Управа 3 января 1911 года предложила пригласить в город специалиста-электротехника для окончания работ и сложила с себя ответственность «за могущие быть несчастные случаи, потери и убытки для городской казны» [1, д. 369, лл. 68 – 69]. А несчастный случай не заставил себя долго ждать. 6 января на улице Соборной против дома Лещинского, упавший со столба фонарь травмировал мещанина Янкеля Рахлина, повредив ему голову и лицо [1, д. 369, лл. 95, 98].

Городская Управа, учитывая сложившееся положение, приняла решение с 23 января остановить работу электростанции до устранения недостатков. Тут же посыпались жалобы абонентов, которые просили продлить срок действия электроосвещения хотя бы на пять дней, так как они не готовы перейти на другие виды освещения — в домах нет запасов керосина, ламп. К электричеству привыкли быстро [1, д. 369, лл. 104 – 105].

6 января 1911 года в газете «Новое время» было опубликовано объявление об открытии вакансии заведующего городской электростанцией Александровска. Из многих городов откликнулись специалисты, желающие получить это место. Но предпочтение было отдано Петру Петровичу Потворовскому. До 1898 года он работал в Русском обществе для эксплуатации электрической энергии, затем до 1900 года — техником в Бельгийском акционерном обществе «Электрическое освещение Санкт-Петербурга». С 1900 по 1907 годы работал директором электростанции в городе Ковно, и везде проявил себя с лучшей стороны [1, д. 390, л. 15 — 15 об.]. Потворовского назначили на должность заведующего электростанцией города Александровска сроком на два года с окладом в 2 400 рублей в год [1, д. 369, л. 154 об.].

В городе начала работу правительственная комиссия под председательством Екатеринославского губернского архитектора Ф.Ф. Булацеля. После осмотра объекта был составлен акт. В нем отмечалось, что здание построено согласно проекту прочно и правильно, но не вполне закончено. Нет лестницы на второй этаж и на башню, не установлены ограждения маховиков всех четырех машин, нет перил у распределительной доски, не устроено приспособление для загрузки угля. Были выданы рекомендации по совершенствованию оборудования станции: усилить крепления магистралей на траверзах на башне; защитить там провода от промерзания; для безопасности персонала оградить провода, идущие на башню;

устроить громоотводы; снабдить станцию схемой сети проводов и правилами ухода за машинами; вывесить правила внутреннего распорядка и безопасности.

При создании уличной сети тоже были допущены просчеты: расстояния между столбами составляли 28 сажень (при максимально допустимых — 20), основания столбов закапывались недостаточно глубоко, угловые столбы не были укреплены с учетом возможного размыва ливнями, плохо были укреплены предохранительные сетки. Члены комиссии порекомендовали разработать правила присоединения к сети частных абонентов и поставить эту работу под контроль городского техника. Планы присоединения хранить на центральной станции. Тщательно изучив проблему, комиссия сочла возможным возобновить подачу электроэнергии в здания, а уличное освещение включить только после устранения недостатков [1, д. 369, лл. 172, 181].

С.В. Лызлов организовал проведение необходимых работ. 6 марта по его распоряжению включили уличное освещение для проверки линии. Это привело к конфликту с руководством телефонной станции. Лызлова обвинили в создании пожароопасной ситуации. Он выдвинул свою версию происшедшего. По его мнению, 5 — 6 марта из-за снежной бури были оборваны телефонные провода. На улице Николаевской упал телефонный столб, телефонные провода повисли на электрических, которые остались целы. Работники электросети своевременно сбросили телефонные провода, предотвратив аварию [1, д. 369, лл. 208, 268, 275].

16 марта в Александровск вновь поступило требование губернского инженера не включать уличное освещение до полного освидетельствования. Принявший дела электростанции Потворовский, обнаруживал все новые проблемы в оборудовании. Неправильно был сделан водопровод для питания газогенераторов и охлаждения машин. При полной нагрузке воды не хватало. Неправильно было оборудован питательный газо-трубопровод и трубопровод от компрессора до пуска машин. Для консультаций пригласили профессоров К.А. Зворыкина и В.В. Дмитриева [1, д. 369, лл. 208, 268, 275].

Всю весну и начало лета электростанция работала не на полную мощность. Из-за этого сократили штат обслуживающего персонала [1, д. 369, л. 262]. При этом количество желающих стать абонентами электросети не только в вечернее, но и в дневное время постоянно увеличивалось. Проводку в домах устраивали и городские монтеры и частные лица. Этот процесс шел столь интенсивно, что вскоре образовалась очередь на подключение [1, д. 390, лл. 13 — 14]. Присоединение к сети обходилось в значительные по тем временам суммы. 1 апреля 1911 года была составлена смета на присоединение к городской осветительной сети театра А.Н. Голубчика на улице Николаевской. Общая сумма составила 74 рубля 24 копейки. В это время за один гектоватт население платило 3,05 копейки. В месяц частные лица платили за электроэнергию от 4,6 рубля до 10,8 рубля, Земская Управа — 198,7 рубля, Русский банк — 75,63 рубля, Еврейская больница 16,52 рубля, Санкт-Петербургский международный коммерческий банк — 50,26 рубля [1, д. 1823, лл. 1, 12, 14, 25, 46, 177].

С 1 июля 1911 года отпуск электроэнергии уже производился круглые сутки и для освещения и для технических нужд. Чтобы удовлетворить потребности населения в сентябре начали включать две машины, поэтому Потворовский просит увеличить штаты. Этот вопрос Городская Управа решила положительно [1, д. 369, лл. 262, 264, 267, 304]. Машины работали с полной нагрузкой, помещение электростанции наполнялось гарью. Начались сбои в работе машин. Существовала угроза

здоровью и жизни машинистов. Поэтому решили приобрести и установить два вытяжных вентилятора [1, д. 369, л. 307].

К концу 1911 года стало понятно, что имеющиеся мощности электростанции не могут обеспечить потребности города в электроэнергии, и это вызвало интерес у потенциального инвестора. 26 ноября 1911 года городские власти Александровска получили из Москвы от Генерального консула США сообщение следующего содержания: «Американские капиталисты заинтересовались вашим городом. Согласен ли ваш город выдать концессию на проведение электротрамвая, освещения, водопровода и пр.». В ответе говорилось, что водопровод и электроосвещение в городе уже имеются [1, д. 388, лл. 11 – 11об.]. О трамвае уже не вспоминали.

Электрическая станция г. Александровска. Фото 1912 г.

15 марта 1912 года Городская Дума приняла решение о переустройстве и расширении электростанции и сети по проекту профессора электротехнического института В.В. Дмитриева с увеличением мощности станции путем отдачи всех работ с подряда. С.В. Лызлова попросили отчитаться о произведенных работах. Затем его заменили инженером Нейковым, который занял должность заведующего работами по переустройству станции и сети [1, д. 369, лл. 339, 342, 347]. 26 апреля 1912 года Городская Управа постановила: «в целях выигрыша времени по завершению переустройства электроосвещения, приступить к проектируемым Нейковым работам и заготовке материалов хозяйственным способом немедленно за счет подлежащего к исходатайству займа по данному предмету». Нейкову предписывалось в общей смете выделить работы по переустройству и завершению сети в городе, в Шенвизе и специально для электрификации городского водопровода [1, д. 390, л. 18]. Но в октябре 1912 года электроосвещение в Шенвизе еще не существовало, поэтому жители просили внести рассмотрение этого вопроса на заседание Городской Думы. 1 ноября водопроводно-электрическая комиссия постановила приступить немедленно к устройству освещения улиц и присоединению к сети абонентов. Чтобы ускорить процесс, обитателям Шенвизе было предложено через И. Леппа внести в кассу города заимообразно 3 000 рублей, которые будут возвращены в 1913 году без процентов. После поступления этих средств — приступят к работе [1, 390, лл. 36 – 37]. Но еще в декабре 1912 года окра-

ины города освещены не были. 15 декабря по собственному желанию уволился заведующий электростанцией П.П. Потворовский. На эту должность назначили инженера Нейкова. Постановлением Городской Думы ему было назначено ежемесячное жалование в 200 рублей — за заведование электростанцией и 100 рублей — за заведование работами по переустройству электростанции и сети [1, д. 390, л. 55 — 56, 58, 61].

В 1912 году учреждения потребляли такое количество электроэнергии: Городская Управа — 29 281 гектоватт, женская гимназия — 11 716 гектоватт, мужская гимназия — 17 244 гектоватта, коммерческое училище — 20 079 гектоватт. Первым трем электроэнергия отпускалась по цене 3,5 за гектоватт, коммерческому училищу — по 2,2 копейки. В 1913 году планировался чистый доход в 1 742 рубля [1, д. 390, л. 67, 71].

Для ритмичной работы электростанции необходимо было обеспечить полную загрузку механизмов в течение всех суток. Было принято решение сделать значительные скидки при оплате за электроэнергию, потребляемую промышленными предприятиями в дневное время. Расценки были такими: от 1 до 250 киловатт — 15 копеек за киловатт, от 251 до 500 — скидка 5 %, от 501 до 1 000 — 10 %, от 1 001 до 1 500 — 15 %, от 1 501 до 2 000 — 20 %, от 2 001 до 3 000 — 25 %, от 3 001 до 4 000 — 30 %, от 4 001 до 5 000 — 35 %, свыше 5 000 — 40 % [1, д. 390, л. 72, 76, 79]. Официально работы по устройству сети электрического освещения были завершены в марте 1913 года. Подрядчик работ Еремей Гелемеев давал гарантию на год [1, д. 390, л. 184]. Но расширение сети продолжалось и в последующие годы. В 1913 году до 24 часов горели все уличные фонари, до рассвета — через один. Велась работа по электрификации домов жителей Шенвизе. В июне было сделано дорогостоящее приобретение. На заводе Рижского чугунолитейного и машиностроительного завода братьев Фельзер и К для электростанции был куплен тепловой двигатель Дизеля за 3 400 рублей. Для его приемки пригласили уже известного профессора В.В. Дмитриева [1, д. 390, л. 93, 122 — 123, 128]. Во дворе электростанции строили сарай для угля. Но работы вели очень медленно, не хватало то каменщиков, то материалов. И уголь снова выгружали во дворе [1, д. 390, л. 86, 94]. Подошло время окраски металлических столбов на Соборной улице. Нейков осмотрел их и потребовал назначить комиссию. Как и при постройке водопровода, Лызлов сэкономил: столбы проржавели, местами до полного разрушения. Вероятно, они были изготовлены из тонкотелых труб, бывших в употреблении и своевременно не окрашены. Встал вопрос о замене этих столбов [1, д. 390, л. 95].

Несмотря на предложенные скидки на электроэнергию предприниматели не спешили прибегнуть к услугам городской электростанции. 8 декабря 1913 года заведующий городской электростанцией Нейков констатировал, что основную дневную энергию забирал водопровод. При полной нагрузке машин только в ночное время себестоимость 1 киловатта составляла 7 копеек. Если нагрузка была равномерной в течение суток — 3 копейки.

Не все жители города имели средства на проведение электропроводки в дом. Поэтому Нейков предложил производить эти работы в рассрочку до одного года. На это ассигновывалось 600 рублей из оборотных средств станции. Электрические лампочки в магазинах Александровска стоили от 1,1 рубля до 1,2 рубля при оптовой цене от 75. Поэтому гласный Городской Думы П.С. Костенецкий предложил открыть при электростанции склад для продажи лампочек по цене от 75 до 85 копеек.

При устройстве освещения в домах часто работы выполняли не специалисты. Это приводило к тому, что при подключении обнаруживались проблемы и требовались переделки. Поэтому было принято решение о том, что лица, которые хотят заниматься выполнением этих работ, должны получать удостоверения в Городской Управе и вносить не менее 50 рублей залог. Эти деньги будут использованы в случае некачественного выполнения работ [1, д. 390, лл. 158, 174 — 174 об.].

К концу 1913 года были установлены такие тарифы для промышленных целей с 18 до 21 часа с 15 февраля по 30 сентября и с 17 до 21 часа с 1 октября до 15 февраля по 27 копеек за киловатт. Все остальное время года и суток по 9 копеек за 1 000 киловатт. При большем потреблении устанавливались скидки от 5 до 25 % [1, д. 390, лл. 174 — 174 об.]. В 1914 году для нужд казенных высших начальных городских училищ электроэнергию отпускали по льготному тарифу — по 2,2 копейки за гектоватт [1, д. 390, лл. 178 — 180]. В каждом конкретном случае вопрос о скидках рассматривался заведующим электростанцией, Городской Управой и Городской Думой. Летом 1914 года снизили плату с 22 до 18 копеек за киловатт театру «Модерн», городскому саду, Народному дому. Почтово-телеграфной конторе в скидках отказали. Тариф для этого учреждения установили в 35 копеек за киловатт [1, д. 391, лл. 5 — 6, 19 об., 23 — 24]. В то же время в некоторых случаях городские власти шли даже на бесплатный отпуск электроэнергии. Такая льгота была предоставлена лазарету, развернутому в 1914 году в доме Бадовского по Вокзальной улице, Покровскому собору, Филипповской церкви, тюремной церкви [1, д. 391, лл. 31, 68 — 69]. И это происходило во время войны, когда не хватало топлива, значительно увеличивалась численность населения за счет притока беженцев. В марте 1915 года абонентов электросети было уже 660 [1, д. 391, л. 76]. Получавшие военные заказы владельцы промышленных предприятий тоже стремились получить доступ к городской электросети [1, д. 391, лл. 135 — 136 об.]. При этом власти старались использовать их средства для прокладки новых линий.

23 ноября 1915 года заведующий электростанцией Нейков предложил: освещать улицы Соборную и Вокзальную с сумерек до рассвета, а остальные улицы только до 24 часов; прекращать торговлю на час раньше, т. е. в 19 часов; просить руководителей учреждений экономно расходовать электроэнергию. Эти ограничения приходилось вводить из-за сложностей с закупкой нефти, необходимой для обеспечения бесперебойной работы дизель-мотора. Предложение было поддержано, и уже в декабре 1915 года уличное освещение осуществлялось в половинном объеме [1, д. 391, лл. 151, 157].

17 июня 1915 года во дворе электростанции сгорел сарай, который находился в пяти саженях от нефтяных резервуаров. Существовала реальная угроза потери запасов. Это стало сигналом для того, чтобы озаботиться проблемами пожарной безопасности. 22 июня Городская Управа выдала распоряжение вкопать в землю нефтяные резервуары, предварительно осмолив их. Склад дров удалить со двора. Устроить четыре пожарных крана — на углу Екатерининской и Филипповской улиц, во дворе станции, на магистрали между Народным домом и электростанцией, в самом здании станции. Приобрести пять ручных огнетушителей. Присоединить ко двору электростанции свободные участки городской земли со стороны Народного дома. Двор оградить забором [1, д. 391, л. 171].

Несмотря на все трудности, городские власти делали все, чтобы поддерживать в рабочем состоянии систему электрического освещения в городе, а когда в этом возникала необходимость, даже расширять ее. В декабре 1915 года из-за притока беженцев

в школах увеличилось количество учащихся и пришлось организовывать вечерние смены. Инспектор народных училищ просил обеспечить школы керосиновым освещением. Власти же решили провести электрическое [1, д. 391, л. 155 – 155 об.].

А вот жители города, к сожалению, не всегда адекватно оценивали блага цивилизации. Особенно подростки. По ночам на улицах часто умышленно повреждали фонари и лампочки накаливания. Подобные случаи регулярно повторялись на улице Жуковской. Городская Управа поручила Александровскому уездному исправнику усилить надзор, обнаружить виновных и привлечь их к строжайшей ответственности. Принятые меры принесли свои плоды. 12 июня 1914 года полицейский надзиратель Сувинский и городской во время ночного обхода в 1 час обнаружили, что на улице Гоголевской около женской гимназии два человека бросают камни в фонари. В результате погони был задержан 15 летний учащийся шестого класса мужской гимназии С.П. Тарасенко, проживавший на улице Гоголевской в доме Лещинского в квартире инспектора народных училищ Лозановского. Задержанный отказался назвать соучастника. Несмотря на то, что в руках у него была лампочка, которую он выбросил, убегая, гимназист утверждал, что камни бросал в летучую мышь, сидевшую на столбе. Сторож городской площадки для детских игр Федор Иванов сообщил, что ночью ученики в форме то ли гимназии, то ли коммерческого училища бросали камни в фонари на улице Жуковской и некоторые из них разбились. Поэтому руководителям всех учебных заведений были направлены письма с изложением этих фактов и требованием – провести разъяснительную работу среди учащихся [1, д. 391, л. 1, 2, 4, 9, 10].

Частыми были случаи порчи арматуры. Только за одну неделю мая были приведены в полную негодность 18 единиц по улицам Николаевской, Екатеринославской, Литейной, а по Жуковской – на отрезке от Слободской до Днепровской – уничтожены все. В качестве орудий хулиганы использовали камни, огнестрельное оружие. В ночь с 21 на 22 мая было совершено нападение на фонарщика на углу улиц Жуковской и Слободской. Так как запас арматуры был исчерпан, улица Жуковская осталась без освещения [1, д. 391, л. 8].

Осенью 1915 года начались новые атаки на городскую электрическую сеть. Злоумышленники приспособились прямо под напряжением срезать провода. В сентябре такие случаи были зафиксированы на площади Шевченко, дважды – на участке от улицы Долоцкого к острозаразному бараку, между улицами Некрасовской и Мовчановской. Не смущало вредителей даже то, что электричества была лишена больница, а 15 октября и Днепровская водокачка, когда ночью были обрезаны и украдены провода весом 1 пуд 20 фунтов [1, д. 391, л. 157].

Естественно, все эти события не способствовали развитию электросети города. В декабре 1915 года уличное освещение осуществлялось в половинном размере и многое из того, что планировалось, откладывалось на послевоенное время. Но, несмотря на все недочеты и ошибки при строительстве городской электростанции, в начале XX века она сыграла большую роль в развитии городского хозяйства и промышленности, приблизила уездный город к цивилизации.

Литература и источники

1. ГАЗО, ф. 24, оп.1.
2. Чайка О.В. Водоснабжение города Александровска в XVIII – начале XX века // Музейний вісник. – Запříжжя, 2006. – № 6. – С. 84 – 98.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧИЛИЩА – ХУТОРА ГЛУХОНЕМЫХ В ГОРОДЕ АЛЕКСАНДРОВСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В конце XIX века в правящих кругах Российской империи возникают идеи по поводу создания Попечительства о глухонемых. Причиной для этого послужили статистические данные по количеству глухонемых и лиц с другими физическими недостатками на территории России. В конце XIX – начале XX вв. таковых граждан насчитывалось свыше 200 000 обоюбого пола, из которых школьного возраста – 50 000 человек. На все это количество людей до 1900 года в государстве насчитывалось только 18 школ: для русских – 7, остальные для иностранцев [1, д. 118, л. 2]. По другим данным, в 90-х гг. XIX века школа для глухонемых в России было 11, в то время как в Германии – 96, в США – 73, во Франции – 70, Англии – 49 [2, с. 908].

3 мая 1898 года в Петербурге возникло Попечительство государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. Председателем совета Попечительства стал Иван Карлович Мердер. После этого события начинают открываться отделения в разных городах государства. В результате чего появляются школы-хутора для глухонемых, в которых дети с физическими недостатками воспитывались, обучались грамоте и получали профессиональную подготовку. Одно из самых первых подобных заведений было построено в окрестностях уездного города Александровска Екатеринославской губернии в 1903 году. Но этому предшествовала своя история.

Вопрос о постройке школы встал еще в 1899 году, когда 4 мая из Петербурга от «Совета состоящего под Августейшим покровительством их императорских величеств попечительства государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых» Александровскому городскому голове было доставлено письмо. В нем совет: «...озабочиваясь устройством, по-возможности, в каждой губернии специальных заведений для обучения и призрения глухонемых, число которых в Империи достигает 200 000 человек, но, не имея возможности без посредства денежных субсидий со стороны крупных центров осуществить свою цель, имеет честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не отказать взять на себя труд исходатайствования в ближайшем заседании Городской Думы, денежной субсидии по Вашему усмотрению, конечно с тем, чтобы глухонемые питомцы города были обучаемы и призреваемы бесплатно» [1, д. 118, л. 1]. Вследствие этого письма, городским головой Захарием Михайловичем Махно вопрос был вынесен на рассмотрение Городской Думы 10 мая того же года. Долгое время вопрос об открытии школы-хутора на территории нашего края оставался открытым, хотя вокруг него не прекращалось обсуждение. В постоянной переписке с городскими властями состоял директор народных училищ Екатеринославской губернии, который был также весьма заинтересован в скорейшем решении вопроса. В сентябре 1899 года Александровскому городскому исправнику, Управой было вменено к 1 ноября сего года собрать сведения о численности глухонемых, слепых и слабоумных детей, как в городе, так и в уезде. Из собранных материалов вытекало, что на обозначенной территории на ноябрь текущего года проживало глухонемых – 126, слабоумных – 44 и слепых – 45 душ детей обоюбого пола [1, д. 118, л. 7]. В Уездной Земской Управе, куда Думой был направлен на рассмотрение вопрос об открытии

школы, на собрании 1 октября 1900 года единогласно было постановлено: в пользу будущего учебного заведения ежегодно отчислять по 1 000 рублей, при условии бесплатного обучения детей [1, д. 118, л. 20].

В июле 1901 года из Санкт-Петербурга в Александровск прибыл член Совета Попечительства Н.М. Лаговский, который совместно с представителем местной Городской Управы С.Ф. Леженко осмотрел свободные городские земли и остановил выбор на участке в полутора верстах от города вправо от Екатерининской железной дороги. Площадь этого участка составляла 10 — 12 десятин, находился он в двух верстах от города. Еще некоторое время, до выяснения вопроса о строительстве на прилегающей территории железнодорожной ветви, участок не был выделен. Однако, весной 1902 года на очередном своем заседании Александровская Городская Дума приняла постановление: «...отвести бесплатно потребный участок городской земли и выдавать ежегодно, внося в смету обязательных расходов по 500 рублей в пособие казне, но с тем, чтобы все дети бедных жителей воспитывались совершенно бесплатно» [1, д. 118, л. 30]. Городской техник и архитектор Ф.С. Пекутовский 7 мая 1902 года представил в Городскую Управу два плана: первый — специальный, план участка в 10 десятин, предоставленный для постройки школы-хутора глухонемых, второй — «Общий генеральный план города Александровска с показанием на нем на балке Сухой Московке этого же участка для постройки хутора».

Вскоре перед центральным Советом Попечительства встал вопрос о создании отделов на местах. Екатеринославским губернатором в октябре 1902 года на должность уполномоченного комитета Попечительства был приглашен городской голова Александровска Феликс Францевич Мовчановский. Последний выразил согласие возглавить губернский комитет, и в ноябре того же года был уведомлен о своем назначении уполномоченным представителем Попечительства по Екатеринославской губернии. Первостепенной задачей в деятельности уполномоченного было решение вопроса о создании отдела Попечительства и притоке средств для строительства и развития школы-хутора глухонемых. Еще одной важной задачей в деятельности отдела Попечительства было получение правильных сведений о глухонемых, их числе, возрасте, вероисповедании, местожительстве и имущественном положении. Эти данные были необходимы, прежде всего, при отборе детей, которые могли бы быть приняты в школу. Сведения о глухонемом населении губернии собирались посредством полицейских управлений и волостных правлений, но зачастую они отличались большой неточностью.

Почетным членом Попечительства был Екатеринославский губернатор. 5 марта 1903 года председателем Александровского отдела был назначен уездный предводитель дворянства граф Иван Викторович Канкрин, товарищем председателя и попечителем школы — Феликс Францевич Мовчановский. А 29 мая того же года были утверждены в должностях помощника попечителя школы — коллежский ассессор Александр Львович Майдачевский, казначея — управляющий Александровским отделением Азово-Донского коммерческого банка Захарий Яковлевич Лева, секретаря — губернский секретарь Андрей Павлович Рудановский.

Все текущие вопросы по строительству и деятельности школы глухонемых решались на заседаниях местного отдела Попечительства о глухонемых. В 1903 году на нескольких таких заседаниях была избрана особая строительная комиссия по постройке школьных зданий. В состав этой комиссии вошли члены совета В.А. Долоцкий, И.И. Бучинский, И.И. Папчинский, Ф.С. Пекутовский и В.Н. Ку-

бышкин. На следующем заседании был определен состав ревизионной комиссии: И.И. Папчинский, А.Л. Гартман и П.М. Козловский. А также две подготовительные комиссии для рассмотрения выработанной отделом программы занятий в школе и обсуждения предложений члена совета, профессора Н.А. Карышева об изменениях в этой программе, которые, по его мнению, должны ее усовершенствовать. Изменения касались сокращения продолжительности урока и изменения времени утренних прогулок детей. Решать эти вопросы были уполномочены заведующая женской гимназией З.С. Яновская, инспектор народных училищ М.А. Коптилов, инспектор торговой школы Г.И. Петровский, бывший народный учитель Е.Г. Бухарин, школьный врач С.А. Тулуб и уездный врач В.В. Туча.

Ф.Ф. Мовчановский

Ежемесячно в городе проходили заседания Александровского отдела Попечительства, на которых решались вопросы, касающиеся обустройства и работы школы-хутора, вопросов обучения учащихся и их успеваемости. На таких заседаниях в 1903 году были решены ключевые административные вопросы, касающиеся открытия отделов Попечительства; размещения зданий; сроков проведения занятий; формирования штата служащих и определения размера содержания; приобретения больничного оборудования и медикаментов; хозяйственных дел — приобретение белья, обуви, продуктов питания; а также относительно покупки инвентаря, учебных пособий, организации библиотеки и прочее. Контора отдела была расположена по улице Крестовой, 31 (сегодня это ул. Копенкина).

Для осуществления задуманного проекта нужны были немалые средства. Из казны пособия не выделялись. Поступали они только из единовременных и ежегодных пособий общественных учреждений и от населения обслуживаемого школой района. Еще в 1903 году, Попечительство выступило с ходатайством перед волостными правлениями о назначении школе глухонемых пособий. На 1904 год хутору было обещано пособий: 16-ю обществами — ежегодные, одним — в течение 10 лет, 5-ю — до окончания постройки школы, 38 — согласились выдать единовременные. Многие сельские общества отказались от выдачи средств на развитие хутора, из-за недостатка последних. Еще одной статьей дохода для постройки и содержания училища-хутора глухонемых был, так называемый, кружечный сбор. Кружки отдела Попечительства помещены были в Городской Управе, в уездном казначействе, в городских банках и обществе взаимного кредита, нотариальных конторах, в конторах заводов и паровых мельниц, в конторе начальника станции Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги, в редакциях некоторых газет и магазинах. Кроме того, кружки находились в Александровской уездной земской Управе и были разосланы почти во все волостные правления Александровского уезда. Однако, несмотря на такой, казалось бы, большой размах данного предприятия, доходы от него были весьма незначительными [3, с. 36]. Средства поступали и от лотереи-аллегри. В 1905 году доход от продаж составил 7,5 тысяч рублей, в 1907 г. — 60 тысяч, в 1908 г. — 469 903 рублей, в 1910 г. — 922 122 рублей 15 копеек [1, д. 322, л. 54 об.]. Грамотно поставленная работа по сбору средств для

строительства и дальнейшего развития Мариинского училища-хутора глухонемых явилась основным залогом успеха. Деньги, находящиеся в распоряжении отдела, хранились на условном счете в местном отделении Азово-Донского коммерческого банка.

11 мая 1903 года была начата постройка школы на 120 человек. Первый этап работ был закончен 11 августа, а 15 — уже были приняты первые ученики в количестве 30 человек. 25 сентября 1903 года состоялось освящение зданий школы. В следующем году было завершено строительство общежития, церкви, паровой бани и прачечной.

После того, как были выстроены основные здания на территории училища-хутора, стало понятно, что учебное заведение, вместо планируемого приема детей в количестве 120 человек, вполне имеет возможность принять 350 человек.

В Таврической губернии по ряду причин было весьма затруднительно организовать самостоятельно действующий отдел Попечительства, поэтому ее территорию подчинили Александровскому. Решение этого вопроса значительно облегчило задачи деятелей Совета Попечительства, расширяя доступ в школу гораздо большему количеству детей и увеличивая средства организации. Дети из обеих губерний принимались в училище на одинаковых условиях. Уполномоченным представителем по Таврической губернии в Александровском Отделе был назначен Феликс Францевич Мовчановский.

Евпаторийским городским управлением, по прошению Попечительства, был выделен земельный участок размером 4 десятины на берегу моря, где Александровским отделом было построено здание дворцового типа для школы-санатория, рассчитанное на 50 человек глухонемых. Здесь дети одновременно проходили курс обучения и могли укрепить свое здоровье, благодаря прогулкам на свежем воздухе и морским купаниям.

С самого начала существования училища-хутора глухонемых его учениками велась активная деятельность в области огородничества и садоводства, велось строительство мастерских, и расширялись школьные постройки. По лицевому фасаду усадьбы расположились 4 больших здания: больница, школа, женское общежитие с церковью посередине и мужское общежитие. Школьное здание представляло собой просторное светлое сооружение длиной 32 сажени, 14 комнат в котором были расположены по коридорной системе. В каждом классе было хорошее освещение и обучалось не более 10 воспитанников. В школе был устроен большой и светлый рекреационный зал, в котором ученики проводили внеурочное время и занимались гимнастикой. Под этим залом в полуподвальном помещении располагался класс ручного труда, который имел два входа — один из зала, другой со двора.

Общежитие для девочек и учительниц представляло собой большое полутораэтажное здание 40 сажень в длину, построенное, как и школа, по коридорной системе. Разделялось оно церковью на две равных половины. В одной были устроены комнаты учительниц, а в другой дортуары двух видов для девочек: на 5 и 10 учениц. В этом же общежитии располагались кухня и столовая. В кухне для варки пищи использовали паровые котлы, из двух разных кранов кипятильника системы «Борю» можно было брать горячую и холодную кипяченую воду, что предотвращало желудочные заболевания. Рядом с кухней была оборудована кладовая для пищевых и молочных продуктов, а также квартиры для низших служащих [4, с. 10].

Мужское общежитие представляло собой здание в два с половиной этажа, длиной 18 сажень. В верхнем этаже были устроены два огромных дортуара на 70 человек каждый. Но так как количество учеников мужского пола в период с 1903 до 1910 года не превышало 86 человек, половина одной комнаты была оборудована как рекреационный зал для мальчиков. Этажом ниже, по обеим сторонам коридора, были расположены комнаты для учителей, библиотека и класс рукоделия для девочек. А в нижнем цокольном помещении были обустроены квартиры для служащих и вещевой склад.

Вдали от других зданий было выстроено больничное, с оборудованными мужской и женской палатами на 12 коек. В помещении больницы имелись: аптека, ванная, клозет, кухни и отделение на 4 кровати для заразных больных с изолированным входом.

Евпаторийская школа-санаторий. Дортуар для девочек. Фонды ЗКМ

Кроме того, на территории хутора были построены отдельные: трехэтажное здание для администрации, паровая прачечная, баня, пекарня, сараи для лошадей, коров и свиней, птичник и теплица. На северо-восток от главных корпусов размещался детский сад на 30 детей и железобетонное здание в два с половиной этажа — школа для отстающих учеников, также на 30 человек.

На северо-западном участке училища-хутора располагался Мариинский машиностроительный завод. Главный корпус предприятия занимал огромную площадь — 920 квадратных сажень. Две трети здания завода были в два этажа. При машиностроительном заводе были выстроены сараи для сушки леса и склад для готовых машин, производящихся на предприятии.

Почти все жилые помещения на хуторе были оборудованы системой водяного отопления. Во всех зданиях, кроме детского сада и школы для неуспевающих, было проведено электрическое освещение. Во всех постройках имелась водопроводная система, ватерклозеты и умывальные комнаты. По всей округности

Библиотека. Фонды ЗКМ

усадыбы, через каждые 50 метров были обустроены противопожарные краны, служившие одновременно и для поливки. Наличие в балке родника позволило устроить на территории хутора пруд глубиной 6 аршин, вмещающий в себя 2,5 млн. ведер воды, которая использовалась для питания парового котла на заводе, а также для различных хозяйственных нужд. Грязная вода и нечистоты по канализационной системе отводились в специальное сооружение — биологическую станцию. Очищенная вода из станции использовалась для поливки огорода. Вся территория хутора была обнесена железобетонным забором. Рядом с ним была обустроена цементированная канава для задержки воды, которая не позволяла во время обильных дождей размывать двор. И, кроме того, в ней накапливалась вода, используемая потом для поливки сада и огорода. Благодаря такому рациональному ведению хозяйства, хутор глухонемых очень скоро превратился в цветущий оазис, утопающий в зелени уголок среди степи.

На 1 января 1910 года в училище Александровского отдела обучались 195 детей, из них 125 мальчиков и 70 девочек. Учеников крестьянского сословия насчитывалось 149 человек, что составляло 76,5 % от их общего количества, мещан — 24 человека (12,4 %), детей духовенства — 7 (3,6 %), детей работников хутора — 5 (2,5 %), дворян и купцов — по 3 ученика (1,5 %), почетных граждан — 1 (0,5 %), и о 3-х учащихся отсутствовали сведения об их сословном происхождении [4, с. 13]. Из всего этого количества, 50 воспитанников находились в Евпаторийской школе-санатории, а 10 (5 — 6-летних глухонемых) — получали дошкольную подготовку в детском саду при хуторе.

Как основной метод обучения, в Мариинской школе для глухонемых был принят звуковой, признанный большинством педагогов того времени наиболее совершенным. Главной задачей при обучении глухонемых детей было, чтобы при выходе из училища, выпускники могли не только читать, писать и говорить, но и понимать речь собеседника, читая по губам. В число первоначальных занятий с

Училище глухонемых. Урок постановки звуков. Фонды ЗКМ

глухонемыми детьми входили упражнения, развивающие органы речи, зрения, осязания, дыхания. А также развитие умений подражать движениям учителя, выражению его лица, положению органов речи: губ, языка, неба, гортани при произношении различных звуков. Выполнялись эти упражнения при помощи органов зрения и дыхания перед зеркалом. Затем учитель приступал к постановке голоса у учеников, позже начинали проводить письменные занятия. Программа

Училище глухонемых. Урок наглядного обучения. Фонды ЗКМ

обучения усложнялась с каждым годом. Полный курс продолжался девять лет. Огромное значение в обучении глухонемых детей имели наглядные пособия. Александровский отдел был хорошо снабжен таковыми: картинами, художественными альбомами, таблицами, специальными букварями Рау, кубиками, игрушками для развития органов дыхания, имелась также и замечательная коллекция чучел птиц местных пород.

Евпаторийская школа-санаторий. Урок наглядного обучения. Фонды ЗКМ

Учителям, работающим с глухонемыми детьми, требовались специальные знания и навыки. Поэтому, просто педагогического образования им было недостаточно, что и было учтено Попечительством о глухонемых в Санкт-Петербурге. В столице были организованы курсы теоретической и практической подготовки для учителей и учительниц глухонемых детей. В архиве ЗКМ хранится комплекс документов учительницы Александровской школы-хутора глухонемых Агафьи Наумовны Жидко (Зиненко), которая преподавала в этом учебном заведении с 22 сентября 1914 года до 1956 год, будучи уже на пенсии. Среди этих документов есть и свидетельство об окончании таких педагогических курсов. Специальное обучение учителей продолжалось 1 год и 8 месяцев по следующим предметам: методика обучения глухонемых устной речи; анатомия, физиология, патология и гигиена органов слуха и речи; анатомия центральной нервной системы; фонетика; мимика; общая анатомия; гигиена; методика арифметики; методика географии; методика естествознания; методика рисования; педагогическая психология; проведение пробных уроков [5]. Пройдя полный курс такой подготовки, преподаватель имел право практиковать в специальных учебных заведениях.

По праздничным и воскресным дням в училищной церкви совершались богослужения школьным законоучителем, что удовлетворяло религиозную потребность воспитывающихся и проживающих на хуторе лиц.

Еще одной важной задачей в программе отдела Попечительства было обучение воспитанников какой-либо профессии, чтобы обеспечить им достойную жизнь после выпуска из училища. Для мальчиков при училище имелся хорошо оборудованный класс ручного труда, в котором они под руководством учителей получали навыки по работе с инструментами, знакомились с приемами выполнения тех или иных видов работ по дереву и металлу. В училище функционировали столярная, переплетная и сапожная мастерские. В классах рукоделия девочки всех возрастов обучались кройке, шитью, починке одежды, вязанию на спицах и крючком, начиная с самых простых видов работ.

Строительство машиностроительного производства на территории хутора обеспечивало многим выпускникам всех существующих в России школ для глухонемых рабочие места. С той же целью была открыта и типография. Она была оборудована 5-ю типографскими машинами с самыми разнообразными вариантами шрифтов. В училищной типографии производились работы для государственных, общественных и коммерческих организаций. Эти два предприятия — завод и типография, были оборудованы новейшими станками и оборудованием, работающими от электрической энергии. Они приносили немалую прибыль, чем вносили огромный вклад в развитие Мариинского училища-хутора.

Вид на хутор со стороны завода. 1903 г. Фонды ЗКМ

В школе глухонемых велись и сельскохозяйственные работы, что способствовало формированию у учеников умений проводить таковые, обеспечивало хутор провизией, а также приносило немалую прибыль от продаж. При училище имелись: пахотное поле, огород, фруктовый и ягодный сады, парники, теплица, молочная ферма, пасека. Занимались разведением лошадей, свиней и птицы. Всеми хозяйственными отраслями хутора ведало Харьковское агрономическое бюро А.Н. Агафоненко, взявшего на себя обязательство организовать все эти сферы деятельности. Сельскохозяйственные работы проводились на 70 десятинах

земли, 40 из которых арендовались у города. Земля хорошо удобрялась, после чего высевались кукуруза, озимая пшеница, тыква, арбузы, дыни, картофель, горчица, бобовые и прочие культуры. Для прокорма скота выращивалась люцерна. За семена, собранные из собственных урожаев, хозяйственники хутора глухонемых были награждены серебряной медалью Главного управления земледелия и землеустройства на 3-й семенной выставке Харьковского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, которая проводилась 24 — 27 февраля 1909 года. Большинство коров, содержащихся в хуторе, были местной немецкой породы, но в Орловской губернии у премированного хозяйства Г. Офросимова были приобретены и несколько голов шведской породы. Вполне благоприятными оказались условия для разведения роз в целях производства розового масла. В саду, среди деревьев, которых на хуторе насчитывалось около 2 000, высаживали клубнику. Ученики, после трех лет пребывания в училище, активно привлекались к сельскохозяйственному труду.

Ученики за работой в поле. Фонды ЗКМ

Главным управлением земледелия и государственных имуществ в разных регионах Российской империи устанавливались метеорологические станции, которые призваны были проводить наблюдения за погодными факторами, способствующими произрастанию в данной местности тех или иных культур. Одна такая станция была установлена на территории Александровского училища-хутора глухонемых. Она была снабжена всеми необходимыми инструментами и приборами. Отчеты о наблюдениях ежемесячно отправлялись в Николаевскую физическую обсерваторию и печатались в годовых отчетах Александровского отдела Попечительства о глухонемых. Заведующему метеорологической станцией помогали ученики старших классов.

Таким образом, Марииненский хутор глухонемых только за первые 6 — 7 лет своего существования насчитывал до 200 воспитанников и его имущество оце-

нивалось в 1 500 000 рублей. Для учреждения подобного типа это был невиданный успех, который был достигнут и благодаря работе членов местного отдела Попечительства.

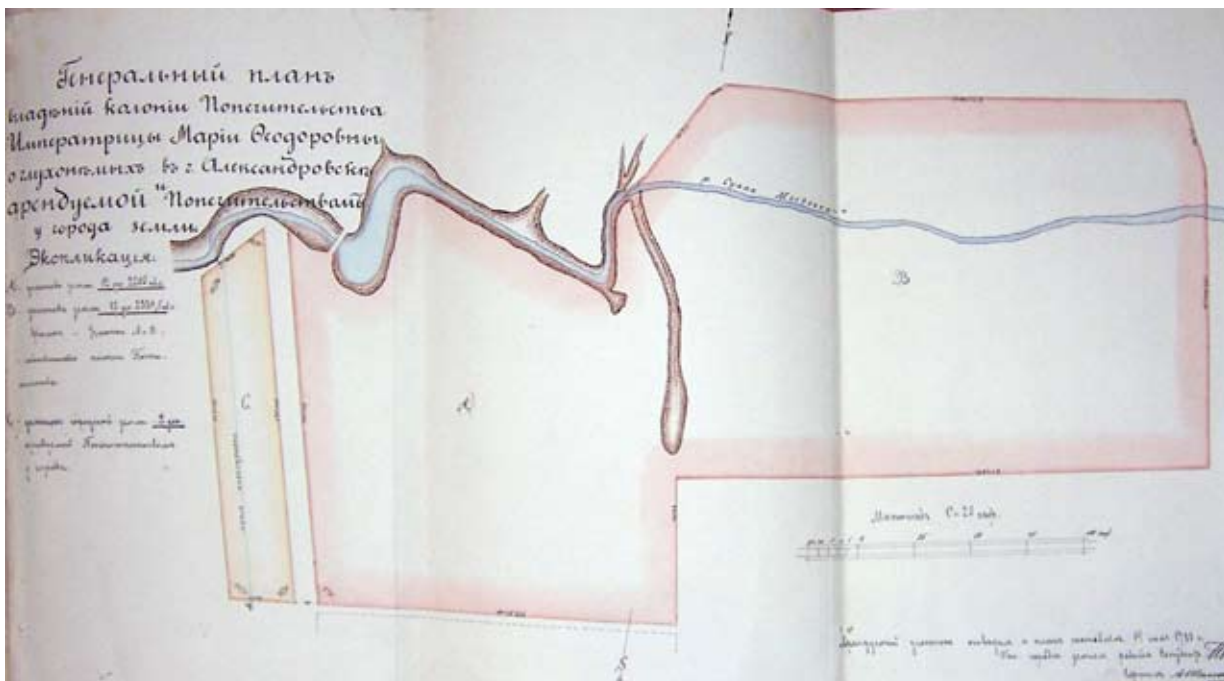
Со временем, отведенного городом участка в размере 10 десятин стало явно не хватать. Поэтому в 1908 – 1909 годах хутор самовольно занял полосу земли на склоне балки Сухая Московка. Представители школы обратились к городским властям с прошением о продаже этого участка по невысокой цене, так как для Александровска эта земля не является особенно существенной. К тому же, в 1909 году в Городскую Управу поступают жалобы на незаконный захват хутором городской земли. В земельную комиссию для проверки было направлено заявление мещанина А.И. Баранника, который арендовал участок земли около хутора глухонемых. Земельная комиссия в составе: председателя Г.И. Качкова и членов М.А. Рубцова, Д.А. Минаева, П.Ф. Майоренко, И.Я. Кривошея, И.Н. Бабича и О.С. Пекутовского после проверки земель, занимаемых учебным заведением, предоставила в Городскую Думу заключение. Представим выдержки из этого документа: «... при хуторе земли 13 десятин 1813 сажень (более против отчуждения на 3 десятины 1813 сажень). В лишнее вошли часть заводских построек, пруд. Земли на крутом скате балки, поэтому для города не представляют особого интереса» [1, д. 334, л. 5]. Далее, в этом же документе, комиссия рекомендует Думе продать хутору землю по цене 3 000 рублей (по 35 копеек за квадратную сажень), что позволит последнему развить заводское производство. С подобной просьбой в Горуправу обращается и Попечительство о глухонемых, планируя эту землю под постройку казармы для рабочих и служащих завода. И, приняв во внимание благотворительные цели предприятия, Городская Дума на очередном заседании в феврале 1910 года рассматривает вопрос о сдаче хутору в аренду земли на оговоренных условиях, главным из которых было обязательство чистить пруд биологическим способом, чтобы избежать загрязнения пруда нечистотами из колонии. Но для окончательного прояснения ситуации, так как училище-хутор на самом деле занимало больший участок земли, чем было указано в купчих документах, технику Ставинскому было поручено произвести обмеры хуторской земли. По результатам этой работы им был составлен отчет. Усадьба хутора – 12 десятин 2 205,60 квадратных сажень, из которых: неудобной земли под обрывами, оврагами и водой – 2 074,50 кв. саж.; заливной низменной по берегу Сухой Московки – 1 десятина 1 192 кв. саж.; удобной – 10 десятин 1 339 кв. саж. Бывший сад Гавришева – 17 десятин 2 334,6 кв. саж. и смежный участок городской земли – 5 десятин 1 620,60 кв. саж., в том числе: под оврагами – 804 кв. саж. и заливной низменной по берегу Сухой Московки – 70 200 кв. саж. Таким образом, удобной земли остается только 5 десятин 144,60 кв. саж. Разница между формально находящимся во владении хутора и фактически им занимаемым участком составила 10 508,10 квадратных сажень земли. Городскими властями было принято решение продать этот участок Попечительству по 15 копеек за сажень. Так территория хутора разрасталась. Не прошло и месяца как в Александровскую Городскую Управу было подано очередное прошение отдела Попечительства продать прилегающий к училищной усадьбе землю площадью 12 057 кв. саж. от переднего фасада хутора до середины балки Московки. Участок предполагалось разбить на 4 квартала 57 x 25 сажень с поперечными улицами длиной по 5 сажень и 1 продольной – 12 сажень. Первый квартал предполагалось застроить домами и служебными помещениями для директора завода и инженера, для амбулатории и больницы на 10 коек. Второй и третий – для управляющего типографией, электротехника, мастеров и служащих

конторы. Четвертый – для двухэтажной столовой, рассчитанной на 300 человек, общежития на 120 глухонемых мастеровых, для домов наборщиков типографии и кучеров, а также для конюшни.

12 августа 1910 года между Городской Управой и городским отделом Попечительства был заключен договор, по которому:

- Попечительству на 12 лет в аренду был отдан участок земли размером 2 десятины рядом с Мариинским машиностроительным заводом со стороны села Вознесенки;
- арендная плата за данный участок составляла 6 копеек за квадратную сажень в год, плата вносилась за полгода вперед 1 сентября и 1 марта;
- участок сдавался в аренду для устройства на нем жилых домов для служащих завода;
- одна улица 10 x 170 сажений сдавалась в общее пользование безвозмездно, с условием не застраивать;
- дорога должна была быть замощена хутором своими средствами;
- все постройки должны производиться согласно строительному уставу и с разрешения Горуправы;
- за несвоевременные платежи по аренде должна взиматься пеня 1 % в месяц;
- хутор обязан устроить на участке общую канализацию, биологическую очистку стоков;
- город оставлял за собой право потребовать землю обратно в случае такой необходимости;
- если через 12 лет договор об аренде не будет возобновлен, то хутор будет обязан очистить участок от всяких строений;
- все налоги на арендуемую землю – за счет арендатора [1, д. 334, лл. 44 – 44 об.].

Таким образом, территория Мариинской школы – хутора глухонемых расширялась и застраивалась капитальными строениями. И, как оказалось позже, в

Генеральный план земель хутора глухонемых. 1911 г. Фонды ГАЗО

1909 — 1910 годы это учебное заведение переживало пик своего расцвета. Вероятно, его развитие продолжалось бы и дальше, но в феврале 1911 года вокруг этого учебного центра разразился скандал. Проведенная Александровским отделом образования ревизия дел хутора выявила крупные финансовые нарушения, после чего Ф.Ф. Мовчановский был обвинен в должностных преступлениях. Дело приняло серьезный оборот, следствие продолжалось 2 года. Осенью 1911 года судебным следователем по важнейшим делам округа И.А. Линницким, которому было поручено вести это дело, из Екатеринослава было направлено письмо в Александровскую Городскую Управу с просьбой сообщить все сведения о земельных владениях хутора глухонемых. К тому же, к расследованию были подключены опытные бухгалтера, досконально изучившие делопроизводство Александровского отдела и другие следователи, проводившие опрос свидетелей и населения. «Дело Мовчановского» было закрыто в июле 1913 года Прокурорским надзором Харьковской Судебной палаты из-за отсутствия состава преступления. Что стало причиной предъявленного обвинения сейчас сложно определить. Может быть, сыграла роль чья-то личная неприязнь к главному инициатору и деятелю Александровского отдела Попечительства Феликсу Францевичу Мовчановскому. К тому же, хозяйство хутора было лакомым куском для обогащения. Так, в архивных документах 1911 — 1917 годов просматривается история развала предприятия: «В 1911 году в городе Александровске, по причинам совершенно частного характера, разрушено первое в Европе, в широких размерах созданное, без всякой помощи со стороны Ведомства Учреждений Императрицы Марии, благотворительное учреждение, обслуживающее нужды глухонемых» [1, д. 322 л. 2]. Из доклада Городской Управы в Думу: «В хозяйстве хутора произошло сокращение в большом размере: молочной фермы нет, пчеловодства нет, птичника нет, теплицы нет, плантации тоже нет; лошадей, вместо двух десятков, осталось лишь три штуки, инвентарь нуждается в ремонте...» [1, д. 322 л. 8 об.]. Еще в 1911 году количество учеников в школе сократилось с 277 до 134 человек. Кроме того, в 1916 году здания полностью лишились электрического освещения, здание Евпаторийской школы, стоившее громадных денег, находится теперь вне пользования хутора. Бюджет этой школы еще в 1915 году уменьшился с сотни тысяч до 40 655 рублей 71 копейки, с дефицитом в 3 000 рублей. Средств стало катастрофически не хватать ни на одежду ученикам, ни на жалование служащим. К этому времени была упразднена должность директора, из школьной программы убраны: рисование, черчение, портняжеское ремесло, закрыт класс ручного труда. В полном упадке оказалось сельское хозяйство. В типографии в 1915 году продолжали обучаться только 1 — 2 ученика. Из преподающихся в училище ремесел, закрыто было три четвертых.

«В 1911 году, с назначением председателем Александровского отдела М.М. Захарченко, система управления приняла совершенно определенную форму: пресечь дальнейшее развитие деятельности Александровского отдела и все лишнее, по мнению приехавших из Петрограда чиновников, упразднить, создав школу обычного казарменного типа. Были устранены местные деятели и совет, состоявший более чем из 60 человек». Начался целенаправленный разгром хутора. В отчете имеются сведения о продаже и, частичной сдаче в аренду хуторского фруктового сада, об отказе от пахотных земель, арендованных ранее у города, об уничтожении части парковой зоны, о ликвидации племенного скота и свиноводства [1, д. 322 л. 9 об.]. Но главным камнем преткновения стал Мариинский

машиностроительный завод. Со всем его имуществом он был оценен комиссией Захарченко в 658 255 рублей 77 копеек. Землевладельцы В.С. Миргородский и А.А. Иваненко обратились с предложением в Центральное Попечительство выкупить предприятие за 850 — 900 тысяч. Это могло бы спасти училище от окончательного разгрома, однако они получили отказ. И в результате завод был куплен «Товариществом Работник» всего за 100 000 рублей [1, д. 322, л. 10].

В результате этих необоснованных действий, отделу был нанесен убыток более чем в миллион рублей. Городские власти видели из создавшейся ситуации только один выход: передать хутор в ведение Екатеринославского и Таврического губернских земств. Александровский отдел был заменен Екатеринославским. Последний обращался за помощью к общественным организациям, часто прибегая к угрозам. Организаторы обещали вывести школу из создавшейся ситуации, расширить программу общеобразовательных предметов и ввести преподавание ремесел. Однако, это не привело к существенным положительным результатам. Учителя, работающие в школе, были лишены всяких прибавок к жалованию, а также пенсии. На уроках практически не применялись учебные пособия, что усложняло процесс обучения. Существовали и многие другие проблемы. В результате Губернская Управа на очередном собрании приняла решение принять школу-хутор глухонемых в свое ведение, детально обследовать все учреждения школы и разработать план ее восстановления. Губернская Управа, согласно постановлению земского совещания по народному образованию от 26 апреля 1917 года, признала необходимым разработку порученных ей Собранием вопросов относительно восстановления и реорганизации школы обсудить в специальной комиссии. В ее состав были приглашены: по одному представителю от Уездных Земских Управ Екатеринославской губернии; 4 — от Губернской Управы; 5 — от учащихся и служащих самой школы; 2 — от Александровского городского самоуправления; гласные Думы нотариус С.А. Белоцветов и председатель съезда мировых судей В.С. Пронин; 1 — от Александровского исполнительного комитета общественных организаций; 1 — от Александровского Совета рабочих и солдатских депутатов; 3 — от организации Губернского учительского союза; организатор школы Ф.Ф. Мовчановский, а также бывшие его сотрудники — И.Я. Акинфиев, врач В.В. Туча и П.В. Каменский. Последним была написана книга об истории развала Александровского училища глухонемых «История одного погрома». Учебное заведение для глухонемых детей не прекратило своего существования, но оно больше никогда не достигло такого расцвета, как в 1910 году.

Школа глухонемых продолжала плодотворно работать и в 30-е — 50-е гг. XX в. Этот факт был отмечен и органами ОБЛОНО. Так, за 1939 — 1940 учебный год директору неполной средней школы глухонемых Зиненко А.Н. была объявлена благодарность за отличную и плодотворную работу в деле образования взрослых [3, л. 5]. В городе Запорожье и сегодня действует школа-интернат для глухонемых детей. Это учебное заведение находится сегодня по другому адресу (ул. Червонополянская, 2), а бывшую территорию училища-хутора занимает городской ботанический сад и тянувшийся за ним один из промышленных кварталов города.

Литература и источники

1. ГАЗО, ф. 24, оп. 1.
2. Герценштейн Г. Глухонемота и глухота // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. — СПб., 1893. — Т. VIII — А — С. 905 — 911.

3. Отчет о деятельности Александровского Отдела Попечительства Государыни Императрицы Марии Федоровны о глухонемых состоящего под августейшим покровительством их императорских величеств за 1903 год. — С.-Петербург: Типография училища глухонемых, 1904 — 112 с.

4. Мальцев А. Училище-Хутор глухонемых в г. Александровске, Екатеринослав. губ. 1903 — 1910 г. — Александровск: Типография при училище-хуторе глухонемых, 1910. — 29 с.

5. ЗКМ. Архив. Дело № 3028 (1 — 11).

Стойчев В.М.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ ГОРОДА АЛЕКСАНДРОВСКА 1770 – 1917 ГГ.

Первые документальные свидетельства об устройстве церквей в Александровской крепости относятся к 1772 году.

В местности, где была построена Александровская крепость, еще до 1770 года стояли целые батальоны артиллерийских и инженерных команд, а также множество разных казацких полков, тысячи посошных людей и сотни разных торговцев и промышленников. Главный тракт из России в Крым лежал через Александровскую крепость. Таким образом при походах в Крым и при возвращении в Россию, все больные и нужные для работ люди оставались здесь на долгое время.

По распоряжению генерала Черткова, из Новомиргородского шанца, в июне 1772 года была привезена в Александровскую крепость походная церковь святого великомученика Георгия Победоносца. Ранее она принадлежала бывшему болгарскому гусарскому полку. Церковь эта была не освященная и не бывшая в употреблении, т. е. палатка с полами, иконостас с царскими вратами, с пятью местными иконами, престол и жертвенник, писанные на холсте, со священными сосудами, с одеждами и книгами.

Церковь Георгия Победоносца была временно размещена в Александровской крепости. Такие церкви обычно ставились как полковые походные. После окончания постройки Александровской крепости предполагалось перенести ее в другие строящиеся крепости. Требовалось лишь освятить эту церковь и для совершения в ней богослужений и священнодействий выдать освященный антиминс. По этому делу Чертков обратился к преосвященному Иову. В Переяславской Консistorии был рассмотрен вопрос: к какой епархии будут принадлежать церкви и духовные дела в тех местах, где они «заводятся на новой линии крепости» [1, с. 929]. Однако ни по указам, ни по каким другим документам Консistorии не удалось выяснить, к какой епархии относились церкви, заводимые на новой Днепровской линии крепостей. Многие опрошенные священники на местах указывали, что они принадлежат к Белгородской епархии. Так церковь во имя Покрова Богоматери в Александровской крепости, была заложена по благословию преосвященнейшего Белгородской епархии Иова. Он поручил освятить походную церковь управителю духовных письменных дел в Крылове священнику Дмитрию Петрову.

Согласно плану устройства Днепровской линии Высочайше утвержденному в 1770 году, отношениям Государственной военной коллегии, а также по распоряжению Святейшего Синода, было повелено назначить из Белгородской епархии восемь достойных священников. Жалование было определено по сто рублей в год.

После многократных требований генерал-поручика Деденева этих священников отправили на новое место службы.

Генерал Чертков, сменивший Деденева в управлении Днепровской линией, застал в Александровской крепости (первой с правого фланга) двух священников. Правда они были неученые и не из Белгородской епархии, да и те вскоре умерли от моровой язвы. В Петровской крепости был только один священник «несколько ученый», назначенный преосвященным Самуилом Белгородским. Острая нехватка православного духовенства на Днепровской линии заставила генерала Черткова просить Самуила Белгородского ускорить отправку достойных священников. В своем письме он, между прочим, указывал на одного Кременчутского дьякона Савурского. Последний был человек ученый, в проповедничестве и в толковании Слова Божьего знающий.

Чертков лично знал Савурского по Кременчугу. Тот зарекомендовал себя с хорошей стороны. Именно такого человека Чертков желал видеть в Александровской крепости «священником и наместником, главным начальником духовенства и всех церквей на Днепровской линии, настоящих и будущих» [1, с. 930]. Так как Кременчуг принадлежал к Киевской епархии, то Чертков обратился 18 июля 1772 года к преосвященному митрополиту Киевскому Гавриилу. Он просил его оказать полное содействие в переводе дьякона Савурского из Киевской в Белгородскую епархию. И уже 5 августа 1772 года, согласно ходатайству Черткова, дьякон Савурский был уволен из Киевской епархии и усыновительную грамотою принят в Белгородскую, с рукоположением в священники Покровской церкви Александровской крепости. Савурский был назначен наместником, начальником всего духовенства и всех церквей на Днепровской линии уже устроенных и предполагавшихся только строиться.

Из письма Черткова к преосвященному митрополиту Киевскому Гавриилу от 30 марта 1776 года мы узнаем новые сведения касательно г. Александровска. Наместник Днепровской линии иерей Евфимий Савурский вернулся назад в Кременчуг. На его место Чертков всячески старался подыскать замену. Кроме того требовались священники образованные, прилежные в работе. В обязанности начальника всех церквей Днепровской линии входил надзор над ними и установление в оных благочиния. По всей линии, простиравшейся до двухсот верст, полагался осмотр всех церквей и священников при них.

Новый духовный наместник был найден Чертковым в городе Нежим на Магерках Киевской епархии. Там в приходской Крестовоздвиженской церкви должность половинного настоятеля занимал священник Феодор Тисаревский. Выбор о. Феодора Тисаревского был не случаен. Он служил в Севском пикинерском полку и находился в крепости св. Елисаветы во время бывшей там опасной эпидемии. После смерти двух священников, служивших в той крепости, исполнял их обязанности. Часто проповедями «своими отвращал тамошних жителей от происходящего от той опасности (т. е. — эпидемии) уныния». Позже был переведен в Власовскую роту Днепровского пикинерского полка, которая расквартировалась в девяти верстах от Кременчуга. О личных качествах Тисаревского известно: «... он вел себя благопристойно и добропорядочно. Человек он был ученый, к проповедям старательный». Некоторые его проповеди были изданы «тиснением». Тисаревский был «лет еще не престарелых, а сложения твердого» [1, с. 931]. По ходатайству генерала Черткова, священник Тисаревский в мае 1776 года был переведен из Киевской епархии в Белгородскую на должность наместника украинской

Днепровской линии. Главный приход был при Покровской церкви в Александровской крепости. Изначально все церкви Днепровской линии были подчинены Харьковскому духовному Правлению. Позже они перешли в ведение Самарского духовного Правления, как ближайшего к Александровской крепости.

В 1773 – 1783 годах Покровскую церковь Александровского посада (с 1806 года – г. Александровска) устроенную государевым коштом, на фундаменте каменном, благоуукрашали и обогащали различными благотворительными подарками и взносами. Среди благодетелей – протопоп Роман Кошевский, чины от комиссии Днепровской линии и от пограничной местной таможни, компанейщик Василий Тимофеевич Тимофеев, протопоп Федор Тисаревский (1778 года), командир Александровского пограничного батальона премьер-майор Георгий Васильевич Рунич и жена его Елизавета Георгиевна.

10 апреля 1787 года по указу Екатеринославской духовной Консистории, из Новомосковского Правления была выдана книга Александровского посада Покровской церкви священнику Феодору Кошевскому, для записи церковных вещей. Духовные нужды и религиозные потребности людей удовлетворял один священник – Роман Кошевский, прибывший в 1771 году сюда из Белгородской епархии. За все свои труды 25 марта 1777 года произведен в сан протоиерея. В 1777 году в Александровской крепости существовало Павловское духовное Правление. Главными должностными лицами его были – протопоп Федор Тисаревский и иерей Андрей Ковалинской. Но в бумагах этого Правления нередко встречалась подпись и протопопа Кошевского [1, с. 932 – 933].

В октябре 1777 года в ведении Павловского духовного правления состояло семь церквей. Две в Александровской крепости: приходская Свято-Покровская и походная в главном госпитале – во имя трех святителей Петра, Алексея и Ионы. Также две в Петровской крепости: во имя св. великомученика Георгия и деревянная, строившаяся во имя св. великомученицы Екатерины, в 150 верстах от Александровской церкви. Одна походная в Кальмиусе во имя святителя Николы Чудотворца, в 200 верстах. Также одна церковь в крепости Еникуле (возм. Еникале), походная во имя Архангела Михаила, в 300 верстах и одна в Керчи, каменная Рождества Иоанна Предтечи, в 309 верстах. Кроме того, к Павловскому Правлению принадлежали еще четыре прихода, где не было церквей, а находились одни только священники. Эти приходы находились в Никитинской (в 41 верстах от Александровской крепости) и Кирилловской (в 91 верстах) крепостях, а также в слободе Консководовке Консководского уезда (в 16-ти верстах) и в слободе Матвеевке Волковоодского уезда (в 85 верстах).

В 1787 году Свято-Покровская церковь Александровского посада в основании своем повредилась и обветшала. Из-за увеличения населения посада стала тесной и невместительной. Жители Александровского посада решили устроить для себя новую церковь и о своем желании заявили Павлоградскому духовному Правлению.

Из донесения Павлоградского духовного Правления преосвященному Амвросию, архиепископу Екатеринославскому и Херсонесо-Таврическому от 27 августа 1787 года мы узнаем об истории Свято-Покровской церкви в первые ее 15 лет. Приходская Покровская церковь в Александровском посаде построена была в 1773 году по приказу главнокомандующего Днепровской линией, позднее генерал-поручика и кавалера Василия Алексеевича Черткова, Александровской инженерной командой, из казенных линейного ведомства материалов – дерева

и частично с помощью нежженого кирпича. Она прослужила 14 лет. К 1787 году пришла в крайнюю ветхость: «более к стоянию не надежна, да и подчинкою оной исправить нельзя, ибо во всем изготовилась к падению и требует неотменно перестройки» [1, с. 934]. Другой церкви, где бы до окончания строительства новой могли проходить богослужения, в посаде не было. Кроме того, старая церковь с оградой обошлась приходу в немалую сумму. Вокруг церкви были посажены деревья. Иного приличнейшего и способнейшего к построению вновь места в посаде не имелось. Прихожане предварительно собрали наличные денежные средства и заготовили необходимое количество лесоматериалов. В начале 1888 года предполагали разобрать старую церковь, а на ее месте выстроить новую также Свято-Покровскую.

Для обследования состояния Свято-Покровской церкви был прислан священник о. Иван Белый. В своем рапорте он докладывал: «... означенная церковь построена ... тамошнею инженерною командою из казенных линейного ведомства материалов, деревянная при помощи кирпича, а местами и дикого камня, с внесением за оную в линейную сумму в уплату из бываемых при оной церкви разных сборов денег, обветшала крайне в стенах потому, что оной кирпич местами хотя был кладен и жженой, но несовершенно, а местами вовсе не жженой, а между тем кладены были вперемешку и камня дикого не больше штуки без извести, на обыкновенной простой глине и без щекотурки, кои от бываемых дождей поразмыло в некоторых местах, чему уже неоднократные и подчинки были, а ныне и те также повысыпались, а подчинить за неимением в тех местах кирпича более нечем и не надежно, по причине совсем ея в крыше крайней ветхости, и более к стоянию не надежна, однако до весны стоять еще может; при оной церкви наличной суммы 98 рублей 94 коп. с $\frac{1}{4}$. Леса на перестройку оной вновь подготовленного соснового длиною трех сажень, толщиною в отрубе от семи и до десяти вершков, 600 сажень дубового той же длины и толщины 50. А всего 650 бревен не распиленного имеется; и что сломке оной, в построении на том же самом месте будущей церкви иметь будут те прихожане неусыпное старание, в том обвязаны подпискою...» [1, с. 935 – 936].

6 сентября 1787 года, после рассмотрения всех бумаг и относящихся к этому делу справок, преосвященный Амвросий разрешил построить новую Свято-Покровскую церковь в Александровском посаде, взамен старой. Священнику Александровского посада Феодору Кошевскому 9 сентября 1787 года была выдана благословительная храмозданная грамота на закладку и сооружение новой цер-

Свято-Покровская церковь
в г. Александровске. 1789 – 1886 гг.
Фото Я.П. Новицкого

кви. И уже 1 августа 1788 года Павлоградский протоиерей Алексей Хандалеев вместо старой, обветшавшей Покровской церкви, освятил закладку новой.

31 января 1789 года Павлоградское духовное Правление сообщило преосвященному Амвросию Екатеринославскому: «... что на место ветхой, заложенная к постройке новая деревянная Покровская церковь в посаде Александровском сооружением и производством работ совершенно уже окончена. Престол и жертвенник в ней в указную меру сделаны. Иконостас прежний деревянный прочный, писанный искусным иконописным художеством поставлен на обыкновенном месте. Священные облачения, сосуды, книги и прочия утвари прежние все имеются» [1, с. 936]. А потому правление просило у о. Амвросия разрешения и благословения освятить новую церковь. Своей резолюцией преосвященный Амвросий 6 февраля 1789 года благословил освятить новую церковь. Спустя три дня из Консистории был выдан указ об этом. А 24 февраля 1789 года Павлоградский протоиерей Алексей Хандалеев, по надлежащему церковному чиноположению, в Александровском посаде освятил новую церковь и открыл в ней богослужение и священнодействие.

В Покровской церкви при Александровской крепости было два протопопа: штатный Феодор Тисаревский и Роман Федорович Кошевский. Последний в 1785 году был переведен в г. Павлоград уездным протопопом. Священник о. Роман Кошевский умер в 1786 году.

В 1790 году с увеличением в Александровском посаде воинских команд была устроена походная лазаретная церковь. Она была названа во имя Александра Невского. Первым ее священником стал Феодор Кошевский, а при Покровской в это время был о. Стефан Кошевский. Походная Александровская церковь была сооружена на средства и старанием воинских чинов. Она разместилась в нежилом казенном каменном покрытом железом доме. Приход новой церкви состоял из проживавших в казенных квартирах воинских людей и их дворовых служителей. Количество прихожан было 356 мужчин и 230 женщин. Кроме того к новому приходу относилась адмиралтейская верфь (количеством до 900 душ обоего пола), возобновленная с 1796 года у Кичкасской пристани для строительства судов. Жалование священнику было положено 120 рублей, дьякону, двум дьячкам и пономарю 21 рубль каждому, и на провиант по 6 руб. 48 $\frac{3}{4}$ копеек [1, с. 937].

Из формулярного списка протоирея Федора Кошевского, опубликованного Я.П. Новицким, нам удалось узнать об интересном факте. 29 апреля 1803 года в Александровском посаде были проданы с аукциона ветхие казенные здания крепости. В том числе и здание линейной аптеки, где размещалась Александроневская церковь. Федор Кошевский выкупил у покупателя это здание, отремонтировал его и утвердил непоколебимость церкви. Умер о. Федор в 1822 году в возрасте 70 лет, оставив вдову и двух дочерей без средств и крова. Тогдашнее духовенство не только не пользовалось благосостоянием, но и жило в крайней нужде и питалось впроголодь [2, с. 230].

С увеличением населения города Александровска во второй половине XIX века увеличилось и число прихожан Соборного прихода. Построенное еще в 1788 году здание Свято-Покровской церкви пришло в негодность и требовало постоянного ремонта. 5 мая 1836 года на месте разобранной старой Свято-Покровской церкви было начато строительство нового большого и каменного храма. Это был пятиглавый кафедральный Покровский собор. Он был сооружен на тех же необтесанных булыжниках с крестами, которые были заложены в фундамент первой Покров-

Св. Покровской Собор. Вид центральной части города Александровска.
Фото нач. XX века.

ской церкви. Он стал настоящим украшением города. Великолепная колокольня высотой 21 сажень с восемью медными колоколами, главный из которых весил 262 пуда 15 фунтов и стоил одну тысячу рублей.

Храм занимал значительное пространство. Его ширина без подсобных помещений составляла 9,5 саженей. Прекрасен был храм и внутри. Три святых престола украшали его. Правый — во имя Преображения Господня, левый — во имя св. Апостолов Петра и Павла. Главный же престол был выполнен из дуба, и был в длину 1 аршин 26 вершков, в ширину — 1 аршин 10 вершков. Правый и левый престолы были также дубовые, очень хорошей работы. Алтарь украшали иконы: Распятие Христа, Вознесение Христа, Преображение Господне. Особенно же чтилась икона Успения Богородицы, в которой хранилась рака со святыми мощами.

По сведениям за 1928 год, на иконостасе располагались 54 иконы работы иконописцев разных эпох и школ. Иконостас был изготовлен из моренного дуба, был трехъярусным в главном пределе и двухъярусным — в боковых. Общая его стоимость составляла три тысячи рублей. В средней части Покровского собора и на аналоях насчитывалось 65 икон, как деревянных, так и цинковых. Особенно ценными и почитаемыми были 17 из них [3, с. 26 — 27].

Церковная ведомость за 1909 год сообщает, что существующая Св. Покровская церковь в городе Александровске была построена в 1890 году на средства прихожан. Сама церковь и колокольня каменные. Ограда вокруг церкви каменная с деревянными тростями. Она была достаточно снабжена церковной утварью и богослужебными книгами. Согласно Высочайшему утверждению от 7 апреля 1873 года штату при Соборной церкви состояли протоиерей, два священника, дьякон, три псаломщика. Священнослужителям Свято-Покровской церкви жалование платили из процентов с причтового капитала. Протоиерей и оба священника получали квартирное пособие по 150 рублей в год.

В 1909 году Свято-Покровскому церковному приходу принадлежало три дома. Первый каменный дом, разделенный на три части. В нем размещалась церковная сторожка, квартира учителя, канцелярия и крестильня. Также на территории церковной площади было построено здание для школы.

К Соборному приходу были приписаны две домовые церкви: тюремная — во имя святителя Николая и детского приюта — в честь Святых мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви. При Соборной церкви имелось две церковные школы. Содержались они за счет казны, местного Отделения училищного Совета и средств церкви. Церковно-приходское попечительство своими средствами постоянно помогало в ремонте Собора. Также действовало благотворительное общество, основанное в 1893 году во имя Покрова Пресвятой Богородицы [4, д. 67, л. 63 — 64].

В 1909 году приход Соборной Св. Покровской церкви состоял из 624 дворов. Количество прихожан составляло более 5 тысяч человек (2498 мужчин и 2559 женщин). К 1913 году по архиерейской ревизии Покровская община насчитывала уже 2490 прихожан мужского пола и 2660 — женского. В течение этого года в Соборной Покровской церкви крестилось 568 человек, венчалось — 58, погребен — 251. Церковный капитал составлял 4660 руб., кружечный доход — 3663 руб. 79 коп., церковная лавка давала в год до 900 руб.

Несколько слов о священниках, которые, по имеющимся сведениям, в том же 1913 году правили службы в Покровском соборе. Настоятель собора протопоп Петр Петрович Красовский окончил духовную академию в 1889 году. Протопопом стал в 1913 году. У него было семеро детей, которые все обучались на средства отца. Священником в соборе был Стефан Иванович Черный, окончивший духовную семинарию и ставший псаломщиком в 1881 году. Вторым священником в соборе был Василий Татаринов, окончивший духовную семинарию. В 1891 году он был рукоположен в псаломщики, а в 1893 году — в священники.

Священником в должности псаломщика был Даниил Алексеевич Гаркаленко. Он получил образование в духовном училище. Псаломщик — с 1863 г., священник — с 1899 года. С 1907 года он — вдовец и отец девятерых детей. В отличие от четверых названных выше священников, которые не имели казенного жалования, Гаркаленко получал таковое в размере 100 руб. Самым молодым был диакон Александр Николаевич Максимович, 35 лет, окончивший духовную школу. С 1897 года — в сане псаломщика, дьяконом стал в 1904 году. У него было трое малолетних детей. По сведениям Екатеринославской епархии за 1913 год в это время в соборе служили два псаломщика. Это — Даниил Корнилович Черный, 41 года и первого класса духовной семинарии, псаломщик с 1890 года и Леонтий Николаевич Вышемирский, 48 лет от роду, псаломщик с 1891 года [5, с. 25].

При Соборной церкви имелось кладбище. Приходское кладбище было вне ограды. С передней стороны оно было огорожено забором и с трех сторон окопано рвом. На кладбище имелась усыпальня и здание для умерших скоропостижно (прообраз морга).

Городское христианское кладбище находилось в ведении городских властей под наблюдением Попечительства. Главой Попечительства городского кладбища в начале XX века был городской голова г. Александровска дворянин Захарий Михайлович Махно, а помощником его — директор городского общественного банка Петр Михайлович Козловский. После смерти Захария Махно 30 ноября 1901 года последний был избран Александровской городской думой попечителем кладбища [6, с. 257 — 258]. Благодаря заботам Попечительства практически прекратился своевольный захват мест под могилы в виде целых участков. Места отводились только с разрешения и по указаниям Попечительства, от которого зависело разрешение устройства вокруг могил оград. При выдаче подобных разрешений обращалось внимание на материал, из которого предполагалось устройство палисадников. Также обращалось внимание на тип самой постройки — чтобы последние не безобразили бы кладбища, а служили его украшением. Сделанная живая изгородь на кладбище со сторон, которые не были окопаны рвом к 1900 году уже подросла, и Попечительство предполагало поставить при въезде на кладбище железные на каменных столбах ворота.

Помимо насаждений 1898 года, в течение 1900 года было посажено 145 штук калифорнийского клена, двухлетнего возраста, и 1300 штук дикой маслины четы-

рехлетнего возраста, проведены новые аллеи и вообще были приняты все возможные меры по поддержанию кладбища в должном порядке и чистоте. Вырытый за счет средств Попечительства колодезь дал возможность производить поливку насаждений. Постепенно городское христианское кладбище принимало вполне благопристойный вид. Сделанные на нем насаждения, как и все могилы и памятники, поддерживались и сохранялись, и не подвергались такому беспощадному разрушению как бывало ранее [7, с. 264 – 265].

Но не все обстояло так благополучно, как писалось в отчетах. Уже в 1901 году из-за недостатка денежных средств у попечительства окружающий кладбище ров во многих местах был засыпан обвалившейся землей. Живая изгородь из дикой маслины, из-за отсутствия устройств для поливки, отчасти засыхала и вообще росла медленно, почему и не могла еще заменить собою забора – ограды. Благодаря этому пасущаяся вблизи кладбища череда зачастую переходила через ров, портила древесные и другие насаждения, ломала кресты и разрушала могилы. Окопка рвом кладбища, устройство живой изгороди, посадка новых деревьев и кустарников были вопросом первой необходимости. Хотя с принятием городского кладбища в ведение города, заботы о благолепии и благоустройстве его должны были входить в круг обязанностей Городского Управления, но в связи с дефицитом городского бюджета, других более важных расходов и долговых обязательств городские власти не могли обратить должное внимание на кладбище.

Представители попечительства предложили установить, по примеру Ростова, Таганрога, Николаева и других городов особой таксы за места, отводимые на кладбище под могилы, памятники, склепы, за рытье могил. Размеры платы установить в возможно минимальных размерах с таким расчетом, чтобы таковая не являлась обременительной для кого-либо из городских жителей, причем места для погребения бедных, естественно, отводились совершенно бесплатно. При организации в Александровске такого порядка, в распоряжении Совета имелись бы довольно солидные средства, которые расходовались бы на благоустройство кладбища и последнее не находилось бы в таком запустении.

По данным Александровского городского управления за 1900 год в Александровске имелось 4 православных церкви: Покровский двухпрестольный собор, Филипповская церковь и две домовых – при Детском приюте и Тюремном замке. При Филипповской церкви, благодаря заботам церковного старосты З.М. Махно, выстроены на безвозмездно отчужденном Думой участке 2 церковных дома для квартир священника и диакона.

Домовая церковь в здании детского приюта была построена в 1898 году. Она была сооружена на средства попечительства детского приюта ведомства Императрицы Марии Федоровны. На крыше детского приюта была размещена деревянная колокольня. В приютской церкви был обустроен один престол в честь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Церковь эта была достаточно снабжена церковной утварью и богослужебными книгами.

Николаевская церковь при Тюремном замке была построена на средства попечительного общества о тюрьмах. Размещалась она в здании тюрьмы. Также там была устроена каменная колокольня. При тюремной церкви не было постоянного священника [4, д. 67, л. 73].

Появление домовой церкви во имя Св. Марии Магдалины при хуторе-школе для глухонемых детей связано с именем основателя хутора-школы Александровского городского головы Феликса Францевича Мовчановского. Ему в организа-

ции церкви помогли А.Л. Майдаческий и С.Я. Петишкин. Она была построена в 1904 году. Само здание и колокольня были каменные, в ней был один престол во имя св. Марии Магдалины. Штат церкви состоял из одного священника, он же преподавал и Закон Божий. 1 марта 1908 года по ходатайству Александровского отдела попечительства о глухонемых на должность священника и законоучителя был назначен о. Сергей Попов. В 1912 году он получал жалование в размере 50 рублей в месяц.

Училище глухонемых. Колокольня церкви Св. Магдалины.
Г. Александровск Екатеринославской губернии.

В том же 1912 году, согласно документам, священником церкви св. Марии Магдалины уже был назначен о. Иосиф Калина. Должность церковного старосты занимал известный в городе Александровский купец и общественный деятель, депутат Александровской городской Думы Сергей Петишкин. Священник Иосиф Иванович Калина (28 лет), сын отставного матроса. Закончил в 1902 году курс второклассной учительской школы. Первое назначение — учитель школы грамоты в с. Белоцерковке. В 1903, после сдачи экзамена на звание учителя церковно-приходской школы, получил назначение в таковую в селе Диевке. В 1904 году по личному прошению переведен учителем в церковно-приходскую школу в с. Карнауховку. А в 1906 году — учителем в с. Тритульное. Получил благодарность в 1908 году от Епархиального миссионерского комитета за труды по ведению религиозно-нравственных бесед и устройство церковного хора. В 1909 году сдал экзамен на звание псаломщика и уже 19 мая получил должность в Владимирской церкви ст. Софиевка (ныне Вольнянск). Также получил должность учителя Софиевской церковно-приходской школы. В 1909 году был переведен псаломщиком в Николаевскую церковь села Михайловки-Лукашево. В этом же году закончил Епархиальные миссионерские курсы и получил удостоверение на право ведения противосектантских бесед. После успешного экзамена на штатного дьякона, был рукоположен 21 ноября 1909 года преосвященнейшим Симеоном в дьяконы Зла-

тоустовской церкви села Ялты Мариупольского уезда. 19 июля 1912 года получил новое назначение в Марии Магдалинскую церковь хутора-школы для глухонемых детей. Он был рукоположен в сан иерея Преосвященнейшим Агапитом. 9 августа 1912 года Высочайше награжден за труды по народному образованию серебряной медалью «За усердие». С 1 сентября 1912 года занимает должности законоучителя при школе глухонемых и Александровском городском 5-м смешанном училище. Семья Иосифа Калины состояла из пяти человек. Жена его Неонила Петровна (род. 28 октября 1882 г.). Дети: Валентина (род. 12 октября 1906 г.), Евгений (7 августа 1908 г.), Ольга (26 июня 1910 г.) и Серафим (2 ноября 1911 г.) [4, д. 67, л. 38 – 45].

История Филипповской церкви началась в 1857 году с прошения Кишиневского купца второй гильдии Артамона и Александровских купцов братьев Захариных – Павла, Михаила, и Якова, а также их сестры купчихи Мариамны Гавришевой. По указу Священного Синода от 24 апреля 1857 года было разрешено Благочинному Протоиерею Андрею Сухомлинову заложить новую кладбищенскую церковь на мирском городском кладбище г. Александровска [8, д. 1, л. 47]. Филипповская церковь была освящена 12 ноября 1872 года. Строительство церкви было проведено на пожертвование вышеназванных братьев Захариных. Павел Захарин был известный в городе Александровске купец, общественный деятель городского самоуправления в 1850 – 1894 годах. 4 декабря 1872 года был избран на должность первого городского головы Александровска (1872 – 74 гг.). Впоследствии еще несколько раз занимал эту должность [9, с. 35]. В 1898 году Павел Львович Захарин умер и был похоронен в склепе Филипповской церкви.

Филипповская церковь на старом кладбище г. Александровска. Фото нач. XX века.

Приходская Филипповская церковь – каменная, продолговатая, крестообразная. Была покрыта железом, об одной главе, соединена вместе с каменной колокольнейю. В длину церковь вместе с колокольней была 23 метра, а в ширину – более 16 метров. В ней было два небольших притвора. Окон всех – 12 с железными решетками и в куполе – 4 без решеток. Церковь имела 6 колоколов, главный – весил 33 пуда. Выходов было три: средний, с двумя дверьми, и два боковых – каждый с двумя дверьми внутренними и наружными. Церковь имела один престол во имя святого Апостола Филиппа (14 ноября). Алтарь Филипповского храма выглядел так: Престол был сделан из прочного дерева, обтянут белым крепким холстом. В длину был 1,05 метра и в высоту тоже около метра, а в

ширину — 92 сантиметра. На этом престоле изображен Св. Антиминс из шелковой материи желтого цвета, освященный 7 сентября 1897 года Преосвященным Симеоном, епископом Екатеринославским и Таганрогским и 27 ноября 1897 года «преподан для священнодействия в храм Св. Апостола Филиппа, что во граде Александровске». Над престолом находилась сень, укрепленная на четырех колоннах: внутри ее было изображение Бога Отца. Колонны и верхняя наружная сторона сеней были украшены резьбой в позолоте. Храм был достаточно снабжен церковной утварью и богослужебными книгами. Указом Святейшего Синода от 4 апреля 1894 года при Филипповской церкви было положено иметь священника и псаломщика [4, д. 1, л. 1 – 2].

Рядом с церковью на углу Филипповской и Гоголевской улиц, располагалась усадьба Филипповского прихода с двумя домами. При храме была большая библиотека церковных книг из 422 экземпляров, 354 из них — одобрены духовною цензурою для чтения.

При церкви в сентябре 1900 года была открыта одноклассная церковно-приходская школа. Взамен церковно-приходского попечительства 2 января 1905 года было открыто Филипповское православное братство.

В начале XX века священником Филипповской церкви был отец Михаил (в миру Михаил Степанович Тесленко). Сын крестьянина, по окончании в 1891 году Екатеринославской духовной семинарии был назначен псаломщиком в Свято-Троицкую церковь села Троицкого Павлоградского уезда. В 1892 году рукоположен в дьяконы. С декабря 1892 года назначен священником Филипповской церкви г. Александровска. Отец Михаил преподавал закон Божий в разных школах и училищах города Александровска. В 1892 — 1902 гг. а также с 1908 года, был депутатом от духовного ведомства в Александровского Городской Думе [4, д. 63, л. 3 – 4]. В 1913 году священником Филипповской церкви значился о. Георгий Михайлович Травлеев. Псаломщиком Филипповского храма был Петр Щураковский, который был определен сюда после окончания Екатеринославской церковно-учительской школы 30 июня 1901 года.

В 1908 году приход Филипповской церкви состоял из 309 дворов, 1238 мужчин и 1193 женщин [4, д. 63, л. 7 об.]. По данным архиерейской ревизии 1913 года прихожан Филипповской церкви было не менее 6 тысяч человек. Но по сведениям Филипповского прихода — всего 2522 прихожанина [5, с. 28].

12 июля 1911 года к городу Александровску была присоединена меннонитская колония Шенвизе [10, д. 230, л. 94]. Таким образом в городе прибавилась еще одна — Николаевская церковь. Она располагалась у привокзальной площади, напротив здания станции Александровск Южной железной дороги [10, д. 357, л. 63].

Время зарождения прихода этой церкви можно отнести к середине семидесятых годов XIX столетия, т. е. ко времени проведения через г. Александровск Лозово-Севастопольской (позднее переименованной в Южную) железной дороги. Станция Александровск в то время была центром этой дороги. Здесь вначале было главное эксплуатационное бюро, затем Управление дороги. Позже были устроены главные мастерские этой железной дороги. Ближайшим храмом, который могли посещать рабочие и служащие железной дороги, был Св. Покровский собор г. Александровска. Но несвоевременное исполнение треб (религиозных обрядов — крещения, венчания, отпевания и др.), а иногда и отказ в отправлении таковых, навели на мысль об учреждении своей церкви для рабочих станции «Александровск» [11, д. 3, л. 2].

События 17 октября 1888 года приблизили устройство такой церкви. В этот день на станции Борки Курско-Харьково-Азовской железной дороги, произошло крушение императорского поезда. Ни царь Александр III, ни члены его семьи не пострадали. Церковь объявила это событие чудным спасением. У места крушения вскоре был устроен скит, именуемый Спасо-Святогорским. Тут же, в нескольких метрах от насыпи, был сооружен великолепный храм во имя Христа Спасителя Преславного Преображения [12, с. 418 – 419].

В память чудесного спасения царской семьи служащие и рабочие Александровских мастерских инициировали устройство памятника в честь этого события. Таким памятником мог быть только храм. В 1889 году на собранные пожертвования была заказана икона Христа Спасителя. Ее установили в станционном зале III класса. Именно это событие стало отправной точкой к созданию Николаевского храма на станции Александровск.

С 1889 года начался сбор денег на строительство храма. Первые шаги на этом пути были трудны. Одним из активных участников инициативной группы по строительству храма был начальник участка пути, инспектор Владимир Самсонович Каменский. Место для постройки храма было подарено меннонитами села Шенвизе. В 1892 году началось строительство. Нашлись и средства: по инициативе жителей железнодорожных поселков был введен специальный налог на землю, занимаемую каждой усадьбой. Сперва по 10 копеек за сажень, потом еще по 40 копеек, далее по 30 копеек, и, наконец, еще по 1 руб. 40 копеек. Соседние деревни – Николаевка, Балабино, Мокрая, Степная, Натальевка оказали помощь, как говорится «натурою»: доставляли на подводах камень, кирпич, песок, известь и другие материалы. Таким образом, благодаря активной поддержке жителей железнодорожных поселков и ближайших деревень, был построен храм во имя Святытеля и чудотворца Николая. Открытие его было приурочено к 9 мая – дню Св. Николая.

В Александровске в то время говорили, что управляющий Лозово-Севастопольской железной дорогой, инженер И.А. фон Ренкуль предлагал устроить храм на средства дороги. Но место для строительства храма он указал по другую сторону железной дороги, в то время еще не застроенное. Но прихожане, не желая отдавать храм от своего поселка, отказались от такого предложения. Такое поспешное решение было неразумным, а точнее не дальновидным. Так как железная дорога, располагая большими средствами и возможностями, построила бы обширный долговечный храм. Кроме того, она бы обеспечила храм всем необходимым, отнеся его к ведомству путей сообщения. Непонятное упорство прихожан привело к печальному результату. Построенный храм был тесен, внешним видом жалок. И уже в первые годы своего существования требовал постоянного ремонта. Оно и понятно, что можно построить на скудные средства, имевшиеся у прихожан Николаевского прихода.

Вблизи храма была поставлена на столбах колокольня, приобретено 5 небольших колоколов. Была построена церковная сторожка из двух комнат, сарай. Ограда вокруг церкви была деревянная на каменном фундаменте. Главные ворота были сделаны хорошие, резные, с надписью: «В память 17 октября 1888 года». Николаевская церковь была освящена 15 мая 1893 года. Службы в храме совершали священники Соборной церкви г. Александровска. Но верующие Николаевской церкви мечтали о собственном батюшке для своего прихода. С этой целью они обратились в управление Лозово-Севастопольской железной дороги с просьбой

о выделении средств на содержащих священнослужителей. Управление дороги пошло навстречу своим работникам и служащим. Было выделено содержание причту: священнику – 600 рублей и за преподавание Закона Божьего – 200 рублей в год, псаломщику – 200 рублей и на преподавание в железнодорожной школе – 100 рублей. Выделение этих средств способствовало образованию в 1894 году самостоятельного церковного прихода. И вскоре были назначены священник и псаломщик.

Нельзя обойти вниманием еще одного активного участника устройства Николаевской церкви – бывшего церковного старосту, личного почетного гражданина Алексея Федоровича Агафонова. Его стараниями и за личные средства в церкви были устроены: однарусный иконостас, стоимостью 1300 рублей, также построена сторожка, ограда и ворота. Затем в течении пяти лет он оказывал немалую помощь: на отопление церкви и сторожки и другие текущие затраты [11, д. 3, л. 2 – 3].

Первым священником в Николаевский приход 18 февраля 1894 года был назначен Евгений Петрович Филиппов, студент Екатеринославской духовной семинарии. Впоследствии он – студент Томского императорского университета. Человек одаренный, с блестящими ораторскими способностями. Его проповеди и импровизированные беседы приводили в восторг слушателей. Некоторые прихожане считали, что отец Евгений в общении с ними иногда вел себя высокомерно. Подозрительной, по мнению некоторых прихожан, была также его дружба с высшим начальством железнодорожной службы и особенно с иноверцами. Эти обстоятельства, по жалобе некоторых недовольных, послужили основанием для перевода в 1898 году отца Евгения Филиппова в Ростовский приход Екатеринославской епархии. Свою прощальную литургию он совершил 6 декабря 1898 года. Блестящей речью заставил всех забыть разногласия и недоразумения среди прихожан. «Привлек к себе сердца всех, речь его прерывалась рыданиями: плакали все – мужчины, женщины и дети». Прихожане потом обращались к Епархиальному начальству с просьбой, оставить отца Евгения Филиппова при Николаевской церкви. Но она не была удовлетворена.

Вторым священником был назначен Михаил Васильевич Григаревич. Батюшка был простой, душевный, ревностный во всем, опытный пастырь. Память о себе он оставил в делах своих. Он собрал средства для устройства второго яруса иконостаса, обошедшегося в 950 рублей. Прихожане живо жертвовали на это доброе дело. Службы совершал он пламенно. Частные его проповеди дышали простотою, душевностью и размягчали сердца слушателей. При нем велись внебогослужебные собеседования, которые привлекали многих молящихся. Кроме того он организовал чтения и беседы в школьном помещении. Наиболее яркие и совершенно глубоко продуманные и прочувствованные им самим проповеди были: в день введения в храм Пресвятой Богородицы – «О христианском воспитании детей», «О пьянстве и его последствиях» – в неделю о блудном сыне. Первая из этих бесед была напечатана в Епархиальных ведомостях, а потом и отдельными брошюрами. Отец Михаил оставил о себе доброе имя. По семейным обстоятельствам он был вынужден просить перевода в г. Екатеринослав. 14 ноября 1900 года приход прощался со своим любимым пастырем. В знак любви отцу Михаилу был преподнесен образ Св. Николая. Память о нем надолго осталась в сердцах прихожан Николаевской церкви [11, д. 3, л. 4 – 5].

После отца Михаила священником Николаевской церкви был назначен о. Иван Волошинов из с. Беленького, Екатеринославского уезда. Сравнительно молодой

по возрасту, он оказался с хорошими организаторскими способностями, и сразу поднял благосостояние Николаевского храма. Добродушием своим, вежливым обращением ко всем, любовью к детям и своими делами он завоевал всеобщую любовь и уважение прихожан. Кроме того, он был благочинным (начальником) округа церквей. В церковных службах заменил о. Михаила Григаревича. Как опытный хозяин организовал продажу деревянного масла и крестиков при крещении и воска при погребении. За полученные деньги от этих продаж построил каменную церковную лавку, которая стала приносить доход в 360 рублей в год. С разрешения Епархиального начальства отдал строительство каменных лавок трем торговцам. Они обязались построить их за свои средства и по истечении пяти арендных лет вернуть в собственность церкви. Таким образом, без затрат со стороны церковной кассы, предполагалось иметь свыше одной тысячи рублей в год. Кроме того, за свои личные средства, получаемые от свечного завода, комиссионные от реализации свечей, он построил помещение для свечного склада, стоимостью 400 рублей. Помещение это было передано в собственность Николаевского прихода.

Существовавший храм при ст. Александровск был мал, внутренней площадью всего 45 квадратных саженей. Он уже не соответствовал количеству населения Николаевского прихода и не удовлетворял духовных потребностей всех прихожан. Необходимость в большом, вместительном храме заставила церковное попечительство Николаевского прихода составить проект нового храма, внутренней площадью 131 кв. сажень. Этот проект был утвержден 5 августа 1905 года строительным отделением Екатеринославского Губернского Правления. На собрании Николаевского церковного попечительства была избрана строительная комиссия. В нее вошли настоятель церкви, церковный староста и представители от служащих станции Александровск: Иван Никитич Редькин, Василий Васильевич Бабков и от прихожан — Трофим Амельченко, Федор Гладков и Николай Столяренко. Председателем ее и строителем храма был назначен председатель попечительства инженер Константин Константинович Ручимский.

26 сентября 1905 года состоялась торжественная закладка и освящение строительства нового храма во имя Святителя и Чудотворца Николая. Летом 1906 года были проведены фундаментные работы, выстроен цоколь и частью кирпичные стены. На протяжении 1905 — 1907 годов на строительство храма было потрачено 11 тысяч 738 рублей 29 копеек. Эти средства поступили таким образом: 1) от церковного Николаевского попечительства — вся наличная касса — 2580 рублей, 2) пожертвования, от служащих и мастеровых Александровских мастерских за 1905 — 1906 гг. — 2430 рублей 11 коп., 3) пожертвования, собранные строительным комитетом по подписке — 933 рублей 40 коп., 4) от частных лиц — 842 рублей, 5) пожертвования, собранные в храме на строительство церкви старостой Николаевского прихода — 4945 рублей 74 копеек [11, д. 3, л. 6]. В 1907 году была построена церковная ограда на каменном фундаменте с кирпичными колоннами и железными тростями из дымогарных труб. Дымогарные трубы были пожертвованы местными мастерскими, а рабочие установили их. Всего на постройку церковной ограды из средств Николаевского прихода было потрачено три тысячи рублей. И это при значительном количестве пожертвованных строительных материалов.

В 1908 и 1909 годах в управление Южной железной дороги было послано несколько прошений об оказании материальной помощи на строительство храма.

Бывший начальник железной дороги Г. Розанов осматривал вновь строящийся храм на месте. Пообещал выпросить субсидию у высшего начальства. Принял очередное прошение от настоятеля храма и прихожан о выделении субсидии. Но ответа не последовало.

В 1909 году новый начальник железной дороги С. Ивановский принял очередное прошение об оказании помощи в строительстве. 18 июня 1909 года последовало уведомление на имя настоятеля Николаевской церкви от г. Начальника дороги следующего содержания: «На прошение Ваше совместно с прихожанами от 31 марта уведомляю, что продолжение постройки храма может, производится лишь на частные пожертвования, субсидия от казны не может быть выдана» [11, д. 3, л. 7]. Рабочие и служащие поддержали продолжение строительства храма, путем отчисления одного процента из зарплаты.

Председателем попечительства и строительного комитета Николаевского храма 18 июля 1908 года был избран начальник Александровских мастерских инженер Николай Флионтович Нарцизов. Он же с 8 июля 1907 года — церковный староста Николаевского прихода. 12 января 1910 года на свободное место псаломщика Николаевской церкви был назначен в сане дьякона псаломщик церкви села с. Мало-Михайловки Александровского уезда Григорий Безменов. Образование он получил в церковно-учительской школе при Архиерейском доме.

В приходе Николаевской церкви велась активная работа. 12 февраля 1910 года были открыты двухнедельные миссионерские курсы в помещении Николаевской церковно-приходской школы. Число первых посетителей было 150 человек. Их численность впоследствии достигла трех тысяч постоянных слушателей. Популярность этих курсов была такой, что большое просторное помещение школы уже не могло вместить всех желающих посещать их. Поэтому, одновременно с курсами, велись миссионерские чтения в Соборном храме г. Александровска. Подъем религиозного духа среди слушателей был необычайный. Синодальный книгоноша доставил 85 библий, и они моментально были разобраны. Курсы были открыты молебствиями по чину «Об обращении заблудших» в Николаевской церкви. Перед молебном священник о. П. Красовский своей проповедью призвал прихожан твердо держатся православной веры и выступить на борьбу с сектантством, предварительно прослушав миссионерские курсы. После этого курсисты и все слушатели собрались в помещении церковно-приходской школы. С этого дня начались обычные курсовые уроки по утвержденной программе. Кроме миссионеров на курсах провел беседу священник Красовский — «О молитве за умерших». 14 февраля окружной миссионер о. Николай Назаревский совершил богослужение в Николаевской церкви.

Николаевская церковь, как и все православные храмы города, откликалась на все события, происходящие в Российском государстве. В 1914 году церковная жизнь города Александровска была оживлена посещением Чудотворного образа Божьей Матери, именуемого Самарским. 15 мая 1914 года представители городского и сельского духовенства провели торжественную литургию, после которой чудотворная икона была перенесена в с. Балабино при многотысячной толпе молящихся.

1914 год знаменателен для Николаевского прихода еще и тем, что при церкви был открыт второй штат причта, состоящий из священника и псаломщика. Вторым священником был назначен Симеон Кащенко, а диаконом Павел Корецкий. Также были найдены средства для достройки нового храма при станции Алек-

сандровск Южной железной дороги. Средства эти, в размере 24 тысяч рублей, прислал священник о. Компаниец.

С началом Первой мировой войны при Николаевской церкви прихожанами на свои средства было открыто два лазарета для раненных и больных солдат [11, д. 3, л. 11 об.]. В 1916 году они были соединены в один. Здание второго было отдано под проволочный завод морского ведомства. Лазарет на 35 коек почти всегда был полон ранеными. Священники и прихожане Николаевской церкви много времени уделяли поддержанию лазарета, поэтому по условиям содержания и уходу за ранеными он считался самым лучшим в городе Александровске.

В 1915 году произошла смена настоятелей церкви: 16 февраля священник Алексей Компаниец был переведен в г. Ростов-на-Дону. На его место был назначен 26 марта 1915 года священник Георгий Доценко. В этом же году по определению Епархиального Начальства был переведен в село второй священник Симеон Кашенко. А на его место назначен о. Николай Шовкань. Он вступил в должность с 1 января 1916 года.

С 1915 года богослужения стали совершаться регулярно по средам и пятницам. Военные действия с Германией продолжались. Но из Николаевского прихода призвано на войну было сравнительно немного мужчин. Многие железнодорожные служащие, даже запасные солдаты, были оставлены на своих должностях. Постройка церкви, из-за дороговизны материалов и отсутствия рабочих рук, в 1915 — 1916 годах не производилась. Пожертвования на строительство храма продолжали поступать, но тратились они главным образом на военные нужды.

В сентябре 1915 года в Александровске появилось большое количество беженцев из западных губерний. Многие из них привезли с собой различные болезни. В течение месяца умерло 80 беженцев в Николаевском приходе. Все требы для беженцев священники совершали бесплатно. Очень нуждающимся была оказана первоначальная помощь из церковных средств [11, д. 3, л. 12]. Несмотря на тяжелое время, переживаемое приходом, жертвования поступали довольно хорошо, как на лазарет, так и на строительство храма.

На праздник Св. Пасхи г. Александровск посетил преосвященный владыка Агапий, епископ Екатеринославский и Мариупольский. В Николаевской церкви владыка Агапий произнес умиротворительную речь против разделения в приходе на партии. На Пасху вся церковь была роскошно иллюминирована как внутри, так и снаружи электрическими лампами. Все это бесплатно сделали для храма служащие и рабочие Александровских мастерских Южной железной дороги.

В составе причта на протяжении 1916 — 1920 годов постоянно происходили перемены. На это в значительной мере влияла политическая ситуация в стране. Частая смена властей: деникинцы, красные, махновцы, власть Центральной Рады, Директории, гетьманата заставляла священников жить в реалиях бытия.

Кроме вышеназванных церквей в городе Александровске в 1910-е годы начали действовать или готовились к открытию домовые церкви при учебных заведениях: Коммерческом училище, женской и мужской гимназиях.

Литература и источники

1. Феодосий Макаревский. Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. — Екатеринослав, Печатано в типографии Я.М. Чаусского 1880 г. / переиздано — Днепропетровск, ВАТ: Днепркнига, 2000. — 980 с.

2. Новицкий Я.П.. История г. Александровска в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии. 1770 — 1806 гг. // Твори у 5 томах. — Запоріжжя: АА Тандем, 2007. — Т. 1. — С. 184 — 303.
3. Горбань Г.В. Свято-Покровский собор. — Запорожье: Интербук, 1991. — 60 с.
4. ГАЗО, ф. 19, оп. 1.
5. Справочная книга Екатеринославской епархии за 1913 г. — Екатеринослав, 1913.
6. Отчет Александровского Городского Общественного Управления за 1901 год. Александровск. Печатано в типографии Б.Я. Штерн, соб. д. — 1903.
7. Отчет Александровского Городского Общественного Управления за 1900 год. Александровск. Печатано в типографии Б.Я. Штерн, соб. д. — 1902.
8. ГАЗО, ф. 157, оп. 1.
9. Козлова И. Первый городской голова Александровска // Созвездие. — 2000. — № 2. — С. 34 — 35.
10. ГАЗО, Ф 24, оп. 1.
11. ГАЗО, ф. 147, оп. 1.
12. Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. — СПб, 1891. — Т. IV. — 472 с.

Кравец Ю.П.

ЗНАМЕНА ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ Н. МАХНО. 1918 — 1921 гг.

Как известно, значение знамени в периоды глубоких социальных потрясений, перемен, войн и революций особенно велико. В это время знамена становятся как никогда важным орудием политической борьбы, средством агитации и пропаганды, с помощью которого те или иные партии и классы, группы и группировки ведут борьбу за овладение массами. Не являлось исключением в данном случае и крестьянское повстанческое движение на Украине 1918 — 1921 гг., вошедшее в историю под названием «махновщина». В обширной историографии махновского движения вопрос о знаменах повстанческих формирований специально никогда не рассматривался. Сообщаемые же в литературе сведения о махновских знаменах носят, как правило, случайный характер и ограничиваются лишь указанием на их цвет [1, с. 1494; 2, с. 303].

Как следует из воспоминаний Н.И. Махно, в 1917 — 1918 гг. Гуляйпольская крестьянская группа анархистов-коммунистов имела черное знамя с надписью: «С угнетенными против угнетателей всегда!» [3, с. 13]. Черные знамена являлись также символом первого вооруженного формирования (т. н. отряда «Черной гвардии»), созданного в 1917 г. в Гуляй-Поле по инициативе Н.И. Махно. Известный украинский военный деятель, генерал-поручик армии УНР М. Омелянович-Павленко, касаясь в одной из своих работ вопроса зарождения махновского движения, отмечал: «Черный цвет на знаменах и лентах избирается внешним признаком махновцев» [4, с. 283]. Имеющиеся данные указывают на то, что с самого начала возглавляемое Н.И. Махно повстанческое движение зарождалось и развивалось под анархистскими черными знаменами. Так, в своем обращении к гражданам с Новоспасовки, датированном 18 марта 1920 г., один из активных участников махновского движения В.Ф. Белаш писал: «На Украине во время власти гетмана,

германо-австро-гайдамаков вышел из среды гуляйпольских крестьян Б[атько] Махно, который поднял Черное знамя восстания против душителей крестьян и рабочих, за Б[атько] Махно пошли все трудящиеся Украины — крестьяне и рабочие...» [5, с. 336].

Главную роль в выборе символики, надо полагать, сыграл сам Махно, считавший себя анархистом-коммунистом и пользовавшийся среди населения известным авторитетом. Позднее, в эмиграции, он вспоминал, как «под черными анархическими знаменами... воспитывалось трудовое крестьянство» [6, с. 111; 7, с. 5 — 6]. Воспоминания Махно подтверждаются целым рядом других, имеющихся в нашем распоряжении, источников. Так, например, известно, что в октябре 1918 г. одна из повстанческих групп Александровского уезда действовала под черным знаменем, на одной стороне которого было написано «страшна смерть буржуям», а на другой — «веселе життя біднякам» [8, с. 42; 9, с. 56]. Наличие у махновцев черных знамен во время захвата Гуляй-Поля зафиксировано также в периодической печати того времени [10, л. 22]. Вместе с тем, как свидетельствуют некоторые данные, отдельные повстанческие формирования, подчинявшиеся штабу Махно, использовали не черные, а красные знамена. Вот как, например, описывает в своих воспоминаниях появление осенью 1918 г. в селе Андреевка Бердянского уезда махновцев А.В. Коморный: «Промчалась тачанка с красным флагом, на котором было написано неровными буквами: «Смерть буржуям и их капиталу!» [11, с. 211]. В.Ф. Белаш, оказавшийся в начале января 1919 г. в Гуляй-Поле, позднее вспоминал: «У штаба висели тяжелые черные знамена с лозунгами: «Мир хижинам, война дворцам», «С угнетенными против угнетателей всегда», «Освобождение рабочих — дело рук самих рабочих». Дальше виднелись красные флаги вперемешку с черными, развешанные, видимо, у зданий гражданских организаций. Рядом со штабом, у входа в «Волостной Совет рабочих, крестьянских и повстанческих депутатов» висели два флага — один черный с надписью: «Власть рождает паразитов. Да здравствует анархия!», другой — красный с лозунгом: «Вся власть советам на местах!» [12, с. 201 — 202].

В феврале 1919 г. повстанческие отряды, подчинявшиеся Махно, образовали 3-ю бригаду в составе 1-й Заднепровской стрелковой дивизии под командованием П.Е. Дыбенко. При этом, как сообщает в своей книге П. Аршинов, они должны были сохранить при себе черные знамена [13, с. 94]. Утверждение П. Аршинова было подвергнуто сомнению в исследовании А.В. Тимощука, который отметил, что оно противоречит официальным штабным документам бригады и «черных флагов она не имела» [14, с. 37]. Действительно, судя по имеющимся данным, в частях бригады в этот период получили распространение революционные красные знамена. Так, по воспоминаниям уже упоминавшегося А.В. Коморного, весной 1919 г. в студию художника А.А. Брянцева в с. Андреевка явились представители штаба Махно. Цель визита заключалась в следующем: «Надо было написать «золотом»... на темно-красных знаменах тексты с названиями полков и эскадронов: 1-й кавалерийский полк им. Батьки Махно, 2-й кавалерийский полк им. Батьки Махно, 1-й, 2-й, 3-й сабельные эскадроны и 4-й пулеметный эскадрон. Каждое знамя выполнить в 2 экземплярах» [11 с. 213]. Оформлением «полковых и эскадронных знамен махновской армии» занимался А.В. Коморный [11, с. 216].

Заслуживает внимания и факт представления двух полков бригады Махно к награждению Почетными революционными Красными Знаменами. В своем донесении командующему группой войск Харьковского направления от 9 апре-

ля 1919 г. о взятии города Мариуполя П.Е. Дыбенко писал: «За сверхдоблестное поведение в боях ходатайствую о награждении 8-го и 9-го полков Красными Знаменами» [5, с. 109]*. Несмотря на широкое внедрение в бывших повстанческих частях революционной красной символики, отдельные махновские формирования продолжали использовать прежнюю анархистскую символику. Более того, как следует из некоторых документов, влияние махновцев распространялось и на другие части. В связи с этим в бюллетене № 26 от 30 апреля 1919 г. Центрального бюро связи при информотделе наркомвоена Украины о положении в 6-м полку 2-й дивизии Украинской Красной армии сообщалось: «На полковом митинге раздавались призывы к оружию, против коммунистов и евреев. Среди красноармейцев раздавались возгласы: «Да здравствует Батько Махно!», «Да здравствует черное знамя!». Многие красноармейцы носят черные ленты» [15, с. 50].

После разрыва с советской властью, последовавшего в июне 1919 г., Н. Махно вновь возвращается к анархистской символике [16, с. 105], а черный цвет с этого времени становится неизменным символом махновского повстанческого движения. Летом 1919 г., в условиях отступления Красной армии из Украины, некоторые красноармейские части, сформированные из бывших повстанцев, стали переходить на сторону Махно. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Ф. Анулов, 13 августа 1919 г. в частях 58-й дивизии, сосредоточенной в районе Новый Буг, вспыхнул военный бунт «под махновскими лозунгами и черным анархистским знаменем» [17, с. 69]. Из этого можно заключить, что красноармейцы, переходившие на сторону повстанцев, заменяли свои красные знамена черными. Кроме того, в литературе встречаются упоминания о том, что отдельным частям черные знамена вручались из рук самого Махно. Так, по некоторым данным, черное знамя было вручено перешедшему на сторону махновцев 3-му Крымскому полку под командованием М.Л. Полонского [16, с. 109].

В августе 1919 г. под командованием Махно создается новая повстанческая армия, которая в октябре получила наименование «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев)». В этот период каждая повстанческая часть или отряд имели собственное знамя. Как свидетельствуют сохранившиеся материалы, оно состояло из полотнища черного цвета, прикрепленного к древку с навершием или без него. По размерам, форме, эмблемам и надписям на полотнищах знамена не имели единого образца. Известный исследователь махновского движения В.Н. Чоп в одной из своих ранних работ о Махно указывает, что наряду с черными в повстанческих частях использовались также красно-черные знамена. Однако данная информация, равно как и сообщаемые автором сведения о том, что жена Махно Г. Кузьменко «в придачу к черным пошила и подарила частям желто-синие знамена с надписью: «Хай живе селянська революція», известными источниками не подтверждаются [18, с. 46]. Главным знаменем армии, по мнению В.Н. Чопа, стало сохраненное с 1917 г. черное знамя Гуляйпольской группы анархистов-коммунистов с надписью «С угнетенными против угнетателей всегда!» [18, с. 46]. Однако, по свидетельству Волина (В.М. Эйхенбаума), принимавшего непосредственное участие в махновском движении в августе – декабре 1919 г., повстанческая армия имела «большое черное знамя» с надписями «Свобода или Смерть!» и «Земля крестьянам, фабрики рабочим!». Эти лозунги, как сообщает

* Несколько ранее, 2 апреля 1919 г. в телеграмме Совнаркому УССР П.Е. Дыбенко писал: «Прошу награждения 8-го и 9-го полков, артиллерийского дивизиона особыми красными знаменами и командира 8-го полка т. Куриленко орденом Красного Знамени» [49, с. 292].

далее Волин, были написаны серебряными буквами [19, с. 441]. Являлось ли данное знамя главным символом армии или же принадлежало какому-то отдельному отряду — неизвестно. Здесь отметим лишь то, что не вызывает сомнений — штаб армии и отдельные части имели черные флаги и знамена. Бывший командир одного из красноармейских отрядов, оказавшихся летом 1919 г. в плену у махновцев, позднее вспоминал: «Штаб Махно — в просторной избе в самом центре села (речь идет о с. Песчаный Брод — Ю.К.). Над воротами черный флаг» [16, с. 105]. Об этом же свидетельствуют данные оперативной сводки штаба Юго-Западного фронта № 254/оп от 9 февраля 1920 г. о действиях на боевых участках 12-й, 13-й и 14-й армии, согласно которым 42-м кавалерийским полком в районе Гуляй-Поля был рассеян штаб Махно и захвачено «штабное черное знамя» [20, с. 734]. В донесении начальника 45-й дивизии И.Э. Якира в штаб 14-й армии о занятии 5 января 1920 г. Александровска и встрече там с махновцами говорилось: «В городе... разъезжают крупные разъезды (махновцев — Ю.К.) по 80 — 100 сабель с черными знаменами» [21, с. 270].

Следует также отметить, что символика, использовавшаяся в Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) в конце 1919 г., не была однородной. Так, по свидетельству В. Мирошевского, 29 октября 1919 г. в Екатеринослав «ворвались махновские кавалеристы в фантастических нарядах, при черных и красных бантах» [22, с. 198]*. Определенный интерес для нас представляет также заметка «1654 (год)», опубликованная 27 ноября 1919 г. в украиноязычном органе революционных повстанцев (махновцев) «Шлях до Воли». В ней автор, подписавшийся как «Старий революціонер», писал: «Під жовто-блакитним прапором розбивали колись люди-людей... Розбиваємо й ми зараз під червоним. Та не в прапорах річ. Річ у тім, що на прапорі написано в того, хто йде на нас зараз» [23, с. 251]. Правда, по мнению В.Н. Чопа, речь в данном случае идет о красных знаменах, которые использовались в отрядах боротьбистов, присоединившихся к махновцам в ноябре 1919 г. [23, с. 251]**.

В октябре 1920 г. Махно заключил союз с Советской властью. Согласно условиям предварительного соглашения по военному вопросу между правительством УССР и Революционной повстанческой армией Украины (махновцев), последняя входила в состав вооруженных сил республики как партизанская, в оперативном отношении подчинялась высшему командованию Красной армии и сохраняла внутри себя «установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей Красной армии» [5, с. 485]. В соответствии с условиями заключенного соглашения Повстанческая армия выступила в поход на Врангеля под уже традиционными черными знаменами. Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания Г.Д. Пласкова, в которых он приводит описание встречи с махновцами осенью 1920 г.: «Наш артдивизион двигался к месту привала, когда вдали показалась колонна вооруженных всадников... Во главе ехал Каретников, за ним штаб... Правофланговые держали штандарты с надписями: «Вечная память основателю свободы батю Кропоткину», «Да здравствует анархия! Смерть законам!», «Долой деньги, да процветает свободный обмен» [24, с. 45]. В изданной в 1969 г. книге воспоминаний Г.Д. Пласкова приводится несколько уточненный и

* О черных лентах, носившихся махновцами в январе 1920 г., упоминает в своих воспоминаниях М.В. Омелянович-Павленко [4, с. 278].

** В ноябре 1919 г. в состав Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) на правах самостоятельной единицы вошли вооруженные формирования боротьбистов под командованием К.А. Матяша.

дополненный вариант этого эпизода: «Правофланговый каждого ряда держал на стремени штандарт на длинном древке. На черном бархате выведено: «Вечная память основателю свободы батю Кротопкину!», «Да здравствует вольность, анархия! Смерть законам!», «Вся земля крестьянам. Коммунистам — по три метра», «Освободителю украинских крестьян батюке Махно — слава!», «Долой деньги, да процветает свободный обмен!», «Бей сегодня Врангеля, завтра — совдепы!» [25, с. 66]. Если в отношении цвета описанных в воспоминаниях Г.Д. Пласкова «штандартов» сомневаться не приходится, то сообщаемые им сведения о некоторых надписях представляются выдуманными. Так, надпись «Вечная память основателю свободы батю Кротопкину!» вряд ли могла иметь место на махновском знамени осенью 1920 г., поскольку известно, что в это время П.А. Кротопкин был еще жив и скончался 8 февраля 1921 г. Сомнительной выглядит и упоминаемая автором воспоминаний надпись «Бей сегодня Врангеля, завтра — совдепы!».

О том, что представляли собой махновские знамена в конце 1920 — первой половине 1921 гг. дают представление следующие данные. По свидетельству польского анархиста Казимира Тесляра, побывавшего в Гуляй-Поле в конце 1920 г., на одной из главных улиц села «развевался на ветру черный флаг с надписью: «Штаб украинской махновской повстанческой армии» [26, с. 183]. В обзоре помощника начальника оперативного отдела штаба войск Украины В. Смирнова «Наши трофеи и потери Махно в боях с 27 ноября 1920 г. по 29 января 1921 г. включительно» сообщается о захвате двух махновских знамен — Азовской группы и Кубанского полка [5, с. 582; 27, с. 562 — 563]. Первое знамя было захвачено 13, второе — 16 декабря 1920 г. О захвате последнего имеется упоминание в статье М. Рыбакова «Махновские операции в 1920 г.», опубликованной в 1922 г. в журнале Военно-научного общества при Военной Академии РККА «Красная Армия». По свидетельству автора, у махновцев было взято «черное знамя с надписью «Угнетенные на угнетателей» [28, с. 16]. Об этом же знамени упоминает в своих воспоминаниях С.М. Буденный, сообщая, что «части Заволжской бригады захватили ... черное знамя Махно» [29, с. 177]*. Согласно данным Донецкого губотдела ГПУ Украины о действиях отдельных махновских отрядов на территории Донбасса в 1921 г., направленным в 1922 г. в судебный отдел Верховного трибунала УССР, 8 апреля 1921 г. отряд Ф. Кожы был настигнут в районе Мало-Михайловки кавполком Донецкдивизии ВЧК и вынужден принять бой, в ходе которого им были потеряны следующие «знамена: черное — «24-я Мариупольская кавгруппа украинск[их] повстанцев-махновцев. Жить свободно или умереть!», красное — «Да здравствует Красная армия, отстаивающая Социальную революцию!» [5, с. 708].

До сих пор мы не касались вопроса об изображениях, помещавшихся на махновских знаменах. Согласно широко распространенному мнению, в 1918 — 1921 гг. отряды Махно использовали черные знамена с изображениями черепов и скрещенных костей. Так, один из современных российских авторов в статье, посвященной этой символике, писал: «На знамени «анархо-коммунистов» большевицкого союзника «батюки» Махно, сорвавшего освободительный деникинский «поход на Москву», красовались ... «мертвая голова» и надпись «Смерть всім, хто на

* О том, что в бою у дер. Федоровки 16 декабря 1920 г. было захвачено «черное знамя Махно» сообщалось в приказе РВСР от 3 июля 1921 г. № 209, в связи с награждением Почетными революционными Красными Знаменами Отдельно-стрелкового и красно-гусарского Заволжских полков и учебной школы младшего командного состава при Заволжской сводной бригаде «за выдающуюся воинскую доблесть и примерную стойкость в боях с бандами Махно в декабре 1920 года и январе 1921 года» [50, с. 145].

пиришкоді добуття вільності трудовому люду» [30, с. 243]. Источником данного утверждения стала ныне широко известная фотография, на которой, как считается, запечатлено «махновское знамя» [31, ед. учета 0-53894]. Впервые она была опубликована в 1926 г. в книге З.С. Островского «Еврейские погромы 1918 — 1921 гг.» [32, с. 100]. Знамя представляет собой прямоугольное полотнище черного (?) цвета с изображением человеческого черепа над двумя скрещенными костями и надписью на украинском языке: «СМЕРТЬ // ВСІМ, ХТО НА ПИРИШКОДІ // ДОБУТЬЯ ВІЛЬНОСТІ // ТРУДОВОМУ ЛЮДУ.». Такие полотнища, крепившиеся к горизонтальному древку, использовались преимущественно во время демонстраций или же вывешивались на зданиях.

В 1927 г. в издававшемся в Париже журнале «Дело Труда» Н. Махно опубликовал статью «К евреям всех стран». В ней, касаясь ряда иллюстраций в упомянутой книге З.С. Островского, он писал: «Так, например, фотография: «Махновщина на походе» — помимо того, что не имеет ничего общего с погромами, она совершенно не махновская, как не принадлежит махновскому движению и фотография знамени с эмблемой черепа. Эти чужие фотографии в документе «еврейского общества» фигурируют под именем махновских» [6, с. 76]. Таким образом, учитывая опровержение Н.И. Махно, остается лишь догадываться, кому на самом деле принадлежало это знамя и к какому времени оно относится. Несмотря на это, до сих пор во многих изданиях фотография публикуется как имеющая непосредственное отношение к махновскому движению [33; 34; 35; 36], а реконструкции знамени, выполненные по данной фотографии, представлены в экспозициях нескольких краеведческих музеев Украины. Исполнены они из черной материи с нанесенными белой краской изображением и надписью.

В неопубликованных воспоминаниях А.П. Новакова сообщается, что махновцы «имели... флаг из черного сукна, диаметром (так в тексте, следует читать «размером» — Ю.К.) 1,5 x 1,5 метра, окаймленного кругом серебряной бахромой, в середине вставлено в виде герба из белого полотна человеческий череп» [37, л. 16 об.]. К сожалению, достоверность приведенного описания вызывает большие сомнения. Вместе с тем в источниках удалось обнаружить упоминание еще об одном знамени с интересующей нас символикой. Так, в докладе Донецкого губот-

*Псевдомохновське знамя,
опубліковане З.С. Островським*

дела ГПУ Украины «Банды Махно, их рейды и действия на территории Донбасса» от 8 мая 1922 г., направленном в судебный отдел Верховного трибунала УССР, отмечено: «Во время прохождения банды в районе Михайловка – Варваровка (в феврале 1921 г. – Ю.К.) разведка банды – около 50 сабель при 4 пулеметах – была в сл. Золотой Колодец..., имея красный флаг с изображением звезды, черепа и букв «РСФСР» [5, с. 704]. Следует отметить, что это едва ли не единственное документальное свидетельство наличия на повстанческих знаменах вообще каких-либо изображений. Большинство сведений, имеющихся в нашем распоряжении, отражают наличие на полотнищах знамен исключительно текстовой символики – надписей наименования частей или отрядов, призывов, лозунгов и т. д. Кроме упоминаний, выявленных в документах и литературе, это подтверждают сохранившиеся до наших дней уникальные образцы махновских знамен.

Знамя 2-го сводного пехотного полка повстанческой армии Украины

В фондах Национального музея истории Украины хранятся два знамени, которые принадлежали Революционной повстанческой армии Украины (махновцев).

Первое знамя (инв. № Т-109) представляет собой прямоугольное полотнище, обшитое по краям узкой белой каймой. На одной стороне знамени нашита выполненная из белой материи надпись в четыре строки: «2 й // СВОДНЫЙ ПЕХ. ПОЛК // ПОВСТ. АРМИИ УКРАИНЫ // МАХНОВЦЕВ», на другой – надпись в три строки «СМЕРТЬ // НАСИЛЬНИКАМ // ТРУДЯЩИХСЯ». Согласно описанию, внесенному в инвентарную книгу Национального музея истории Украины за 1948 г., знамя было выполнено из черной материи [38, с. 18].

Второе знамя (инв. № Т-110) представляет собой черное прямоугольное полотнище с нашитой с одной стороны надписью из белой материи: «ШТАБ // Рев. повстанцев // Искателей в партиях // правды // Отр. Каменева»*.

* В книге В. Прудникова без указания источника приводится информация о черном знамени атамана Каменева с надписью: «Штаб революционного отряда имени тов. Каменева» [39, с. 195 – 196].

Знамя штаба отряда Каменева

К сожалению, вследствие отсутствия документации довоенного периода, история поступления этих знамен в музейное собрание неизвестна. Вместе с другими экспонатами они были возвращены в музей из эвакуации в 1947 г.

Если верить информации, приведенной в одной из книг ветерана Червоного казачества И.В. Дубинского, в Государственном историческом музее в Киеве (ныне — Национальный музей истории Украины) хранилось махновское знамя, захваченное летом 1921 г. 1-м истребительным отрядом Киевского военного округа под командованием П.П. Григорьева [20, с. 120]. Как сообщает И.В. Дубинский, со ссылкой на воспоминания П.П. Григорьева, черная «святыня» махновцев была передана находившемуся тогда при отряде помощнику командующего вооруженными силами Украины и Крыма Р.П. Эйдеману [2, с. 418; 40, с. 203]. Приведенные И.В. Дубинским сведения о захвате в бою черного знамени махновцев подтверждаются воспоминаниями другого ветерана Червоного казачества П.З. Скуторова [41, с. 166]. К сожалению, каких-либо данных, указывающих на то, о каком знамени в данном случае идет речь, выявить не удалось.

Следует также остановиться еще на одном аспекте рассматриваемой нами темы. Известно, что в 1921 г. наряду со знаменами черного цвета махновскими отрядами широко использовались также и красные знамена. Наличие последних объясняется, прежде всего, особенностями тактики, которую применяли повстанческие формирования в борьбе с частями регулярной Красной армии [42, с. 299; 43, с. 33; 44, с. 52, 55]. С другой стороны, как полагают некоторые исследователи, они отражали политическую ориентацию некоторых повстанческих отрядов и их руководителей [45, с. 195].

В одной из информационных сводок Донецкой губернской ЧК о действиях «банды» Куриленко и Белаша весной 1921 г. сообщалось: «2 мая 1921 г. Гришинский уезд. Банда Куриленка-Белаша 29/IV-21 г. из Калиновки перешла на Казенторское, в ночь на 30/IV — Золотой Колодец... Банда в 200 сабель, 6 пулеметов, технически хорошо вооружена и разъезжает под красным флагом... 5 мая 1921 г. Юзовский уезд. При прохождении банды Белаша-Куриленко на ст. Очеретино банда шла под знаменем: «Мы власть не устанавливаем, пусть народ ее установит»... 7 мая 1921 г. Гришинский уезд. Банда Белаша-Куриленко в 23 часа 2 мая

в р-не Александровки-Варваровки имела бой с Барвенковским маневротрядом, после чего бежала на Беспаловку, оставив красное знамя с надписью: «Голодная Украинская Трудовая армия» [46, с. 185].

И.С. Кутяков, описывая в своих воспоминаниях о М.В. Фрунзе их встречу с отрядом Махно в местечке Решетилровка в июне 1921 г., отмечает: «Когда мы подскочили к церковной площади..., из-за поворота улицы вышла колонна повзводно... В первом ряду развевалось красное знамя, в центре колонны — свернутое знамя черного цвета» [47, с. 119]*. Отметим также, что даже накануне своего ухода за границу отряд Махно передвигался с красным знаменем [48, с. 108].

Приведенные в настоящей статье материалы свидетельствуют, что основным символом повстанческих формирований Н.И. Махно являлись черные знамена. Последние, несомненно, указывали на связь махновского движения с анархизмом. При отсутствии какой-либо регламентации, повстанческим знаменам были присущи определенные закономерности, выразившиеся в единстве цвета и наличии на полотнищах текстовой символики. Последней в отличие от изображений придавалось особенное значение. В обращении культурно-просветительного отдела Революционной повстанческой армии Украины (махновцев) к повстанцам, относящемся к лету-осени 1920 г., говорилось: «В течение трехлетней революционной борьбы вы доказали пролетариату всего мира, что вы стойко, героически сражались только за интересы трудящихся, что вы остались верными своим заветным целям, начертанным вами на ваших черных знаменах, когда вы впервые их подняли во имя полного освобождения и раскрепощения трудящихся от ига Капитала и Власти» [5, с. 473 – 474].

Литература

1. Голубничий В. Махно і махнівщина // Енциклопедія українознавства: Словникова частина. — Париж: Молоде життя, 1962. — Т. 4. — С. 1493 — 1494.
2. Дубинский И.В. Портреты и силуэты: Очерки, документальная повесть. — М.: Советский писатель, 1987. — 496 с.
3. Махно Н. Украинская революция (июль-декабрь 1918 г.) / Под редакцией т. Волина. — Париж: Издание Комитета Н. Махно, 1937. — 181 с.
4. Омелянович-Павленко М. Спогади командарма (1917 — 1920). — К.: Темпора, 2007. — 608 с.
5. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918 — 1921: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 1000 с.
6. Махно Н.И. На чужбине 1923 — 1934 гг.: Записки и статьи / Подборка и предисловие А.Скирда. — Париж: Громада, 2004. — 228 с.
7. Махно Н. Русская революция на Украине (От марта 1917 г. по апрель 1918 года). — Париж: Библиотека Махновцев; Федерация анархо-коммунистических групп Северной Америки и Канады, 1929. — Кн. I. — 211 с.
8. Верстюк В.Ф. Махновщина: селянський повстанський рух на Україні (1918 — 1921). — К.: Наукова думка, 1992. — 368 с.
9. Савченко В.А. Махно. — Харків: Фоліо, 2005. — 415 с.

* Описанный в воспоминаниях И.С. Кутякова эпизод имел место 15 июня 1921 г. [51, с. 131].

10. Центральный государственный архив общественных объединений Украины. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 80.
11. Семанов С.Н. Нестор Махно. Вожак анархистов. — М.: Вече, 2005. — 384 с.
12. Махновщина (Отрывки из воспоминаний В. Белаша) // Літопис Революції. — 1928. — № 3 (30). — С. 191 — 234.
13. Аршинов П. История махновского движения (1918 — 1921 гг.). — Берлин: Издание «Группы Русских Анархистов в Германии», 1923. — 258 с.
14. Тимощук А.В. Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 — август 1921 г.). — Симферополь: Таврия, 1996. — 128 с.
15. Кубанин М. Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. — Л.: Прибой, 1927] — 228 с.
16. Грудачев П.А. Багряным путём Гражданской. Воспоминания. — Симферополь: Таврия, 1971. — 130 с.
17. Анулов Ф. Станция Помощная (август 1919 г.) // Нестор Иванович Махно: Воспоминания, материалы и документы / Автор вступительной статьи и составитель В.Ф. Верстюк. — К.: РИФ Дзвін, 1991. — С. 68 — 72.
18. Чоп В. Нестор Иванович Махно. — Запорожье: РА Тандем У, 1998. — 84 с.
19. Волин В.М. Неизвестная революция, 1917 — 1921 / Пер. с франц. Ю.В. Гусевой. — М.: НПЦ Праксис, 2005. — 606 с.
20. Гражданская война на Украине. 1918 — 1920. Сборник документов и материалов. — К.: Наукова думка, 1967. — Т. 2. — 918 с.
21. Левензон Ф.Я. Проти Махна на денікінському фронті // Літопис Революції. — 1929. — № 2 (35). — С. 264 — 282.
22. Мирошевский В. Вольный Екатеринослав // Пролетарская Революция. — 1922. — № 9. — С. 197 — 208.
23. Чоп В.М. Газети махновського руху // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. — Запоріжжя: Просвіта, 2004. — Вип. XVII — С. 239 — 258.
24. Пласков Г. Две встречи // Герои и подвиги. — М.: Воениздат, 1968. — Кн. V — С. — 43 — 46.
25. Пласков Г.Д. Под грохот канонады. — М.: Воениздат, 1969. — 351 с.
26. Скирда А. Нестор Махно — казак свободы. 1888 — 1934. Гражданская война и борьба за вольные советы на Украине 1917 — 1921. — Париж: Громада, 2001. — 352 с.
27. Внутренние войска Советской республики. 1917 — 1922 гг. Документы и материалы. — М.: Юридическая литература, 1972. — 709 с.
28. Рыбаков М. Махновские операции в 1920 г. // Красная Армия. — 1922. — № 12. — С. 11 — 27.
29. Буденный С.М. Пройденный путь. — М.: Воениздат, 1973. — Кн. 3. — 408 с.
30. Акунов В. «Смертию смерть поправ». Череп и кости в русской военной символике // Рейтар. Военно-исторический журнал. — 2003. — № 1. — С. 235 — 244.
31. Центральный государственный кинофотофоно архив Украины им. Г.С. Пшеничного.
32. Островский З.С. Еврейские погромы 1918 — 1921 гг. — М.: Школа и книга, 1926 — 134 с.
33. Белаш А.В., Белаш В.Ф. Дороги Нестора Махно. Историческое повествование. — К.: РВЦ Проза, 1993. — 592 с.
34. Бережинский В.Г. Последние годы жизни атамана Н.И. Махно. — К.: НИЦ ГП ВСУ, 2000. — 39 с.

35. Волковинський В. Нестор Махно: легенди і реальність. — К.: Перліт продакшн, ЛТД, 1994. — 256 с.
36. Телицын В. Нестор Махно: Историческая хроника. — М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. — 448 с.
37. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. — Ф. 4712. — Оп. 6. — Д. 33.
38. Национальный музей истории Украины. — Книга поступлений за 1948 год. — Т. 1.
39. Дубинский И.В. Примаков. — М.: Молодая гвардия, 1968. — 176 с.
40. Дубинский И.В., Шевчук Г.М. Червонное казачество. — 5-е изд. — К.: Политиздат Украины, 1987. — 244 с.
41. Скугоров П.З. Розгромили отаманів // Червонці. Спогади ветеранів Червоного козацтва. — К.: Молодь, 1968. — С. 160 — 166.
42. Волковинский В.Н. Махно и его крах. — М.: Изд-во ВЗПИ, 1991. — 247 с.
43. Кучер О.О. Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні у 1921 — 1923 рр. — Харків: Вид-во Харківського ун-ту, 1971. — 171 с.
44. Н. Махно и махновское движение. Из истории повстанческого движения в Екатеринославской губернии: Сборник документов и материалов. — Д.: АО DAES, 1993. — 79 с.
45. Прудников В. Атаман из Гуляй-Поля. — Донецк: Регіон, 2000. — 242 с.
46. Беспечный Т.А., Букреева Т.Т. Правда и легенды о Махно. — Донецк: Донецчина, 1996. — 287 с.
47. Кутяков И.С. Три эпизода // М.В.Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. — М.: Воениздат, 1965. — С. 110 — 122.
48. Архирейський Д.В. Останній рейд Махна // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. — Запоріжжя: Просвіта, 2004. — Вип. XVII — С. 103 — 112.
49. Гражданская война на Украине. 1918 — 1920. Сборник документов и материалов. — К.: Наукова думка, 1967. — Т. 1. — Кн. 2 — 491 с.
50. Боевые подвиги частей Красной Армии (1918 — 1922 гг.). Сборник документов. — М.: Воениздат, 1957. — 239 с.
51. Волковинский В.Н. Из истории боевой деятельности М.В. Фрунзе по ликвидации политического бандитизма на Украине // История СССР. — 1982. — № 2. — С. 126 — 132.

Мозуленко Д.І.

СПІВВІДНОШЕННЯ НАПРЯМКІВ ПОЛІТИКИ КОРЕНІЗАЦІЇ ЗА МАТЕРІАЛАМИ ГАЗЕТИ «ЧЕРВОНЕ ЗАПОРІЖЖЯ» 1923 — 1929 РР.

Як засіб радянської державної пропаганди та агітації преса набула важливого значення в 1920 — ті рр., коли інші засоби масової інформації були ще слабо розвинуті. В умовах поступової, але неухильної державної роботи з ліквідації неписьменності преса відігравала важливу роль для забезпечення радянської свідомості широкого загалу населення. Крім того, преса була рупором усіх державних кампаній і зовнішнім поводителем для членів партії та інших громадян у складних поворотах державної політики, яка часто змінювалася. Припущення того, що публікації преси були підпорядковані політичним вимогам визначеного часу,

дозволяє робити висновок, яка політична кампанія була більш важлива для центрального керівництва у даний час, або визначити час корекції у межах однієї кампанії. Таке положення дає можливість припустити, що публікації щодо різних напрямків політики коренізації, а саме: українізації та коренізації національних меншин, не з'являлись у центральній та місцевій пресі просто так, а були підпорядковані вимогам політичного моменту та вимогам московського, харківського та окружного керівництва. Порівняння кількості публікацій, які були присвячені двом напрямкам політики коренізації, таким чином, дозволяє припустити, що коли за кількістю публікацій переважав один з цих напрямків, то це означало його політичну перевагу у даний час над іншим. При цьому є зрозумілим деяка суб'єктивність матеріалів преси, залежність від місцевих умов (для окружної преси), від особистості самих газетярів, але загальна залежність від політичної ситуації існує. У поданому нижче матеріалі, який ґрунтується на всебічному вивченні публікацій газети «Червоне Запоріжжя», виходячи з наведеного припущення, зроблена спроба показати у графічному вигляді співвідношення напрямків політики коренізації у 1920-х рр.

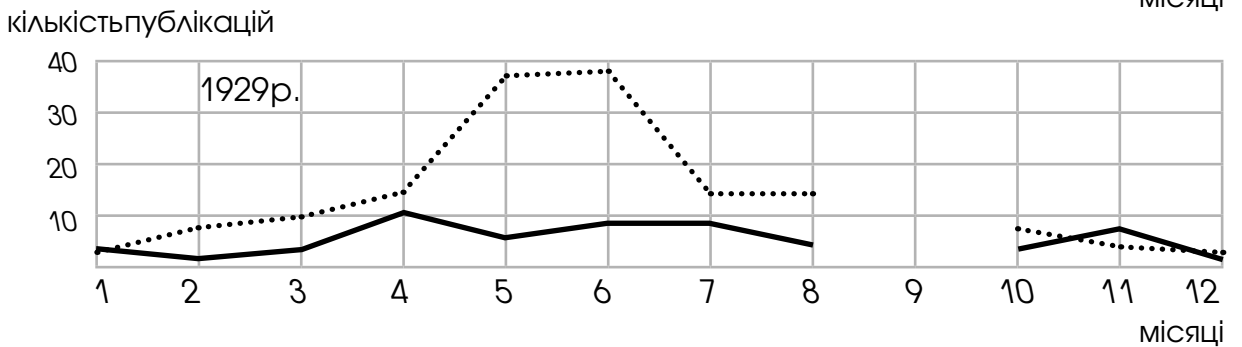
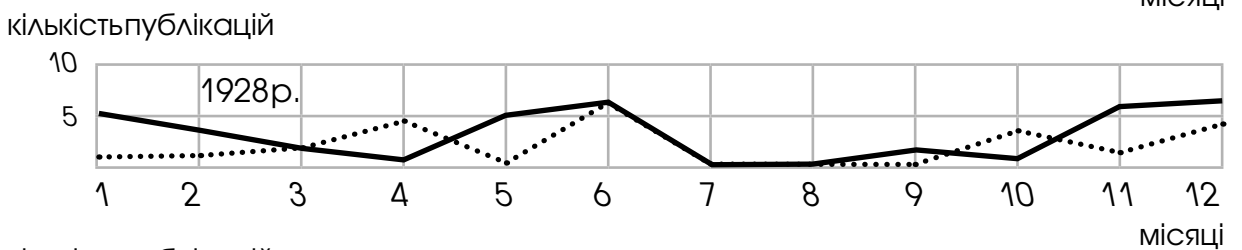
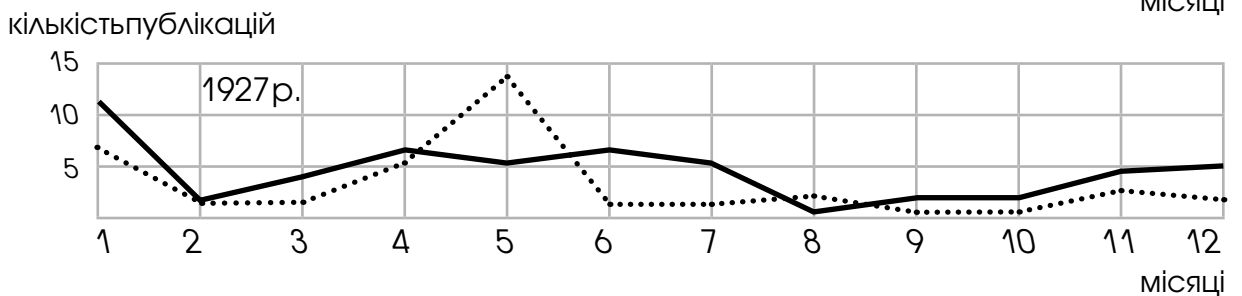
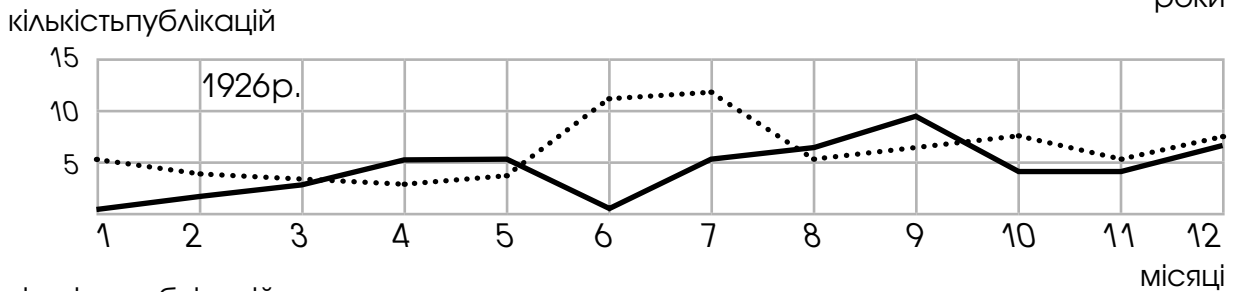
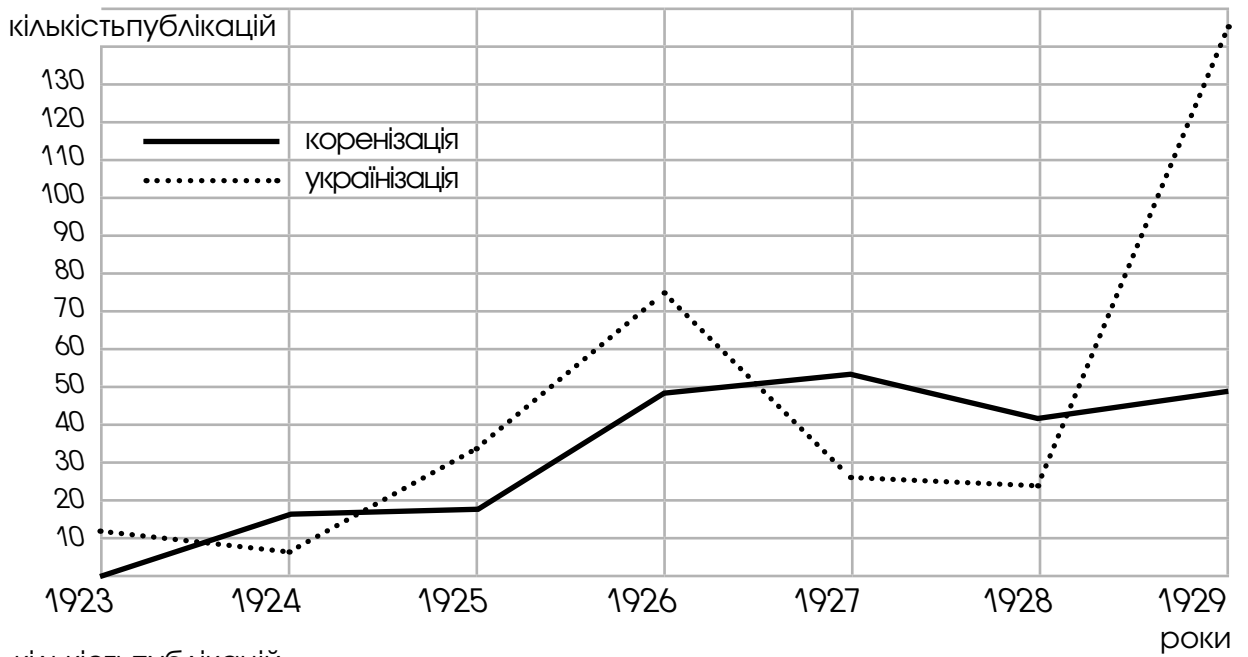
Матеріали преси 1920-х рр. широко вивчалися та використовувалися в історіографії як радянського, так і сучасного періодів. Вони були темою багатьох окремих досліджень [1; 2; 3; 4; 5]. Матеріали преси використовувалися також дослідниками при аналізі різних аспектів політики коренізації [6, с. 162; 7, с. 39 – 40; 8, с. 74, 79 – 83].

Аналізуючи газетні матеріали, треба чітко окреслити, які з них треба відносити до політики коренізації. Так, у даному дослідженні, до матеріалів з політики коренізації належать статті за наступними темами:

- Офіційні повідомлення про заходи запровадження політики коренізації центральними урядами;
- Офіційні повідомлення про заходи запровадження політики коренізації в інших округах УСРР;
- Офіційні повідомлення, про заходи в Запоріжжі та окрузі запровадження політики українізації (перевірка рівня українізації службовців, заходи з українізації місцевої преси, українізація шкіл та вузів, офіційні повідомлення про заходи під час місячника української культури тощо);
- Офіційні повідомлення про заходи в Запоріжжі та окрузі щодо національних меншин (утворення та діяльність національних державних установ та осередків, наприклад, національних судових камер або написання стінгазет національною мовою в установах, де працювало багато представників даної національної меншини, утворення національних адміністративно – територіальних одиниць, популяризація їх утворення, офіційні повідомлення про їх повсякденне життя, популяризація діяльності радянських національних організацій, наприклад ТЗЕТу* тощо);
- Повідомлення, щодо напрямків політики коренізації, які не мають прямого офіційного вигляду – різного роду публіцистичні, сатиричні та просвітительські (ознайомчі) матеріали.

До матеріалів з політики коренізації не були зараховані статті з антирелігійної тематики (йдеться про традиційну критику відзначання релігійних свят євреями та німцями округи) та досить численні повідомлення про побутові випадки антисемітизму (випадки, які можна пов'язати з реакцією на утворення єврейських

* Товариство по земельному облаштуванню єврейських трудящих.

Співвідношення політики українізації та коренізації національних меншин за матеріалами газети «Червоне Запоріжжя»

національних адміністративно – територіальних одиниць зараховані до загальної кількості, наприклад повідомлення про «Покровську справу»). Вони не зараховані тому, що відносилися до іншого напрямку радянської внутрішньої політики, який мав назву – «боротьба зі старим побутом».

Пояснення та коментарі до графіків можна подати у вигляді стислого переліку тих повідомлень, які були в газеті, та подій, яким ці повідомлення були присвячені. Вони подані у хронологічному порядку за роками, а період 1926 – 1929 рр. – за місяцями. «Рахунок» між кількістю статей, присвячених різним напрямкам політики коренізації, поданий таким чином: «українізація»: «коренізація національних меншин». Статті, назви яких наведені у цьому переліку, або найбільш характерні за своїм змістом, або є цікавими з точки зору співвідношення різних напрямків політики коренізації.

1923 – 12:0:

Назви статей: «Українізація професійного апарату»; «Село повинно бути українізовано»; «Українізація пройде безболісно»; «Українізація йде швидким темпом».

1924 – 7:16 (лютий – травень – 4:2, липень – грудень – 3:14):

Тільки одна стаття про українізацію в Запоріжжі («Перший екзамен на українській мові. Учні – відповідальні робітники»), інші – рішення центру з цього питання. Також статті про єврейські колонії Запорізької округи, про появу національних сільрад єврейських та німецьких, тобто про місцеві події.

1925 – 34:18:

Січень – квітень – 4:2 – Постанова ВУЦІК та Раднаркому про українізацію радянського апарату та запорізька реакція на це.

Травень – 4:1 – стаття під назвою: «Чому ця стаття надрукована не українською мовою». Постанова ВУЦІК та Раднаркому про українізацію. «Українізацію завершити до січня 1926 року».

Червень – 6:0 – постанови ВУЦІК та Раднаркому про українізацію та дублююча постанова Окружкому КП(б)У.

Липень – 4:2 – перевірка стану українізації установ у Запоріжжі.

Серпень – 0:2 – поточні статті.

Вересень – 6:3 – поточні статті.

Жовтень – 4:5 – Пленум Запорізького окружного КП(б)У.

Листопад – 0:1 – головне питання про лікбез (багато статей).

Грудень – 6:2 – IX з'їзд КП(б)У, доповідь Л. Кагановича; 30 грудня – стаття про перегини в українізації в місцях компактного розселення нацменів.

1926 – 72:49:

Січень – 5:0 – поточні статті.

Лютий – 3:2 – поточні статті.

Березень – 3:3 – безпартійна єврейська робітничка конференція, про українізацію – поточні статті.

Квітень – 3:5 – Сесія ЦК СРСР; Виступ В. Затонського: «Російська мова не пригнічується», Пленум ЦК КП(б)У, доповідь Л. Кагановича.

Травень – 3:5 – VIII окружний з'їзд рад у Запоріжжі.

Червень – 11:0 – Пленум ЦК КП(б)У про українізацію.

Липень – 12:5 – Пленум Окружкому – дублюючі постанови.

Серпень – 5:7 – обстеження українізації сільських районів, робота з єврейськими переселенцями.

Вересень – 6:9 – поточні статті про українізацію та єврейських переселенців.

Жовтень — 7:3 — Всеукраїнська партійна конференція — головна увага українізації.

Листопад — 5:3 — поточні статті.

Грудень — 7:7 — III Всеукраїнський з'їзд профспілок, конференція ТЗЕТу в Харкові. 1927 — 26:54:

Січень — 7:12 — перші українські збори працівників нацмен.

Лютий — 1:1 — поточні статті.

Березень — 1:4 — статті про єврейських переселенців.

Квітень — 5:7 — IX окружний з'їзд Рад Запоріжжя — помилки — перегини в українізації.

Травень — 14:5 — поточні статті.

Червень — 1:7 — статті про ОРП — організацію ремісницької праці серед євреїв, Всеукраїнський з'їзд адмінпрацівників.

Липень — 1:5 — Постанова ВУЦІК та Раднаркому: «Забезпечити рівноправ'ї усіх мов».

Серпень — 1:0 — поточні статті.

Вересень — 0:2 — поточні статті.

Жовтень — 0:2 — поточні статті.

Листопад — 3:4 — XII окружна партійна конференція та X з'їзд КП(б)У.

Грудень — 2:5 — Нарада нацмен працівників.

1928 — 24:41:

Січень — 1:5 — Перша окружна конференція ТЗЕТу.

Лютий — 1:3 — стаття під назвою «Про українізацію запоріжці стали забувати».

Березень — 2:2 — поточні статті.

Квітень — 4:1 — поточні статті.

Травень — 1:5 — двотижневик ТЗЕТу.

Червень — 7:7 — Перевірка стану українізації державних службовців; пленум Запорізького виконкому про українізацію, перевірка рівня підготовки до виділення національних районів.

Липень та серпень — 0:0.

Вересень — 0:2 — поточні статті.

Жовтень — 3:1 — Збори окружної агітпросвіти про українізацію.

Листопад — 1:6 — питання ТЗЕТу.

Грудень — 4:7 — XIII окружна партійна конференція — теза: українізація не самоціль; питання ТЗЕТу та єврейських переселенців.

1929 — 145:49:

Січень — 3:4 — питання українізації в Запоріжжі та статті про напади на євреїв — колоністів восени 1928 р..

Лютий — 6:1 — різні питання стану українізації в Запоріжжі.

Березень — 9:3 — початок українізації «Червоного Запоріжжя».

Квітень — 14:10 — підготовка до місячника української культури, положення єврейських колоній та приїзд єврейських письменників.

Травень — 36:5 — початок тримісячника української культури; конференція ТЗЕТу.

Червень — 38:7 — продовження тримісячника української культури, положення євреїв округи.

Липень — 14:7 — закінчення тримісячника української культури, положення євреїв округи.

Серпень — 14:4 — підготовка до повної українізації газети.

Вересень — у ДАЗО відсутні номери за цей місяць.

Жовтень — 6:3 — статті про український театр та мистецтво, відкриття єврейського національного району.

Листопад — 3:6 — відкриття німецького національного району.

Грудень — 2:0 — поточні статті.

Таким чином, подане дослідження є спробою показати співвідношення двох напрямків політики коренізації в 1920-ті роки за допомогою ретельного вивчення матеріалів газети «Червоне Запоріжжя». Необхідно зазначити що матеріали лише одного джерела не виявляють реальної ситуації, яка вивчається. Для повної апробації цього методу треба провести декілька подібних досліджень, тобто аналогічним чином вивчити інші газети даного часу та регіону, а також знайти інші варіанти дослідження цієї проблеми. Але використовуваний метод дозволяє аналізувати газетний матеріал та представити його у графічному вигляді, тобто у вигляді визначеного процесу, який розвивається в часі. Припущення про залежність преси від вимог політичного моменту не може бути повністю доведеним тому, що в цьому питанні дуже велику роль відіграє суб'єктивний фактор. Але загальне розуміння політичної системи дозволяє робити таке припущення. Так чи інакше, не зважаючи на недосконалість цього підходу, він є спробою знайти відповідь на питання співвідношення напрямків політики коренізації в 1920-ті рр.

Література

1. Букач В.М. Печать и национальная политика советского правительства в Украине в 1921 — 1925 гг. — Одесса, 2000. — 42 с.

2. Костюкова О.М. Журнал «Краєзнавство» — цінне джерело вивчення екскурсійно — краєзнавчої роботи в Україні // VII Всеукраїнська наукова конференція «Історичне краєзнавство в Україні: традиції та сучасність». Матеріали пленарного та секційних засідань. — К.: Рідний край, 1995. — С. 113 — 114.

3. Коцур В.П. Партійно — радянська преса на початку 20-х рр. // УІЖ. — 1990. — № 10. — С. 46 — 54.

4. Мозуленко Д.І. Ставлення населення до політики українізації за матеріалами газети «Красное Запорожье» під час тримісячника української культури (травень — липень 1929 р.) // Державна етнонаціональна політика: правовий та культурологічний аспекти в умовах Півдня України. Збірник наукових праць Всеукраїнської науково — практичної конференції 4 — 5 жовтня 2001 р. — Запоріжжя: Облдержадміністрація, ЗНТУ; Симферополь: Доля, 2001. — С. 97 — 100.

5. Орлянський В. Єврейська тематика на сторінках газет півдня України в 1920-ті рр. // Наукові праці історичного факультету ЗДУ — Запоріжжя, 2001. — Випуск XIV. — С. 243 — 257.

6. Мартинчук І.І. Мережа та діяльність культурно-освітніх установ національних меншин Донбасу в 1920-ті роки // Актуальні проблеми вітчизняної історії. Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. Луганськ, 8 — 9 лютого 2001 р. — Луганськ: СНУ, 2001. — С. 161 — 163.

7. Стременицька В. Проведення українізації в сільській місцевості Півдня України у 1920 — 30-ті роки // Схід. — 2001 — № 1 (38). — С. 37 — 42.

8. Якубова Л.Д. Тенденції етнокультурного життя УСРР у контексті коренізації (1924 — 1935 рр.) // УІЖ. — 2006. — № 2. — С. 74 — 88.

Тараненко С.В.

«... АКТ МАВ СВОЇМ ПРИЗНАЧЕННЯМ ОБМАНУТИ ПАРТІЮ І УРЯД ...»

Цілком таємні справи Дніпропетровського державного архіву розповідають про злочинну політику комуністичної партії щодо хлібозаготівель 1932 – 1933 років, іншими словами, як компартія знищувала українських селян.

Плани хлібозаготівель були непосильні. Щоб попередити нестачу хліба для власних потреб селян, щоб попередити голод, бо він у липні 1932 року був уже очевидним, керівники Орхівського району Дніпропетровської (тепер Запорізької) області створили декілька комісій, які на початку липня 1932 року обстежили стан посівів і досягання усіх сільськогосподарських культур і склали акти.

«Акт 1932 р. липня 6-го дня комісія в складі: зав. РЗВ – Луценко, Голови РКС – Пригоди, голови РКК – РСІ – Ордельяна, нач. ДПУ – Базілія, керуючого райконторою Заготзерно – Бурковського, директора Орхівської МТС – Мідвідя, агрономів: РЗВ – Аністрата, РКС – Журавського, МТС – Бульби в присутності голів с/рад, правлінь колгоспів, польоводів та бригадирів, обстежили шляхом об'їздів колгоспів, одноосібних господарств та не усупільнені посіви колгоспників Орхівського району, встановили:

По селянському сектору Орхівського району було посіяно з осені 1931 р. озимої пшениці 33814 га, жита 5550 га, з яких за термін з осені по 15/6 – 32 р. загинуло цілком від пошкодження гесенкою, вимерзання, пізнього сіву озимої пшениці – 14563 га, жита – 297 га, а за термін з 15/6 – 32 р. по 6/7 – 32 р. загинув цілком врожай від пошкодження гесенкою, хлібним жуком та проливних дощів в момент запилення жита – 878 га, вівса – 94 га, та від несвочасної прополки, пошкодження шкідниками (ховрахи, ворони) та частково від недоброякісного посів матеріалу загинуло: кукурудзи – 625 га, сояху – 277 га, проса – 94 га, разом загинуло жита – 1184 га, озимої пшениці – 15485 га, ярової пшениці – 474 га, ячменю – 878 га, вівса 98 га, кукурудзи – 825 га, сояху – 277 га, проса – 94 га, а разом усіх культур – 18315 га (в тому числі від градобою: жита 278 га, озимої пшениці 445 га, ярової пшениці 11 га, ячменю 83 га, разом – 817 га.

На решті площі, дякуючи пошкодженням – гесенкою, хлібним жуком, тріпсами, листовою іржою та проливними дощами в момент квітня врожайність на залишившійся площі по стану на 6/7 – 32 р. встановлено по секторах в такому розмірі:

Жито	3726	3,5	640	3,8	4366
Озимої пшениці	17873	3,7	455	4,7	18328
Ярої пшениці	1797	5,2	18	5,0	1815
Ячмінь	6828	6,3	159	7,1	6987
Овес	1540	9,2	27	8,8	1567
Просо	3015	7,4	113	6,9	3128
Кукурудза звичайна	6072	8,7	317	8,6	6389 і т. і.

Про вище перелічене й складено цього акту.

Комісія: підписи»[1, од. зб. 494, арк. 140 – 141].

Про організацію комісій розповів на допиті і заступник голови райвиконкому і голова план бюро Ф.С. В'ялих. «В первых числах июля месяца 1932 г., когда еще не знал о размерах годового плана хлебозаготовок по Ореховскому району, я

тогда выполнял обязанности пред. РИКа, т. к. Поламарчук был в отпуску, зашел в РИК т. Скичко — зав. орг. РПК, дал мне список членов партии, ответственных работников и говорит: «Этих людей немедленно послать в район для обследования урожайности». Через некоторое время того же дня вызывает в РПК меня т. Головин и говорит, как ты плохо хазяйничаешь, хлеб у тебя пропал, а ты молчишь, показывает мне пучек пустых колосьев озимой пшеницы. Я ему ответил, что такое положение, что есть в некоторых с/с озимые посевы без зерен, но нельзя же поднимать паники. Вечером того же дня созвали собрание бюро РПК, организовали три комиссии для выявления гибели посевов и состояния урожая по каждому колхозу и с/с отдельно из следующих лиц:

1. Ордельян И. Т., Медведь директор МТС.
2. Луценко — зав. РЗО и т. Базилий Нач. Отд. ГПУ
3. Пригода — председатель РКС и Бурковский — управляющий Заготзерно.

Этим комиссиям предложили взять в комиссию по агроному и работу закончить так, чтобы уже материалы доставить в областные организации 10 июля, работа была проделана и т. Луценко отвез материал в областные организации. Акт этот все вышепоименованные лица подписали и за верность урожайности отвечают, за исключением т. Базилия, каковой сказал, что моя подпись на акте недействительна» [1, од. зб. 494, арк. 143].

В обвинувальному висновку наведені «докази злочинності» комісій. «Помимо определения урожайности, комиссии поставили себе целью уменьшение количества посева путем его уничтожения. Пребывая в колхозах, комиссии предлагали уменьшить площадь посева и определенное количество гектар скосить на сено. По коммуне «Свобода» было предложено скосить 300 га озимой пшеницы на сено. Однако, коммуна этого не сделала и при уборке урожая с этих «окончательно погибших» посевов собрала в среднем по 1 1/2 центнера с га» [1, од. зб. 494, арк. 163]. Урожайність в 150 кг з га — майже повна загибель посівів. Коментарі зайві.

«Весь ярый посев пшеницы «арнаутка», ячмень и овес председателем комиссии, он же — пред. Райколхозсоюза — Пригодой был определен, как погибший на все 100%, хотя он еще был совершенно зеленый и даже еще не созрел и определить тогда урожайность было не возможно. Несмотря на это, все же Пригодой был составлен акт и им же было дано распоряжение через 2-3 дня весь ярый посев, установленный актом как погибший скосить на сено. Незначительная часть посева все же была скошена» [1, од. зб. 494, арк. 163].

«Собрав материалы «деятельности» этих комиссий 6 июля с. г. (1932 р.), Зав. Райземаотделом Луценко и агроном Анистрат суммировали в один общий акт, результаты обследования и определили, что из числа 33814 га озимой пшеницы пропало 14563 га, что составляет 43,6 %. Из числа же 5550 га жита, погибло 1184 га или 21,3 %. Ярых культур погибло — 2646 га, в том числе ярой пшеницы — 474 га. В общем, общая площадь погибшего посева актом констатировалась в 18315 га.

Урожайность колхозных полей актом определена значительно меньше, чем урожайность с полей индивидуальных хозяйств, а именно:

Наименование культур	по колхозпах		по индивид. сектору	
	площадь	урожай с га	площадь	урожай с га
Жита	3726	3,5	640	3,8
Озимой пшеницы	17 873	3,7	455	4,7
Яровой пшеницы	1797	5,2	18	5,0 и т. д.»

[1, од. зб. 494, арк. 163 — 164]. Урожайність подана в центнерах з гектара.

Пригода та Ордельян на допитах визнали, що зазначена в актах площа озимих сходів як таких, що загинули, перебільшена.

«На следующий день по составлении акта Зав. Райземотделом Луценко выехал в областные организации предупредить о состоянии посева в районе и чтоб район получил преуменьшенный план хлебозаготовок.

Однако, областные организации не только не поверили этим цифрам, но и указали на недопустимость создания таких комиссий, которые деморализуют партийные и советские организации, создают нездоровые настроения в колхозах и по существу ведут к срыву хлебозаготовительной компании.

Вокруг полученного в это время Июльского плана хлебозаготовок в 5000 тонн, с целью срыва его, заменявший в то время секретаря РПК — Головина — Скичко, созвал совещание членов бюро РПК и поставил вопрос о нереальности плана и невозможности его выполнения. Выступали Скичко, Ордельян, Вялых и возвратившийся с области Луценко особенно доказывал, что урожай очень плохой, что жучки и другие полевые вредители испортили посев. Члены Бюро РПК, проникнутые такими же контрреволюционными саботажническими тенденциями, как и Скичко признали план нереальным и никакой борьбы за его выполнение не вели.

В результате Июльский план хлебозаготовок выполнен был на 0,9 %, что составляет в абсолютных цифрах 35 тонн хлеба, при чем, за первые 3 пятидневки июля мес. не поступило ни одного центнера хлеба.

После того, как областными организациями признана работа комиссии неправильной и оппортунистической и после того, как бюро райкома засудило работу этих комиссий, Головин, Паламарчук, Ордельян, Пригода, Луценко, Андрющенко, Вялых, Базилевич — Скипан, Бурковский по существу продолжали еще с большей энергией осуществлять саботаж в хлебозаготовке, являясь прямыми дворушниками, голосуя в присутствии представителей областных организаций, за решение Бюро РПК, осудившие все эти действия, а на деле не прекращали свой саботаж и срыв плана заготовок.

Получив через несколько дней уведомление, что план по району установлен в 21 440 тонн, его обсудили на бюро РПК, признали нереальным и приняли к сведению»[1, од. зб. 494, арк.164-165].

«Секретарь Райпарткома Головин, будучи в коммуне «Авангард» зная о решении партячейки о нереальности плана, на бюро ячейки говоря о хлебозаготовке заявил: « План надо принять, каким-бы он ни был и выполнив на 30 % заявили-бы о нереальности плана. Разве мы, районные работники, не знаем, что план не реальный, но сейчас, в данное время, нужно ставить вопрос так, чтобы он был принят.

...Во время пребывания в Ново-Карловском с/Совете, Головин также заявил, что в этом постановлении, которого они вынесли о нереальности плана допущена политическая ошибка в том, что не приступив к задаче зернохлеба по плану, начали говорить о нереальности его. А говорить следовало лишь тогда, когда план был-бы выполнен процентов на 70»[1, од. зб. 494, арк. 167].

«Председатель Райколхозсоюза для того, того чтобы скрыть хлеб от задачи его государству, по линии колхозной системы, дал категорическое предложение колхозам, под страхом судебной ответственности, в первую очередь забронировать фонды для скота, свиней и птиц, и пр. Бронировка этих фондов, была не только явно преувеличена. Но и определенно вредительская.

Ярким показателем бронирования «дутьих» фондов в данном случае может послужить тот факт, что из собранного урожая, забронированной площади посева для свинарских ферм, отдельные колхозы пытались излишки зернохлеба вывозить в план хлебозаготовок, а Пригода категорически запрещал» [1, од. зб. 494, арк. 168].

7 грудня 1932 р. ЦК ВКП(б) розіслав до відома усім секретарям обкомів, крайкомів та райкомів слідчі матеріали про саботаж хлібозаготівель в Орхівському районі України, які 27 листопада 1932 р. генеральному секретарю ЦК КП(б)У Косіору надав голова ДПУ України С. Реденс. У супроводжувачому листі Й. Сталін дав наказ: «Так как враг с партбилетом в кармане должен быть наказан строже, чем враг без партбилета, то следовало бы людей вроде Головина (бывший секретарь Ореховского райкома), Паламарчука (бывш. Пред. рика), Луценко, Ордельяна, Пригоды и других немедля арестовать и наградить их по заслугам, т.е. дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения» [1, од. зб. 484, арк. 143].

14 грудня 1932 року, коли вже став відомим зміст сталінського вердикту про Орхівську справу, бюро Дніпропетровського обкому у своїх рішеннях зазначило, що: «1. ... оно допустило ошибку в том, что сняв руководство Ореховского района (Ордельяна б. пред. РКК постановлением от 23/8, а Головина и Паламарчука постановлением от 28/10) за разложенческую работу в районе за срыв осеннего сева и хлебозаготовок, как неоправдавших доверия партии — дело до конца не довело, не вскрыло всей контрреволюционной сущности организованного ими уговора, направленного на срыв хлебозаготовок, не исключило их из партии не отдало под суд, а ограничилось передачею вопроса об их партийности на рассмотрение Обл. КК. 2. За то, что бывшее руководство Ореховского района предало интересы партии, стало на прямой кулацкий путь обмана партии и пролетарского государства, на путь вредительства, организованного разложения колхозов, организовало саботаж хлебозаготовок, искусно прикрывая свою кулакую жульническую работу «согласием» с генеральной линией партии — Головина б. секретаря РПК, Поломарчука — б. пред. РИКа, Ордельяна б. пред. РКК, Пригоду б. пред. Колхозсоюза, Луценко б. зав. Рай. ЗУ, Базилевич б. женорга, как переродившихся, как врагов партии и рабочего класса — из партии исключить, арестовать и сурово покарать. 3. ...организовать слушание дела в Орехове показательным порядком не позже чем через 5 — 7 дней. 4. Опубликовать в печати от имени Прокуратуры постановление об аресте всех проходящих по делу лиц. Текст представить С-ту. 5. Обязать редакцию газеты «Зоря» подвергнуть в областной и районной печати решительному и всестороннему разоблачению всей контрреволюционной, вредительской, кулацкой работы б. Ореховского руководства. 6. Вопрос об уполномоченном РайГПУ т. Базилия рассмотреть особо с участием т. Реденса» [1, од. зб. 20, арк. 69 — 70].

Редакція газети «Зоря» партійну настанову виконала (опублікувала) дослівно і вже 15 грудня (1932 р.) на засіданні бюро Дніпропетровського обкому КП(б)У за участі Скрипника стояло питання «Про неправильну публікацію в газеті «Зоря» рішення Обкому про Орхівський район». В протоколі зазначено: «1. Предложить т. Никитову (редактору газеты) завтра 16/12 опубликовать точный текст постановления /подлежащий к опубликованию/ без слов «арестовать и сурово покарать». 2. За невнимательное и формальное отношение к опубликованию постановления Обкома со стороны редактора «Зоря» — кандидата Бюро Обкома т. Никитова, следствием чего решение Обкома по Ореховскому делу опублико-

вано політичною іскаженним, — редактору газети «Зоря» об'явить выговор. 3. Указати Секретному Отделу Обкома, що он обяван все ісходящіе от Обкома постановлення, рассылаемые к ісполнению отдельным товарищам и організаціям, тшательно проверять, чего в данном случае не было сделано, так как решенне по Ореховскому району п. 2 в редакцію «Зоря» и РАТАУ были посланы со словами, не подлежащими опубликованню «арестовать и сурово покарать» [1, од. зб. 20, арк. 61].

Обвинувальний висновок продовжує: «Заняв выжидательную політику, в надежде, получения преуменьшенного плана хлебозаготовок, проводя агітацию о нереальности его, базируясь на фиктивных актах, пряча хлеб под видом различных фондов, уменьшив урожайность и количество засеянной площади, проводя организованный саботаж — невыполнение плана хлебозаготовок, за август месяц район выполнил месячное задание следующим образом:

На 10/8 — 32 г.	2,3 %
15/8 — « —	3,1 %
20/8 — « —	3,8 %
25/8 — « —	16,6 %,

что означает, по сути, практическое осуществление срыва выполнения плана хлебозаготовок, через организованный контрреволюционный саботаж.

Поэтому:

1. Головин Василий Петрович, 1903 г. р., из рабочих, исключенный из партии, грамотный, несудимый;
2. Поломарчук Михаил Сергеевич, 1901 г. р., из крестьян, исключен из партии, грамотный, член профсоюза, несудимый;
3. Ордельян Федор Елисеевич, 1894 г. р., из рабочих, слесарь, исключен из партии, грамотный, несудимый;
4. Вялых Федор Степанович, 1900 г. р., служащий, исключен из партии, член профсоюза, грамотный, несудимый;
5. Луценко Иван Иванович, 1893 г. р., батрак, со средним образованием, исключен из партии, член профсоюза, судимый;
6. Пригода Иван Андреевич, 1890 г. р., селянин — бедняк, исключен из партии, грамотный, несудимый;
7. Медведь Григорий Тимофеевич, 1902 г. р., чернорабочий, исключен из партии, член профсоюза, грамотный, несудимый;
8. Бурковский Савва Владимирович, 1894 г. р., из крестьян — бедняков, служащий, исключен из партии, член профсоюза, грамотный, несудимый;
9. Скичко Елиазар Елиазарович, 30 лет, рабочий, исключен из партии, член профсоюза, несудимый;
10. Анистрат Иван Андреевич, 1893 г. р., из крестьян — бедняков, служащий, старший агроном Ореховского райземотдела, б/п, член профсоюза;
11. Демьяненко Евсей Михайлович, 1893 г. р., из крестьян — середняков, б/п, не член профсоюза, с нисшим образованием, уч. агроном, несудимый;
12. Гришко Аким Петрович, 1897 г. р., из крестьян — середняков, учитель, со средним образованием, исключен из партии, член профсоюза, несудимый;
13. Махнорыло Андрей Лукьянович, 1883 г. р., из крестьян — бедняков, с нисшим образованием, б/п, несудимый;
14. Андрущенко Иван Иванович, 1896 г. р., служащий с высшим образованием, исключен из партии, несудимый, член профсоюза;

15. Бутовецкий Даниил Матвеевич, 1904 г. р., из селян — бедняков, с нисшим образованием, исключен из партии, член профсоюза, несудимый;

16. Базилевич — Скипьян Мария Владимировна, 1902 г. р., из крестьян — бедняков, служащая, исключенная из партии, привлечены в качестве обвиняемых по данному делу.

Виновными в предъявленном обвинении, себя обвиняемые, за исключением Анистрата признали.

На основании вышеуказанных данных обвиняемые по данному делу обвиняются:

1. В составлении явно фальшивых актов о гибели посевов, в целях уменьшения плана хлебозаготовки.

2. Дача сельсоветам и колхозам кулацких установок о даче сведений о преуменьшении урожая против действительного состояния, а также увеличивать количество погибшего посева.

3. Проведение агитации, о нереальности плана хлебозаготовки и мобилизация внимания низовых работников на отказ принятия плана. /Вынесение решений и т. д./

4. В создании «дутых» фондов, имеющих с целью скрыть хлеб от сдачи его государству.

5. Механически злонамеренное распределение плана хлебозаготовки между колхозами без подхода к каждому колхозу в отдельности, в целях доказательств о нереальности плана и внесения возмущения среди колхозников.

6. Невыполнение плана хлебозаготовки, несмотря на полную возможность его выполнения, не проведения борьбы с утратами и воровством хлеба — в целях, явно контрреволюционного саботажа в выполнении хлебозаготовительного плана, каковое преступление, предусмотрено ст. 54 — 14 У. К. УССР и обвиняемые подлежат преданию Суду Днепропетровского Областного Суда,

составлено 23 /12 — 32 г.

Гор. Днепропетровск.

Старший следователь

Днепропетровской прокуратуры /Равич/ ». [1, од. зб. 494, арк. 168 — 170].

28 грудня 1932 року виїзна сесія Облсуду розглянула справу про звинувачення керівників Оріхівського району у контрреволюційному саботажі хлібозаготівлі. «Судом встановлено, що Оріхівське районне колгоспне керівництво замість рішучої боротьби з утратами врожаю, розбазарюванням, розкраданням колгоспного хліба повело куркульську політику потурання крадіжкам та шахрайству.

Добираючи фальшиві куркульські дані про врожайність, проводили роботу, спрямовану на зрив зобов'язань колгоспів перед пролетарською державою. Райагроном Аністрат разом із завідуючим райземуправління Луценком були подані відомості, що в Оріхівському районі загинуло цілком близько 8000 га посіву, відомості ці були явно брехливі й мали своєю метою посіяти чутку про загрозливий стан врожаю в районі.

Облсудом засуджено: Аністрата — до розстрілу, Головіна, кол. Секретаря РПК, Паламарчука, голову РВК, Ордельяна, кол. Голову Оріхівського Рай. КК — РСІ, Луценко, кол. Зав. Рай. ЗУ, Пригоду, кол. Голову Оріхівської райколгоспспілки — до позбавлення волі на 10 років, В'ялих, заст.. Голови РВК, Медведя, кол. директора МТС, Скичка, кол. оргінструктора РПК, Бурковського, кол. зав. філією «Заготзерна», Андрющенко, редактора газети «Ленінським шляхом» — до позбав-

лення волі на 8 років. Гришка, секретаря Юрєвського партосередку, Бутовецького, голову Єгорівської с/р — до позбавлення волі на 5 років кожного. Махнорило, дільничого агронома — до позбавлення волі на 3 роки. Дем'яненко та Базилевич по суду виправдано.

/Докладно про це Вас інформовано окремими спецповідомленнями/» [1, од. зб. 485, арк. 71].

Генеральний секретар ЦК КП(б)У С. Косіор зізнався у виступі на III Всеукраїнській конференції в липні 1932 року: «Очень немногие колхозы пытаются исправить иногда уже действительно всецело безумные указания какого-нибудь нашего пленарного органа». Так, колгоспні керівники спробували подолати «безумие». Це їм коштувало волі й здоров'я на півжиття.

Джерела

1. ДАДО, ф. П 19, оп. 1.

Дєдков М.В., Спудка І.М.

МУЗЕЙ-АРХІВ ПЕРЕХОДОВОЇ ДОБИ: НАУКОВО-ДОСЛІДНА ДІЯЛЬНІСТЬ

Радянський період позначився існуванням певних штампів та стереотипів, пов'язаних з трактуванням історії радянсько-німецької війни. Зокрема, питання діяльності наукових установ періоду окупації не ставали об'єктом спеціальних досліджень істориків відповідної доби. Політичні процеси другої половини 80 — 90-х рр., що призвели до розпаду Радянського Союзу й проголошення незалежної України, позитивно позначилися на дослідницькій роботі з проблем Другої світової війни. Утвердження незалежності Української держави створило сприятливі умови для започаткування об'єктивного, по-справжньому наукового, дослідження і висвітлення історії України періоду радянсько-німецької війни. Більше уваги приділяється раніше забороненим темам: культурне життя періоду окупації, функціонування освітніх закладів, проблема вивезення культурних цінностей не лише нацистами, а й представниками радянської влади, проблема колабораціонізму на окупованих територіях, діяльність інтелігенції тощо.

На сьогоднішній день проблема функціонування архівних, музейних та бібліотечних установ стала предметом досліджень багатьох науковців. Серед них слід виділити: М. Ковалю [1], С. Кота [2], Д. Мешкова [3]. Однією з перших праць, пов'язаних з долею культурних цінностей, можна вважати спільну працю П. Грімстед та Г. Боряка [4], у якій наведено значний масив нових архівних документів. Також в цьому напрямку працюють М. Ткаченко [5], М. Дубик [6], Т. Себта [7] та ін.

Метою даної статті є дослідження науково-дослідної діяльності Музею-Архіву Переходової доби, а також внеску українських науковців у розвиток вітчизняної науки.

Уже з перших днів встановлення окупаційного режиму, окупаційна влада виявила підвищену увагу до архівів, музеїв та бібліотек. Провідною організацією окупаційної влади у культурній галузі був оперативний штаб рейхсляйтера А. Розенберга (Айнзацштаб) при Рейхсміністерстві зайнятих східних областей, утво-

рений 17 липня 1940 р. Головною метою Айнзацштабу згідно з наказом фюрера було дослідження та використання у боротьбі з духовною спадщиною ідейних противників націонал-соціалізму предметів духовної, матеріальної культури — книг, рукописів, архівних матеріалів, предметів мистецтва, які концентрувалися у спеціально створених для цього місцях [7, с. 133]. На практиці ж це перетворилося на вилучення та вивезення цих предметів.

Серед музеїв, які функціонували на окупованій території, особливу увагу звертає на себе київський Музей-Архів Переходової доби. За тих умов, коли майже усі культурні установи припинили свою діяльність, музей-архів Переходової доби був чи не єдиним культурно-науковим закладом, що намагався об'єднати всі розгромлені за більшовиків і за німців культурно-наукові установи Києва. Він був створений за ініціативою видатного українського історика, першого бургомистра окупаційного Києва, О. Оглобіна і його найближчого помічника професора С. Драгоманова, сина видатного українського мислителя [8, спр. 738, арк. 191]. Музей-Архів Переходової доби (далі МАПД) було засновано в окупованому німцями Києві 26 березня 1942 р. Протягом всього недовгого періоду існування МАПД був науково-дослідною установою при Київській міській управі, а вся його діяльність проходила під безпосереднім контролем німецької окупаційної влади та київського міського голови. 9 квітня 1942 р. міський голова Києва затвердив положення про діяльність МАПД, а вже 17 квітня 1942 р. МАПД відкрив свою експозицію для відвідувачів — як німців, так і для місцевих жителів.

Метою діяльності даної установи визначалося: збирати і обробляти матеріал, що висвітлює переходову добу від більшовизму до введення «нового порядку» в Європі та в Україні. А саме: «всіма засобами музейно-архівної роботи (збирання, консервування, систематизація, дослідження та експозиції) відбивати: а) історичне значення боротьби, яку провадить великий німецький народ під проводом А. Гітлера; б) визволення України, української столиці героїчною німецькою армією від більшовицького гноблення; в) допомога українського народу німецькій армії в її боротьбі проти більшовизму за побудову нової Європи; г) виявлення здорового українського національного духу за допомогою німецьких друзів і учителів». Завданням МАПД було збирати, систематизувати, охороняти увесь історичний матеріал, що стосувався життя країни тогочасного періоду [9, спр. 3, арк. 38].

Крім цих цілей, без встановлення яких музей-архів, очевидно, не міг бути створеним, на нову установу покладалося завдання збирати документи з історії України з часів національно-визвольних змагань 1917 — 1921 рр. до подій Другої світової війни. Саме дослідження 20 — 40-х рр. у Києві та радянській республіці було першочерговою задачею архіву-музею. Паралельно з накопиченням архівних матеріалів-оригіналів та копій документів радянських установ, фотографій, малюнків, листівок тощо, планувалося проведення постійних та тимчасових експозицій цих матеріалів за відповідними тематичними планами [10, с. 3].

За задумом німецької окупаційної влади науковці Музею-Архіву повинні були вести антирадянську пропаганду серед українського населення, привчаючи його до думки про справедливу визвольну місію німецької армії на українській території на протипагу абсолютно негативному образу радянської влади та всього, що було з нею пов'язано. Для більшої наочності та доказовості співробітникам МАПДу було доручено збирати різноманітні документи, які всебічно порівнювали б українські реалії за німецького панування з радянською добою [11, с. 192]. Співробітникам

МАПДу вдалося зробити унікальну документальну колекцію, що пролила світло на численні злочини комуністичної влади.

До роботи МАПДу, крім 14 співробітників, у якості наукових консультантів залучалися справжні корифеї української історичної науки професор С. Гіляров, О. Грузинський, С. Драгоманов, І. Моргилевський, Н. Полонська-Василенко та інші.

Створення Музею-Архіву припало на час, коли про поразку гітлерівців в Україні ніхто реально не думав, німецька пропаганда безупинно твердила про тисячолітній рейх, тому і цілі окупантів були далекосяжними і довгостроковими. За цих умов ідея привабити на службу новому режиму представників національної еліти виглядала цілком логічною і виправданою, а нацисти, мабуть, розраховували у перспективі прихилити на свою сторону українську громадську думку і полегшити утвердження свого режиму.

Наукові співробітники та консультанти МАПДу проводили активну наукову діяльність, збирали експонати для експозиції, виїжджали у відрядження по території окупованої України. Патрунував роботу співробітників Київський міський голова, а взаємодіяли з МАПД чи не усі установи та організації тогочасного Києва, Київщини та інших регіонів України [9, спр. 10, арк. 15]. На кінець серпня 1942 р. у Музеї нараховувалося 6376 експонатів, у тому числі 3045 документів, 756 фотографій і фототипій, 154 фотонегатива, 195 малюнків, 183 плаката, 383 листівки, 1433 номери газет, 133 журналів, 96 книг [12, спр. 244, арк. 43].

Постійної експозиції у Музеї-Архіві не було (можливо, за браком часу вона просто не встигла з'явитися), а зібрані експонати демонструвалися на тематичних виставках, що змінювали одна одну. Збереглися відомості про три такі заходи під назвами «Руйнація більшовиками культурних пам'яток у м. Києві», «Визволення Києва німецькою армією від юдо-більшовицького гніту і відродження господарського і культурного життя м. Києва» та «Київ під час німецько-советської війни» [9, спр. 2, арк. 9]. Хід підготовки та склад експозицій в архівних фондах висвітлено нерівномірно, і більш-менш системне уявлення ми маємо лише про першу і частково другу з названих виставок.

Виставка «Руйнація більшовиками культурних пам'яток у м. Києві» стала першою практичною роботою наукових співробітників та консультантів МАПДу. Її експозицію планувалося розмістити на 14 окремих стендах, що відповідали 14 головним тематичним розділам. Відвідувачі мали змогу ознайомитися зі стендом «Київ до революції 1917 р.», крім нього в експозиції можна було вивчити ще 12 стендів з документальними матеріалами про нищення пам'яток української історії та культури під час громадянської війни та подальшого утвердження радянської влади. Завершував експозицію стенд, присвячений загальним рисам політики ВКП(б) стосовно історичних пам'яток. Особливу увагу було приділено варварській руйнації храмів, монастирів та кладовищ у Києві, як по лінії анти-релігійної пропаганди, так і під час масштабної реконструкції міста в процесі переведення до Києва столиці УРСР з Харкова. Документи й фотографії свідчили про безжальну ліквідацію у місті та на його околицях унікальних споруд практично всіх культурних епох — від великокнязівської доби до початку ХХ століття. Окремий розділ виставки розповідав про більшовицький вандалізм у всесоюзному масштабі [9, спр. 2, арк. 9].

З середини липня 1942 р. колектив МАПДу розпочав підготовку наступної виставки «Визволення Києва німецькою армією від юдо-більшовицького гніту

і відродження господарського і культурного життя м. Києва». Ця виставка була побудована на документах окупаційної адміністрації та органів місцевого самоврядування. Відповідно до робочого плану виставка складалась з 49 стендів, що розкривали 6 тематичних розділів: 1. «Героїчний шлях великого німецького народу під проводом фюрера А. Гітлера» (10 стендів); 2. «Київ від початку війни до звільнення німецькою армією (22 червня — 19 вересня 1941 р.)» (9 стендів); 3. «19 вересня 1941 р. Звільнення Києва німецькою армією від юдо-більшовиків» (2 стенди); 4. «Німецьке військове управління Києва» (14 стендів); 5. «Німецьке цивільне управління» (10 стендів); 6. «Новий Київ (карта Києва)» (1 стенд).

Збереглася невелика статистична довідка, що дозволяє оцінити популярність описаних експозицій серед населення окупованого Києва. Документ свідчить: у середньому експозиції Музею-Архіву щодня переглядала 21 особа, що за місяць складало 622 відвідувача [12, спр. 244, арк. 43].

Колектив МАПДу не обмежувався виставковою діяльністю. У квітні 1942 р. було заплановано видання книжки «Київ, зруйнований більшовиками», що мала складатися з п'яти розділів: 1) загальні тенденції більшовицької політики щодо культурних пам'яток в Україні і в Києві зокрема; 2) руйнування більшовиками культурних пам'яток у Києві під час громадянської війни (1917 — 1920 рр.); 3) руйнування церковних пам'яток у Києві за часів советської влади; 4) руйнування цивільних пам'яток за цей же час; 5) варварська руйнація Києва більшовиками під час німецько-советської війни. Книжка мала містити численні малюнки, діаграми, у додатках повинні були бути документи, серед яких — реєстр зруйнованих пам'яток Києва. Були пропозиції у шостому відділі книги подати матеріали про зруйновану святиню України — Успенський собор Києво-Печерської лаври, знищенням якої більшовизм «перед усім світом виявив себе, як ворога всякої культури і прогресу» [9, спр. 2, арк. 24, 26].

Робітники музею прагнули підтримувати свою наукову кваліфікацію і всіляко намагались проводити реальні наукові дослідження. Збереглися відомості про 16 головних наукових напрямів, тематика цих робіт витримана загалом у дусі окупаційної пропаганди (показові згадки про «побут юдо-більшовицької верхівки і злидні українських народних мас» та інші подібні формулювання). Щотижня проходили наукові пленуми Музею-Архіву, на яких наукові співробітники та консультанти виступали з доповідями, що часто не мали нічого спільного з щойно згаданим окупаційним офіціозом [10, с. 11]. Для прикладу можна навести назви тем виступів деяких співробітників. У серпні 1942 р. Н. Полонська-Василенко виступила з доповіддю «Київ — культурний центр часів Володимира Великого та Ярослава Мудрого», тема виступу П. Курінного звучала як «Історичне, археологічне і художнє значення церкви Успіня Києво-Печерської Лаври», а О. Грузинського — «З історії Київського університету на початку ХХ ст.», М. Холостенку було запропоновано зробити доповідь щодо київської архітектури ХVІІІ ст. і т. д. [9, спр. 3, арк. 38, 42]. Сам О. Оглоблін на замовлення міської управи підготував дві розвідки до історії емблем міста Києва і України: Архангела Михаїла та герба — тризуба. Було написано невеликі статті про київську греко-католицьку церкву та Олександрійський католицький костюл [11, с. 196].

Наукові пленуми МАПДу мали велику популярність серед українських культурних кіл на окупованій території, про них неодноразово писала українська преса. Музей-Архів прагнув створити велику колекцію сучасної періодики і з цією метою керівництво установи підтримувало постійні зв'язки з редакціями

24 україномовних газет і журналів, а також 22 німецькомовних газет і журналів, що виходили в Австрії і Німеччині. У ДАКО зберігся список часописів, що одержував МАПД з інших міст України. Вражає широка географія представлених періодичних видань: «Нове життя» (Первомайськ), «Ковельські вісті» (Ковель), «Пінська газета», «Костопільські вісті», «Крем'янецький вісник», «Український голос» (Луцьк), «Переяславські вісті», «Відродження» (Тараща), «Українська думка» (Черкаси), «Васильківські вісті», «Дунаєвецькі урядові вісті», «Дніпропетровська газета», «Подільнин», «Український голос» (Проскурів), «Волинь», «Голос Волині» (Житомир), «Уманський голос». А також до музею поступали і журнали: «Дорога» (Львів), «Малі друзі» (Львів), «Український хлібороб» (Рівне), «Школяр» (Васильків), «Українка» (Костопіль) [9, спр. 34, арк. 20].

Пік інтенсивності в роботі Музею припадає на період з травня до вересня 1942 р. Музей-Архів Переходової доби припинив своє існування наприкінці жовтня 1942 р., тому що окупаційна влада переконалася у низькій ефективності закладу з огляду на власні пропагандистські наміри, до цього додалося ще виразне недовір'я з боку влади до директора МАПДу О. Оглобліна [9, спр. 2, арк. 11]. І. Гирич вважає, що закриття музею слід розглядати в загальному контексті антиукраїнських акцій гітлерівців – масових розстрілів у Києві діячів ОУН і переслідування проводу Української Автокефальної Православної Церкви. У цей час німці вирішили остаточно розрахуватися з державницькими ілюзіями українців, і українська культурно-наукова установа виявилася непотрібною [11, с. 192].

Таким чином, діяльність Музею-Архіву МАПДу була спрямована на збирання, систематизацію, дослідження матеріалів, документів, пов'язаних зі злочинними діями більшовиків в Україні. Експозиції музею використовувались як наглядна агітація з метою створення позитивного образу німецької армії. Але завдяки ентузіазму і сміливості співробітників музею, у цій установі не припинялася і науково-дослідна робота. Щотижня відбувалися наукові пленуми та семінари, де дослідники виступали з доповідями на різноманітну тематику. Привертає увагу факт популярності МАПД серед населення окупованого м. Києва. Дослідження науково-дослідної роботи, що проводилася в інших музеях на окупованих територіях України, потребує подальшого вивчення та аналізу.

Література та джерела

1. Коваль М.В. Пограбування та знищення фашистськими загарбниками музейних, архівних та бібліотечних цінностей України (1941 – 1944 рр.) // Повернення культурного надбання України: проблеми, завдання, перспективи. – К., 1996. – Вип. 6 – С. 34 – 42.
2. Кот С., Ошуркевич О. Волинський краєзнавчий музей. Доля культурних скарбів України під час Другої світової війни. Архіви, бібліотеки, музеї. – Київ – Бремен: Укр-в., 1996 – Вип. 1. – 75 с.
3. Мешков Д. Нові господарі: дніпропетровські архіви за німецької окупації // Пам'ятки України. – 1994. – № 2. – С. 106 – 108.
4. Грімстед Кеннеді П., Боряк Г. Доля українських культурних цінностей під час Другої Світової війни: Винищення архівів, бібліотек, музеїв. – АН УРСР. Археографічна комісія Українського наукового інституту. – Львів: Фенікс, 1992. – 120 с.
5. Ткаченко М. І. Музеї України під час Другої світової війни (1939 – 1945 рр.): Автореф. дис. канд. іст. наук: 07.00.01 / Київський ун-т ім. Тараса Шевченка – К., 1996. – 23 с.

6. Дубик М. До історії діяльності нацистських установ в Україні під час окупації у 1941 – 1944 рр. // Повернення культурного надбання України: проблеми, завдання, перспективи. – К., 1996. – Вип. 6. – С. 194 – 198.

7. Себта Т. Українські музеї під час окупації в роки другої світової війни // Повернення культурного надбання України: проблеми, завдання, перспективи. – К., 1996. – Вип. – 6. – С. 130 – 137.

8. ДАЗО. – ф. Р-1433, – оп.1.

9. ДАКО. – ф. Р-2412, – оп.1.

10. Музей-Архів Переходової доби. Пофондовий путівник-довідник (уклала О. Беляя). – К., 2002. – 103 с.

11. Гирич І. Київський музей-архів Переходової доби (1942) // Український історик. – 1 – 4 (136 – 139). – 1998. – С. 191 – 196.

12. ДАКО. – ф. Р-2412, – оп.2.

Щур Ю.І.

ЗАПОРІЗЬКИЙ ОУН – РЕВОЛЮЦІЙНОЇ (1941 – 1944 рр.)

Вивчення історії національного руху Опору на землях Східної й Південної України зумовлює більш прозорий та багатогранний погляд на події середини ХХ століття. Саме цим наближаємося до з'ясування українського виміру Другої світової війни, пріоритетність якого затверджено Постановою Президії НАНУ № 243 від 06. 10. 2004 р. [1].

Пропонованою публікацією продовжуємо тему підняту у попередніх випусках «Музейного вісника» (див. № 5, 6). Історіографія з проблеми проаналізована у вказаних статтях, тому тут на цьому не зупиняємося. Додамо лише, що протягом 2007 року автором частково опрацьовано архівні фонди Прокуратури та Управління СБУ Запорізької області, інформація яких суттєво доповнює попередні дані.

Метою пропонованого дослідження є висвітлення становлення й розвитку націоналістичного руху на території Запорізького округу (згідно з організаційно-адміністративним поділом ОУН) протягом 1941 – 1944 років. До того ж автор намагатиметься комплексно проаналізувати основні напрямки діяльності націоналістичного підпілля, виокремивши головне й другорядне.

Вперше діяльність ОУН на території Запорізької області була помічена влітку 1941 року органами НКВС. 12 серпня Військовим Трибуналом Запорізького гарнізону Одеського військового округу за членство в ОУН було засуджено 11 військовослужбовців Червоної армії, уродженців Західної України [2, т. 38, арк. 14 – 20]. Дещо раніше, 26 березня, Запорізьким обласним судом були засуджені члени молодіжної націоналістичної організації «Самостійна Україна», двоє з яких були уродженцями Західної України, ще четверо – м. Запоріжжя [2, т. 30, арк. 27, 36, 117, 151, 189, 212]. На сьогоднішній день не можемо впевнено говорити про реальність чи міфічність цих організацій, але бачимо, що напередодні й на початку німецько-радянської війни радянські каральні органи розпочали боротьбу з національно налаштованим середовищем.

Перша реальна група членів ОУН з 15 чоловік була зафіксована в Запоріжжі восьмого серпня 1941 року, вже після окупації німецькими військами, Айнзацгрупою Ц, яка у своєму донесенні відмітила, що ці люди намагаються зайняти ключові посади в адміністрації (муніципалітет, допоміжна поліція) [3, с. 547]. Це були члени

рою «Л», підгрупи «Г» похідної групи ОУН «Південь». Провідником підгрупи був В. Пастушенко, рою – М. Федисів [4, с. 42]. По прибуттю до Запоріжжя було створено Обласний Провід на чолі з Пастушенком, який діяв під псевдонімом Дмитро Ясенко. Враховуючи, що у перші дні місцеве членство підібрано ще не було, до складу Проводу спочатку увійшли оунівці із Західної України. Сам Провід мав такий вигляд:

– І. Клим – «Митар», перший заступник Пастушенка. Організаційний референт.

– «Степан», член Проводу.

– Б. Мовчан – «Степан Лисавка», куратор роботи Мелітопольського Окружного Проводу.

– Б. Крицан – «Криця», інспектор діяльності низових ланок.

– Ілля-Гіля, референт освіти [5, спр. 107, арк. 157 – 158]. Як буде подано нижче, Обласний Провід ОУН не був сталим й, враховуючи підпільні умови роботи, зазнавав змін, як кадрових, так і чисельних.

Згідно з організаційними вимогами, Запорізька область була розбита на три округи: Запорізьку, Мелітопольську й Бердянську (Д. Веденєєв помилково називає лише перші дві, оминаючи Бердянську) [6, с. 3]. Запорізька округа, в свою чергу, поділялася на такі ланки: м. Запоріжжя й прилегла територія, Василівський, Михайлівський та Великобілозерський райони.

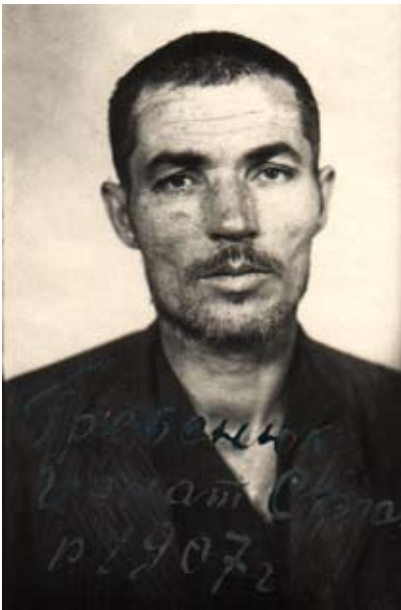
У самому Запоріжжі налагодження оунівської мережі відбувалося з великими труднощами. Частина членів ОУН вже у жовтні 1941 року німецькою окупаційною владою була заарештована й відправлена до Галичини. Невдачею закінчилися і спроби українізації місцевого адміністративного апарату й поліції. Організована за сприяння оунівців газета «Нове Запоріжжя», хоч і виходила українською мовою, але дуже швидко перейшла на відверто колаборантські рейки [7, с. 160].

Попередні підсумки організаційної роботи було підбито наприкінці осені 1942 року на нараді Запорізької ОУН. За доволі короткий час перебування націоналістів у місті, гестапо провело обшуки на головній квартирі ОУН, реkvізувало літературу й затримало декого з активістів. Націоналісти переходять до глибокого підпілля [8, с. 76 – 78]. Керівництво Обласного Проводу виїхало з міста й легалізувалося по території області. Пастушенко переїхав до Михайлівки, де працював директором клубу (можливо, театру). Мовчан влаштувався на роботу агрономом до Бердянського районного земельного відділу, Крицан – перекладачем на сінопункт станції Пришиб Михайлівського району. Всі вони, по необхідності періодично приїздили до Запоріжжя [9, спр. П. 5626, арк. 20, 44 зв., 45 зв.]. Організаційний референт Обласного Проводу Клим займався організацією оунівської мережі та зв'язкових ліній по області [7, с. 161].

У м. Запоріжжя залишилося кілька відповідальних за розбудову організації підпільників. Увага оунівців, в першу чергу, була звернута на інтелігенцію. В листопаді 1941 року, за їх ініціативи, у приміщенні одного з інститутів (педагогічного?) відбулися збори інтелігенції м. Запоріжжя, на яких було розглянуто питання українізації життя міста й навколишньої території. Після того, як зборами почали цікавитися німецькі каральні органи, зібрання відбувалися у приватних помешканнях викладачів інституту. Обов'язковою тут була присутність членів ОУН, які й сформулювали основну мету цих заходів: створення осередків Організації та направлення патріотично налаштованих українців на керівні посади до окупаційних установ. В майбутньому вбачалася перспектива для витіснення німців із

управління областю, а згодом — України в цілому. Не знаємо, наскільки вдалося оунівцям інтегрувати своїх прихильників до органів місцевого самоврядування, але що стосується організаційної мережі: в старій частині Запоріжжя вдалося створити ланку до якої увійшли деякі представники наукової інтелігенції [5, спр. 360, арк. 13 зв., 17 зв., 32].

Залучення до ОУН відбувалося і у новій частині міста. В березні 1942 р. на шостому селищі (тепер — в межах Орджонікідзевського району м. Запоріжжя) відбулася нарада за участю керівництва Обласного Проводу, де окрім обговорення поточних питань, було заприсяжено до Організації нових членів із місцевих жителів [9, спр. П. 19704, арк. 28 — 29]. Можемо говорити, що запорізьке підпілля, оговтавшись після перших невдач осені 1941 року, проводило доволі жваву роботу, що було помічено й нацистськими спецслужбами [3, с. 580]. Націоналістичні осередки були створені не лише у обласному центрі, а й у ближніх селах (на сьогоднішній день перебувають у межах м. Запоріжжя). Можемо виокремити такі оунівські ланки: осередок в с. Павло-Кічкас на чолі з М. Буйненко, активісти І. Малий, М. Левченко, А. Пономаренко [9, спр. П. 5626, арк. 14 зв.]; осередок на 6-му селищі на чолі з М. Кармазином [5, спр. 360, арк. 69], активісти Г. Могильний, Грищенко [9, спр. П. 5626, арк. 51 — 51 зв.]. Певна інформація є про осередки директора інституту Заїки, Ващука [5, спр. 360, арк. 17 зв., 54]. Загальне керівництво запорізькими осередками здійснював найбільш ймовірно Г. Гребенюк, куратором від Обласного Проводу був Б. Мовчан [9, спр. П. 19704, арк. 34].

Г. Гребенюк.
Фото з карної справи

Одночасно зі створенням підпільної мережі у Запоріжжі, аналогічні процеси відбувалися і у Василівському районі. Сюди прибули представники обох груп ОУН: Мельника і Бандери. Першу представляв житель с. Орлянське О. Ломейко, який перед тим прослухав курс пропагандистів в будинку українських біженців (м. Львів). Прибувши до рідного села, Ломейко не мав зв'язку з мельниківською організацією, тому співпрацював з місцевим осередком ОУН-р, зокрема в площині поширення агітаційного матеріалу [9, спр. П. 17864, арк. 46 зв., 48]. Особливою активністю орлянський осередок не відрізнявся. Серед проведених заходів можемо назвати виступ Ломейка 18 жовтня 1941 року на зборах громадян, де зачитувалася й обговорювалася програма ОУН та роздачу листівок із зверненням до української молоді, вчителів й проти радянської влади [9, спр. П. 17864, арк. 50 зв., 61 зв.].

Інша група націоналістів, які представляли ОУН Бандери, прибула на територію області в складі групи Пастушенка. Всі вони перед тим пройшли вишкільний курс у Львові по вул. Руській, 20, де викладалася історія українського націоналістичного руху, задачі ОУН, методика підпільної роботи та вивчалися українські пісні [10, спр. 17878, арк. 40 зв.]. Керівником групи, що прибула до Василівського району, був О. Кабаченко з хут. Луговий. До групи входили З. Говоруха (с. Балки) та Я. Чабан (хут. Карачекрак). Привізши з собою багато націоналістичної літератури, оунівці намагалися її поширити серед населення

району. Зокрема, в Балках було розклеєно плакати й листівки ОУН, які ледь не одразу позривали німці [9, спр. П. 17864, арк. 43 – 43 зв.].

На хут. Відножино націоналістичною діяльністю займався місцевий житель С. Єфименко [2, т. 33, арк. 102]. Вчитель з с. Балки Г. Пензій також приймав участь у проведенні націоналістичної пропаганди [2, т. 33, арк. 256].

У Василівському районі, в с. Скельки, була організована явочна квартира, яка обслуговувала підпілля Запорізького округу. Знаходилася вона на в'їзді від Михайлівки, утримував її місцевий житель Войченко (Войтенко) [9, спр. П. 21120, арк. 15]. Через район проходила зв'язкова лінія Обласного Проводу ОУН №2 «Запоріжжя-Маріуполь» [7, с. 161].

Загалом, за наявними на сьогоднішній день документами, можемо говорити, що василівське підпілля особливою активністю не відрізнялося. Відомо лише про одну інспекційну перевірку, яку провів наприкінці грудня 1941 року Б. Крицан, повертаючись з Мелітополя до Запоріжжя [10, спр. 17878, арк. 42 зв.].

Більш потужним, ніж василівське, було націоналістичне підпілля у Михайлівському районі. Перші оунівські осередки тут було закладено восени 1941 року групою М. Вінтоніва, яка із Запоріжжя прямувала на Мелітополь. У Михайлівці вони залучили до ОУН місцевого агронома І. Гребенюка (брат діяча запорізької ОУН Г. Гребенюка), з допомогою якого було проведено зустріч членів Організації з місцевими жителями, де виступав Вінтонів. Залишивши тут націоналістичну літературу, група оунівців вирушила на Мелітополь. Зважаючи на доволі активну діяльність Гребенюка, через два тижні його було призначено головою Михайлівського Районного Проводу [5, спр. 107, арк. 153 – 54].

Куратором михайлівської організації від Обласного Проводу був Крицан [9, спр. П. 21120, арк. 13 зв.], який працював перекладачем на станції Пришиб в конторі „Заготзерно” [9, спр. П. 5626, арк. 44 зв.]. Ймовірно, саме він проводив збори громадськості у с. Вовківка наприкінці 1941 року. Тут же було створено осередок на чолі з старостою В. Хрущем [9, спр. П. 21120, арк. 29, 50 зв.].

За завданням націоналістичного підпілля, група михайлівських оунівців влаштувалася на роботу до окупаційних адміністративних органів. Голова Районного Проводу Гребенюк спочатку працював агрономом, а потім начальником відділу кадрів, Коломоєць – вчителем, а потім заступником Райшефа. М. Пилипенко спершу працював вчителем, пізніше був призначений завідуючим відділом народної освіти в Михайлівці. До поліції були направлені О. Фесенко (паспортний стіл) та П. Письмений (слідчий). Інші підпільники працювали в сфері культури (Шевченко, Іванілов) [5, спр. 7560, арк. 11 – 12, 19 – 20].

Виконуючи настанови центрального Проводу ОУН, михайлівські націоналісти проводили збір зброї. Цим займався Крицан за допомогою місцевого жителя Ф. Герасименка. Зброя відвозилася в плавні й там ховалася [5, спр. 7560, арк. 53]. Інколи ця зброя використовувалася проти німецьких частин. Так, підпільник Письмений обстріляв німецькі військові машини, за що був заарештований жан-дармерією й підданий тортурам [11, с. 346].

Успішна робота Гребенюка, як голови Районного Проводу, дала підстави для включення його до Обласного Проводу [9, спр. П. 19704, арк. 49]. Найбільш ймовірно, що він зайняв місце І. Кліма, якого заарештувала німецька поліція й відправила до Галичини. Пізніше Клим повернувся у підпорядкування Проводу ОУН Південноукраїнських земель (Дніпропетровськ), але був відправлений для проведення підпільної роботи на Донбасі [7, с. 161 – 62].

Намагалися михайлівські оунівці створити підпільну мережу у сусідньому Великобілозерському районі. Цим питанням займався безпосередньо Гребенюк. На сьогоднішній день відомо про осередок у сільгоспобщині «Запорожець» на чолі із старостою Борисенком [9, спр. П. 21120, арк. 15].

Саме у Великій Білозерці у травні 1942 року німецькою жандармерією було заарештовано І. Гребенюка [5, спр. 7560, арк. 18]. За інформацією оунівця Письменого, за участь в ОУН Гребенюк був повішений СД у Нікополі [9, спр. П. 19704, арк. 75]. Джерела радянських партійних органів свідчать, що у 1943 році керівнику михайлівської ОУН вдалося втекти й виїхати до Львова, а пізніше емігрувати до Америки [12].

В. Кук

Незважаючи на арешти, Запорізька округа ОУН діяла й намагалася працювати у встановлених вищим керівництвом напрямках. До Організації залучалися нові члени, як у самому обласному центрі, так і на периферії. Розширюється мережа підпільних явочних квартир, де час від часу проживали члени Обласного Проводу.

Наприкінці 1942 – на початку 1943 р. Запоріжжя відвідав голова Проводу ОУН Південноукраїнських земель В. Кук – «Леміш», який провів кілька зустрічей з членами підпілля. Також було проведено нараду, де надано інструкції й план роботи. Відмітимо, що Кук проводив зустрічі в осередках як на правобережній, так і на лівобережній частині Запоріжжя [13].

Лівобережні осередки не збавляли обертів роботи й у 1943 році. Протягом січня – березня відбулося чотири засідання місцевого проводу, де обговорювалися поточні питання діяльності підпілля [9, спр. П. 19704, арк. 161]. На той час задача запорізького підпілля

полягала у поширенні листівок, залученні членів, агітації за створення Української Самостійної Соборної Держави й збір зброї [9, спр. П. 19583, арк. 53].

У лютому 1943 року член Обласного проводу і куратор роботи запорізького міського підпілля Мовчан разом з активістом В. Савченко здійснив поїздки до Дніпропетровська, де на одній з квартир ОУН по вул. Артема отримали пакунок агітаційних матеріалів. Окрім поширення у Запоріжжі, ці листівки й відозви повинні були бути передані у села Пришиб Михайлівського [9, спр. П. 21837, арк. 15 зв. – 17] та Орлянське Василівського районів [9, спр. П. 19583, арк. 4].

Саме поширення агітаційних матеріалів призвело до нових арештів оунівців. Керівник одного з осередків Буйненко, поширюючи листівки (скидав із задньої площадки трамваю, потім перейшов на ринок), був заарештований СД. Поступово були заарештовані й інші члени запорізьких міських осередків [9, спр. П. 5626, арк. 51 зв.]. На другу половину березня 1943 року у в'язниці СД у м. Запоріжжя опинилося кілька десятків членів ОУН.

По місту Запоріжжю були заарештовані:

1. Буйненко Микола, керівник осередку на 6-му селищі, робітник Дніпрогесу.
2. Мишастий Іван, житель 8-го селища.
3. Малий Іван, житель с. Павло-Кічкас.
4. Савченко Василь.

5. Левченко Михайло.
6. Гребенюк Гнат, керівник Запорізького Районного Проводу.
7. Мороз Пилип, утримувач квартири ОУН по вул. Броневої, працівник Обл-контори «Заготзерно» [9, спр. П. 5626, арк. 24 зв. – 25, 51-51 зв.].
8. Грищенко, член осередку на 6-му селищі, працівник буфету.
9. Могильний Григорій, член осередку на 6-му селищі, артист театру на Дніпрогесі.
10. Барсук, староста общини с. Павло-Кічкас.
11. Риженко Михайло, житель старої частини міста, працював артистом на Дніпрогесі.
12. Боєвець, бухгалтер алюмінієвого комбінату.
13. Бірковський Павло [9, спр. П. 19704, арк. 98].

Крім Запоріжжя, арешти було проведено й у низових ланках Михайлівського та Великобілозерського районів. По першому району за участь в ОУН заарештовані:

1. Ільченко Григорій, житель Михайлівки, комендант дільниці. Перебував у в'язниці СД м. Запоріжжя, з під варти випущений.
 2. Пилипенко, житель Михайлівки, заступник завідуючого відділом народної освіти. З під варти звільнений.
 3. Коломоєць Михайло, житель с. Михайлівка, заступник шефа Михайлівської районної управи.
 4. Любченко Федір, житель ст. Пришиб, завідуючий елеватором. З під варти звільнений.
 5. Хрущ Василь, староста с. Вовківка [9, спр. П. 21120, арк. 29 зв. – 30 зв., 48].
- Згідно інформації радянських підпільників, Коломоєць через два дні після арешту повісився у в'язниці Михайлівки [11, с. 346]. По Великобілозерському району відомо про арешт старости сільгоспобщини „Запорожець” Борисенка [9, спр. П. 21120, арк. 15].

Після арештів членів ОУН в роботі Запорізького округу починається певна переорієнтація роботи на нові рейки. Швидкий наступ Червоної армії поставив перед керівництвом оунівського підпілля питання про подальшу діяльність. Зважаючи на недостатню джерельну базу, на сьогоднішній день важко з'ясувати яким саме було рішення Обласного Проводу щодо цієї проблеми. Відомо, що частина заарештованих СД оунівців була відвезена до концтабору «Дахау», частина – звільнені [9, спр. П. 21120, арк. 29 зв. – 30]. Певна кількість підпільників або залишилася на Запоріжжі, або відійшла до УПА. Зокрема, керівник Обласного Проводу Пастушенко загинув, як старшина групи УПА – Південь [14].

Після повернення радянської влади восени 1943 року розпочинається новий етап боротьби з націоналістичним підпіллям, тепер вже зі сторони НКВС-НКДБ. На відміну від своїх «німецьких колег», радянські слідчі підійшли до цього питання з більшою завзятістю: арешту підлягали не лише члени ОУН, але й симпатичні, члени сімей, інколи – просто знайомі націоналістів. Робота радянських спецслужб спрямовувалася на повне викорінення наслідків націоналістичної діяльності, зокрема агітації. У Запорізькій окрузі перші арешти було проведено у Василівському районі восени 1943 року. Тут було заарештовано Кабаченка (01. 11.) [10, спр. 17878, арк. 2] та Ломейка (15. 11.) [9, спр. П. 17864, арк. 91]. Продовжилися арешти тут у 1945 році, коли 24 листопада у с. Балки було заарештовано Г. Пензія, який під час окупації поділяв погляди націоналістів [2, т. 33, арк. 256]. Не оминули репресії й

сім'ї василівських націоналістів: родини Кабаченка й Ломейка було вислано до Талди-Курганської й Джамбульської областей Казахстану [5, спр. 5850, арк. 19; спр. 4692, арк. 10].

На початку листопада 1943 року було заарештовано членів михайлівської ОУН Фесенка та Пилипенка [5, спр. 7560, арк. 5, 85]. Незважаючи на тривале ув'язнення в концтаборі «Дахау», не unikнув арешту й Письмений. Повернувшись після фільтраційного табору, він був заарештований 31 жовтня 1945 року [2, т. 33, арк. 272].

За підтримку програмних засад українських націоналістів 29 квітня 1945 року були заарештовані жителі с. Нове Запоріжжя Запорізького району Ф. Власенко та У. Макогон [2, т. 33, арк. 41, 197].

Відбулися арешти й в обласному центрі. Протягом 1944 – 1945 років були ув'язнені активні оунівці Мороз, Буйненко, Левченко, Савченко [9, спр. П. 19583, арк. 2 – 3]. Не минули арешти й жіночий актив запорізької ОУН. До січня 1945 року були ув'язнені: П. Шевченко [2, т. 33, арк. 401], Н. Железна, М. Страсова [2, т. 34, арк. 80, 197] та П. Марущак [2, т. 29, арк. 146]. Останнім, 17 серпня 1949 року у Львові був заарештований один з лідерів запорізької районної ОУН Г. Гребенюк [9, спр. П. 19704, арк. 8].

Незважаючи на арешти членів ОУН, їхня агітація знайшла відгук серед жителів Запорізької округи. Для боротьби з цим використовувалися не лише каральні служби, але й комуністична контрагітація, зокрема читання антинаціоналістичних лекцій. Завідуючий відділом пропаганди й агітації Запорізького сільського райкому КП(б)У Кравець у звіті за червень 1944 року вказував, що для партійного активу було прочитано лекцію на тему «Контрреволюційна діяльність українсько-німецьких націоналістів у тимчасово окупованих областях України» [15, спр. 899, арк. 99]. Зі звіту секретаря Запорізького обкому КП(б)У по пропаганді Ключника про агітаційно-пропагандистську роботу обкому за січень-квітень 1945 року дізнаємося, що в цей час проведено 56 публічних платних лекцій, де присутніми були 17734 чоловіки. В тематиці лекцій переважали певні теми, зокрема «Україно-німецькі націоналісти — найлютіші вороги радянського народу» [15, спр. 1162, арк. 3]. Незважаючи на це, певний час, здебільшого в сільській місцевості, вживалися слова, не прийнятні для радянського устрою: замість «сельсовет» — «рада», «красноармеец» — «руський» тощо [15, спр. 903, арк. 20].

Таким чином, зробимо певні висновки й зауваження. Протягом 1941 – 1943 років у Запоріжжі й ближніх районах діяли підпільні осередки ОУН, які були об'єднані у Запорізьку округу. Крім того, у Запоріжжі містився центр Обласного Проводу. Зіставляючи діяльність цих осередків з діяльністю інших округ ОУН в Запорізькій області, бачимо здебільшого спільність у методах й засобах діяльності. Не можемо скласти однозначного судження про мобілізаційно-організаційний напрямок з огляду на неповну опрацьованість архівно-слідчих справ на членів запорізького підпілля. Також зауважимо, що тут не вистачало власної харизматичної особистості (як, наприклад, І. Курило-Кримчак на Мелітопольщині).

Доволі заплутана й неоднозначна інформація про членів Обласного Проводу, що не дозволяє в повній мірі з'ясувати склад й зміни в середовищі керівного органу обласної ОУН протягом діяльності на Запоріжжі.

Активність націоналістичного підпілля в однаковій мірі турбувала, як німецьку, так і радянську владу. Через це спецслужби обох країн з підвищеною увагою відносилися до питання ліквідації ОУН. Розпочаті гестапо й СД арешти були про-

довжені НКВС й на кінець 1945 року можемо говорити про ліквідацію більшості осередків ОУН у Запорізькій окрузі.

Враховуючи, що не всі слідчі справи на членів ОУН опрацьовано, від категоричних загальних висновків утримаємося.

Література

1. Постанова Президії НАНУ «Нерозв'язані проблеми історії Великої вітчизняної та Другої світової воєн» № 243 від 06 жовтня 2004 року // Інфодиск «Законодавство України». – 2005. – № 12.
2. Архів Прокуратури Запорізької області. – Висновки про реабілітацію.
3. Косик В. Україна і Німеччина у Другій Світовій війні. – Париж-Нью-Йорк-Львів, 1993. – 660 с.
4. Молодій І. Пискоровичі, Пискоровичі ... моя любов, моє горе // Закерзоння. Спомини вояків УПА / Підготував Б. Гук. – Варшава, 1997. – Т. 3. – 303 с.
5. ДАЗО. – ф. Р. 5747. – Оп. 3.
6. Веденєєв Д. «Обличчям до Сходу!». З історії діяльності ОУН на Придніпров'ї // Архів наукового проекту «Незнані герої» (м. Запоріжжя).
7. Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941 – 1943 рр. – Мюнхен, 1958. – 370 с.
8. О.І.М. ОУНр в Запоріжжі (Один день ОУНр) // Альманах «Гомону України» на 1987 рік. – Торонто, б/р. – С. 74 – 81.
9. Архів УСБУ в Запорізькій області. – Фонд припинених справ.
10. Архів УСБУ в Запорізькій області. – Архівно-кримінальні справи.
11. Запорізький архів. Народна війна. 1941 – 1944. Антифашистський рух Опору на території Запорізької області: Збірник документів і матеріалів: Наук. – довід. вид. / Авт.-упоряд.: В.О. Бондар, О.Г. Величко, І.В. Козлова. – Запоріжжя, 2005. – 560 с.
12. Письмо Начальника Политотдела Высшего Военно-Педагогического Института им. М.И. Калинина полк. И. Веремеева Первому секретарю Запорожского обкома КПУ от 10. 03. 1955 г. // Архів наукового проекту «Незнані герої» (м. Запоріжжя).
13. Спогади Василя Кука – «Юрія Леміша» // Архів наукового проекту «Незнані герої» (м. Запоріжжя).
14. Інформація Центру досліджень визвольного руху (м. Львів).
15. ДАЗО. – П. 102. – Оп. 1.

ПРИРОДА

Деркач Т.Г., Логвиненко В.Н.

КАТАЛОГ ЗУБОВ ИСКОПАЕМЫХ ХОБОТНЫХ ИЗ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЗАПОРОЖСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ПО СОСТОЯНИЮ НА 2007 ГОД

На данный момент нет справочных региональных изданий, типа каталогов, в которых можно было бы получить краткие сведения по ископаемым окаменелостям древних животных, в том числе такой важной и интересной группе как ископаемые слоны, найденные в Запорожской области. Назрела необходимость создания такого каталога, которым мог бы пользоваться широкий круг музейных работников, специалистов, студентов, любителей и исследователей природы края. За основу составления и систематизации авторами взят «Каталог млекопитающих СССР» [1], подготовленный специалистами академических институтов АН СССР. Начало создания каталога было положено заведующей отделом природы Запорожского областного краеведческого музея Перовской С.Г. (1950 – 1975 гг.). Эта статья является продолжением начатой ею работы.

Среди исследователей, внесших вклад в определение видовой принадлежности зубов хоботных из фондов музея, имена таких ученых-палеонтологов как: В.Е. Гартт – Зоологический музей АН СССР (г. Ленинград), Л.И. Алексеева – Геологический институт АН СССР (г. Москва), И.Г. Пидопличко – Институт зоологии АН УССР (г. Киев), В.И. Свистун – Национальный научно-природоведческий музей НАН Украины (г. Киев), В.И. Жегалло – Геологический институт АН СССР (г. Москва), В.Н. Логвиненко – Национальный научно-природоведческий музей НАН Украины (г. Киев).

В каталоге использована Региональная стратиграфическая шкала неогена и палеогена Украины [2, с. 36].

Класс MAMMALIA Linnaeus, 1756 – МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Отряд PROBOSCIDEA Illiger, 1811 – ХОБОТНЫЕ

Подотряд ELEPHANTOIDEA Osborn 1921 – СЛОНООБРАЗНЫЕ

Семейство MASDONTIDAE Girard, 1852 – ГРЕБНЕЗУБЫЕ МАСТОДОНТЫ

Распространение: ранний миоцен – плейстоцен Евразии и Америки.

Подсемейство MASTODONTINAE Brandt, 1869

Распространение: ранний миоцен – древний плейстоцен Евразии (кроме северных районов), ранний плиоцен – плейстоцен Северной Америки.

Род Mammuth Blumenbach, 1799 – Мастодонты

Распространение: средний миоцен – поздний плиоцен Молдавии, Украины, Кавказа, южного Урала, Казахстана, Западной Сибири, поздний миоцен – ранний плиоцен Китая, ранний миоцен – плейстоцен Северной Америки. Число видов – около 10 [1, с. 305].

Mammut sp.

Кп-6549/П-290 — Фрагмент зуба, Лысая гора, г. Васильевка, 1960 г.

Mammut borsoni (Hays 1834) – Мастоdont Борсона

Распространение: плиоцен Молдавии, Украины, Приазовья, Кавказа, Южного Урала, Западной Сибири, юга Центральной и Западной Европы. На ранних этапах развития ханпровского фаунистического комплекса ареал этого вида резко сокращается и к началу плейстоцена вид полностью вымирает [1, с. 305].

Кп-10322/П-300 — М₃, левый берег р. Янчекрак, между с. Жеребянка и с. Каменское. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 год. Длина коронки 145 мм, состоит из 4 рядов бугров и талона.

Кп-10919/П-339 — М₃, левый берег р. Янчекрак между с. Жеребянка и с. Каменское. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 год. Длина коронки 150 мм, ширина 80 мм, состоит из 4 рядов бугров и талона из 6 зубчиков.

Кп-14074/П-428 — М3. Песчаный карьер между с. Жеребянка и с. Каменское, 1975 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г. Длина коронки 145 мм, состоит из 4 рядов бугров.

Семейство GOMPHOTERIIDAE Cabrera, 1929 — БУГОРЧАТОЗУБЫЕ

МАСТОДОНТЫ

Подсемейство GOMPHOTERIINAE Hay, 1922

Род Gomphotherium Burmeister, 1837 — Гомфотерии

Trilophodon — Falconer, Quart. J., 1857. Geol. Soc. London, v. 13 : 307 — 360.

Bunophodon — Vacek, 1877. Abhandl. geol. Reichsanst., Bd 7, H. 4 : 1 — 45.

Tetralophodon — Cope, 1884. Proc. Amer. Soc., v. 22, Philadelphia : 1 — 21.

Ранний миоцен — средний плиоцен Азии. Миоцен Европы (средний миоцен Крыма), ранний миоцен Африки. Поздний миоцен — ранний плиоцен Сев. Америки [1, с. 307]. Возможны находки на территории Запорожской области.

Род Tetralophodon Falconer, 1857 — Тетралофодоны

Распространение: поздний миоцен Молдавии, Украины, Кавказа, а также Западной Европы, ранний плиоцен Ирана, ранний плиоцен Индии, поздний миоцен — ранний плиоцен Китая, плиоцен Явы, ранний плиоцен — средний плейстоцен Северной Америки. Число видов — около 10.

Tetralophodon longirostris Каур, 1832.

Распространение: поздний миоцен Молдавии, Украины, Кавказа, а также Западной Европы, ранний плиоцен Ирана и Сев. Африки (Тунис) [1, с. 308].

Кп-4318/П-67 — Коренной зуб. Урочище Большие Кучугуры, 1953 г. Определил В.Е. Гарутт [3, с. 266; 4, с. 62]. Длина коронки зуба 135 мм, ширина 65 мм, высота 75 мм.

Кп-4106/П-68 — Фрагмент коренного зуба. Балка Баранова, с. Балабино Запорожского р-на, 1952 г. Определил В.Е. Гарутт. Длина фрагмента коронки 130 мм, ширина 80 мм.

Кп-8230/П-148 — Фрагмент зуба. Песчаный карьер, правый берег р. Карачекрак, около г. Васильевки, 1958 г. Определил В.Е. Гарутт. Длина фрагмента коронки 60 мм, ширина 87 мм, высота 75 мм.

Кп-9367/П-171 — Фрагмент верхнего коренного зуба. Пляж, Лысая гора, окр. г. Васильевка, 1966 г. Определила Л.И. Алексеева, 1967 г. [5, Дело 1051]. Длина фрагмента 50 мм, ширина 50 мм, высота 80 мм.

Кп-9704/П-183 (1,2) — 2 неполных коренных зуба. Берег Каховского вдхр., г. Днепрорудный, 1967 г. Определила Л.И. Алексеева, 1971 г. [5, Дело 1051]. Длина коронки первого зуба 105 мм, ширина 65 мм, высота 80 мм, второго 140 мм, 81 мм и 70 мм соответственно.

Кп-9916/П-246 — Фрагмент зуба. Пляж, Лысая гора, г. Васильевка. Определила Л.И. Алексеева, 1968 г. [5, Дело 1051].

Кп-11668/П-394 — Два фрагмента зубов. Лысая гора, г. Васильевка, 1973 г. Длина первого фрагмента 80 мм, ширина 31 мм, высота 50 мм, второго 40 мм, 25 мм и 32 мм соответственно. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Tetralophodon sp.

Вс-оп-63 — Фрагмент зуба. Лысая гора, г. Васильевка. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Подсемейство ANANCINAE Hay, 1922

Род Anancus Aymard, 1859 — Ананкусы

Распространение: конец раннего — поздний плиоцен Евразии, ранний плейстоцен Африки, поздний миоцен — ранний плиоцен Индии. Число видов — около 10.

Anancus arvensis (Croizet et Jobert, 1828) — Овернский мастодонт

Распространение: конец раннего — поздний плиоцен Украины, Молдавии, Казахстана, Англии, Бельгии, Греции, Грузии, Италии, Нидерландов, Германии, Франции. Поздний миоцен — ранний плиоцен Индии, плиоцен Китая. Средний — поздний плиоцен, ранний плейстоцен Африки [1, с. 309].

Кп-11523/П-393 — Фрагмент зуба. Побережье Каховского вдхр., Лысая гора, г. Васильевка, 1973. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г. [6, с. 94]. Длина фрагмента около 40 мм, ширина 40 мм, высота 40 мм.

Кп-12685/П-420 — Два фрагмента зуба. Песчаный карьер между селами Жеребянка и Каменское, 1975 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г. [6, с. 94].

Кп-39472/П-557 — Фрагмент нижней челюсти с M_2 , Пологовский каолиновый карьер, 1984 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г. [6, с. 94]. Длина зуба 171 мм, ширина 90 мм, состоит из 4,5 рядов бугров.

Семейство ELEPHANTIDAE Gray, 1821 — СЛОНОВЫЕ

Распространение: поздний миоцен — современность Африки, поздний плиоцен — современность Евразии, средний — поздний плейстоцен Сев. Америки. Включает три подсемейства.

Подсемейство ELEPHANTINAE Gray, 1821

Род Archidiskodon Pohlig, 1885 (= Mammuthus Brookes, 1828 in part) —

Архидискодонтные слоны

Распространение: ранний плиоцен — ранний плейстоцен Африки, поздний плиоцен — ранний неоплейстоцен Европы (кроме северных районов), Азии (кроме Юго-Восточных районов), ранний плейстоцен Северной и Центральной Америки. Тип рода — *Archidiskodon meridionalis meridionalis* (Nesti, 1825).

Archidiskodon meridionalis (Nesti, 1825) — Южный слон

Вид описан Г. Нести в 1808 году по остаткам из Верхнего Вальдарно Северной Италии. На сегодня описано около 10 подвигов южного слона. На территории Украины известны три подвида: *A. m. meridionalis*, *A. m. gromovi* и *A. m. tamanensis* [1, с. 311].

Archidiskodon meridionalis gromovi Garutt et Alexeeva, 1965 — Слон Громова

Распространение: начало позднего плиоцена России, Молдавии и Украины: Италии, Румынии и Венгрии. Входит в состав хапровского фаунистического комплекса.

Кп-10452/П-310 — Фрагмент зуба. Берег Каховского вдхр., с. Балки, 1967 г. Определил В.Н. Логвиненко.

Archidiskodon meridionalis meridionalis Nesti, 1825 —

Южный слон (номинативный подвид)

Распространение: поздний плиоцен Евразии (вся Европа, Урал, Сибирь, Кавказ).

Кп-3264/П-10 — Фрагмент $M_{1,2}$. Найден в 7 км от г. Б. Токмак, левый берег р. Токмак, близ кирпично-черепичного завода в песке, 1942 г. Определил В.Е. Гарутт, 1952 г. Ширина зуба 240 мм.

Кп-4152/П-25 — Стертый $M_{1,2}$ из 3,5 пластин. Длина зуба 80 мм, ширина 75 мм. Передан из г. Днепропетровска. Определил В.Е. Гарутт, 1955 г.

Кп-4282/П-31 — Фрагмент нижнего зуба из 8 пластин. г. Б. Токмак, Луговский песчаный карьер, 1950 г. Определен В.Е. Гаруттом [4, с. 103].

Кп-5642/П-32 — Фрагмент нижнего левого коренного зуба из 5 пластин. Г. Б. Токмак, песчаный карьер завода, с. Луговки, 1957 г. Определен В.Е. Гаруттом. Длина зуба 100 мм, ширина зуба 90 мм.

Кп-2098/П-88 — Фрагмент верхнего коренного зуба. Г. Б. Токмак, песчаный карьер южнее с. Луговки. Определил В.Е. Гарутт, 1955 г.

Кп-2098/П-89 — Фрагмент зуба из 5 пластин. Г. Б. Токмак, песчаный карьер южнее с. Луговки. Определил В.Е. Гарутт, 1955 г.

Кп-6750/П-94 — Фрагмент нижнего коренного зуба. Г. Б. Токмак. Определен В.Е. Гаруттом, как поздний тип, близкий к трогонтериевому, 1960 г.

Кп-6803/П-102 — Фрагмент коренного зуба из 3 пластин. Берег Каховского вдхр. между селами Скельки и Златополь Васильевского р-на, 1960 г. Определил В.Е. Гарутт [5, Дело 1051].

Кп-5261/П-286 — Обломок нижнего левого коренного зуба. Запорожская обл. Определил В.Е. Гарутт. Длина фрагмента около 220 мм.

Кп-10397/П-309 — Фрагмент левой ветви нижней челюсти с M_3 . Берег Азовского моря, с. Ботево, 1969 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г. Длина зуба 237 мм, ширина 90 мм.

Кп-10550/П-312 — Фрагмент верхней челюсти с M^1 . Балка Покосная Бердянского р-на, 1969 г. Определил В.Н. Логвиненко 2002 г. Зуб состоит из 10 пластин.

Кп-11940/П-407(1 — 4) — Четыре коренных зуба (M^2 , $M^{1,2}$, M_2 , $M_{1,2}$). Село Орлянка Васильевского р-на. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г.

Кп-11941/П-409 — Фрагмент зуба длиной 50 мм, шириной 60 мм. Берег Каховского водохранилища у с. Б. Знаменка Каменско-Днепровского р-на, 1974 год. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Кп-62609/П-565 — Фрагмент коренного зуба. Запорожская обл., 2002 г. Длина фрагмента около 160 мм, состоит из 6 пластин, ширина зуба 90 мм. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Archidiskodon trogonterii Pohlig, 1885 — **Трогонтериевый слон**

A. wusti M. Pavlowa. 1910. Nouv. Mem. Soc. Natur. Moscou, t.17:6-18, pl. 1, fig.2-12.

Кп-3022/П-7 — Фрагмент симфизной части нижней челюсти с зубом. Место находки неизвестно. Определил В.Е. Гарутт 1952 г.

Кп-7070/107 (1-2) — $M^{1,2}$ из 11 пластин, M^2 из 15 пластин. Берег Каховского вдхр. В северной части с. Маячки Васильевского р-на, 1961 г. Определил В.Е. Гарутт 1967 г. [5, Дело 1051].

Кп-10551/П-318 — Стертый M_1 состоящий из 5 пластин. Длина зуба 210 мм. Г. Запорожье. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г.

Кп-23877/П-444 — M_2 стертый из 15 пластин. Черкасская обл., 1979 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2002 г. Длина 200 мм, ширина 70 мм, высота 115 мм.

Кп- 62915/П-570 — M^1 . р. Днепр, г. Канев, 2005 г. Длина зуба 180 мм, ширина 90 мм, состоит из 12 пластин. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Вс-ф-4944 — Фрагмент верхнего коренного зуба из 7 пластин. р. Днепр у с. Беленькое, 1984 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Archidiskodon sp.

Вс-оп-19 — Фрагмент коренного зуба. Устье р. Самары Днепропетровской обл. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Кп-11941/П-408 — Фрагмент коренного зуба. Берег Каховского вдхр. возле с. Б. Знаменка, Каменско-Днепровского р-на, 1974 г. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Вс-оп-5 — Фрагмент верхнего коренного зуба из 7,5 пластин. Местонахождение неизвестно. Определил В.Н. Логвиненко, 2007 г.

Род Mammuthus Bunett, 1830 — Мамонты

Распространение: средний — поздний плейстоцен Евразии, Северной Америки.

Mammuthus chosaricus Dubrovo, 1966 — Хазарский мамонт

Распространение: конец раннего неоплейстоцена Евразии.

Кп-7607/П-128 (1, 2) — Левый M_3 из 24,5 пластин и разрушенный зуб. Передаточнинский карьер, г. Запорожье, 1963 г. Определил В.И. Жегалло, 1982 г.

Кп-9953/П-256 — Зуб коренной. Место находки неизвестно. Определил В.Е. Гарутт. Длина зуба 160 мм, ширина 70 мм, состоит из 11 пластин.

Кп-10609/П-322 — Pd^3 из 5 пластин. Берег Каховского вдхр. у с. Благовещенка. Определил В.Е. Гарутт. Длина зуба 50 мм, ширина 42 мм, высота 55 мм.

Mammuthus primigenius Blumtnbach, 1799 — Мамонт

Распространение: вторая половина среднего — поздний плейстоцен Евразии, Северной Америки.

Кп-5519/П-24 — M^1 . Берег Каховского вдхр., южнее с. Балки, 1957 г. Определил В.Н. Логвиненко 2002 г., как раннюю форму мамонта. Состоит из 14 пластин.

Кп-4115/П-28 (1,2,3) — Фрагмент челюсти с $M^{2?}$ состоящим более чем из 12 пластин, M_3 из 14 пластин, M_2 из 12 пластин. Склон р. Мокрая Московка, г. Запорожье, 1954 г. Определение И.Г. Пидопличко.

Кп-5494/П-44 — M^1 . Склон р. Днепр, с. Беленькое, 1956 г. Определил В.Е. Гарутт, как позднюю форму мамонта, 1959 г. Длина зуба 155 мм. Состоит из 12 пластин.

Кп-3681/П-70 — M^2 левый. Берег р. Обиточной, в 1 км от с. Шевченково, (бывшего Андреевского р-на) Бердянского р-на, 1952 г. В.Е. Гарутт определил как форму более близкую к сибирским, чем к западноевропейским мамонтам [5, Дело 962; 7, с. 102]. Длина зуба 125 мм.

Кп-4363/П-79 — M^3 . Из р. Днепр у с. Беленькое, 1955 г. Определил В.Е. Гарутт. Длина зуба 220 мм, ширина 80 мм, высота 180 мм, состоит из 22 пластин.

Кп-6257/П-87 — $M_{2?}$ средней степени стертости. Берег р. Новый Днепр, г. Запорожье, о. Хортица. Определил В.Е. Гарутт. Состоит из 13 пластин.

Кп-9366/П-170 (1,2,3) — M^2 из 14 пластин, неполный M_2 в 2 фрагментах, M^3 из 24 пластин. Берег Каховского вдхр. возле с. Б. Знаменка Каменско-Днепровского р-на, 1962 г. Определил В.Е. Гарутт, 1967 г., как позднюю форму мамонта [5, Дело 1051].

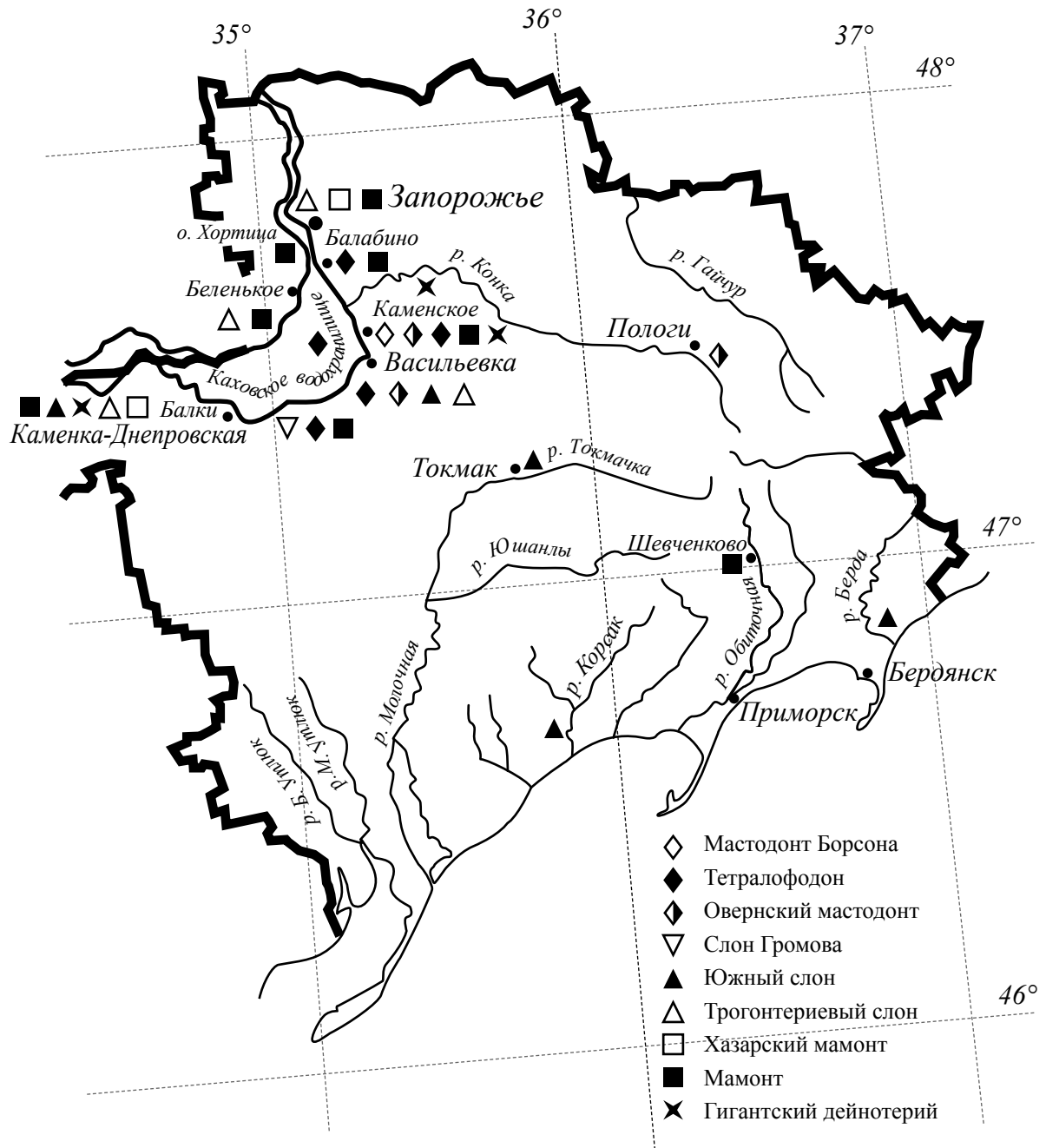
Кп-9813/П-199 — M^3 левый. Овраг в п. Каневское Запорожского р-на, 1967 г. В.Е. Гарутт определил как древнюю форму мамонта [5, Дело 769]. Зуб состоит из 19 пластин.

Кп-25245/П-453 — Фрагмент нижней челюсти длиной 510 мм. Определил В.И. Свистун, 1982 г.

Кп-32611/П-497 — М². Берег Каховского водохранилища, возле г. Днепрорудный. Определил В.И. Свистун, 1986 г. Состоит из 15 пластин. Длина зуба 170 мм, ширина 45 мм

Кп-62608/П-564 — М¹⁻². Запорожская обл., 2002 г. Длина зуба 160 мм, ширина 170 мм, состоит из 12 пластин.

Вс-оп-1 — Коренной зуб. Якутия. Определил В.Е. Гарутт.

Местонахождение зубов хоботных на территории Запорожской области

Подотряд DEINOTERIIDAE Osborn, 1921

Семейство DEINOTHERIIDAE Bonaparte, 1845, — Дейнотериевые

Род *Deinoterium* Kup, 1829 — Дейнотерии

Deinotheium gigantissimus Stefanescu, 1892 — Гигантский дейнотерий

Распространение: поздний миоцен Украины, Молдавии, России, Румынии, Болгарии, Чехии, Словакии, Греции; ранний плиоцен Северного Кавказа.

Кп-6751/П-95 — Фрагмент зуба. Белозерский лиман, с. Каменка-Днепровская 1960 г. Определил Н.В. Логвиненко 2002 г. [6, с. 93]. Ширина зуба 112 мм, высота коронки 56 мм.

Кп-9088/П-150 — Фрагмент передней части верхнего коренного зуба. Песчаный карьер у с. Каменское Васильевского р-на. Определили В.Е. Гарутт и В.И. Свистун [4, с. 114; 8, с. 8].

Кп-38133/П-551 — Молочный зуб. Село Юльевка Ореховского р-на 1983 г. Определил В.И. Свистун. Длина коронки 48 мм, ширина 35 мм, высота 40 мм.

Хоботные являются руководящей группой млекопитающих, эволюционное развитие которой отображает изменения палеоландшафтной обстановки. Строение зубов слонов и их быстрая эволюция свидетельствуют о приспособляемости к питанию [6, с. 105]. Данный каталог дает возможность упорядочить сведения о древних хоботных на территории Запорожской области и более эффективно использовать их в фондовой, экспозиционной, просветительской работе на современном уровне.

Литература и источники

1. Каталог млекопитающих СССР. Плиоцен-современность. — Л.: Наука, 1981. — 456 с.
2. Стратиграфічний кодекс України / Національний стратиграфічний комітет України. Під ред. Ю.В. Тесленко, П.Ф. Гожики, К.Ю. Єсипчука, В.В. Пермякова, О.П. Фісуненка. — К.: Національний стратиграфічний комітет України, 1997. — 39 с.
3. Основы палеонтологии: В 15 т. / АН СССР, Министерство геологии и охраны недр СССР. — М.: АН СССР, 1962. — Т. XIII. — 421 с.
4. Дуброво И.А., Капелист К.В. Каталог местонахождений третичных позвоночных УССР. — М.: Наука, 1979. — 159 с.
5. Архив ЗКМ, д. 769, д. 962, д. 1051.
6. Логвиненко В.Н. Хоботные (Proboscidea) плиоцена — раннего плейстоцена Украины // Вісник Національного науково-природничого музею. — К.: 2001. — № 1. — С. 92 — 105.
7. Гарутт В.Е., Перовская С.Г. Знахідка черепа мамонта в Запорізькій області // Збірник праць зоологічного музею. — К.: АН УРСР, 1960 — № 29 — С. 101 — 104.
8. Свистун В.И. Динотерии Украины. — К.: Наукова думка, 1974. — 52 с.

ОСТАНКИ БОЛОТНОЙ ЧЕРЕПАХИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Во время различных земляных работ, в том числе и археологических исследований, нередко находят останки животных, систематический обзор которых, расширяет наши возможности в изучении истории фауны. Автор благодарит археологов, научного сотрудника ЗНУ М. В. Ельникову и начальника археологической экспедиции ЗОКМ А. Л. Антонова за предоставленные материалы.

Объектами исследования были панцири и кости скелета двенадцати черепах, принадлежащих виду болотной черепахи — *Emys orbicularis*. Предоставленные для исследования останки черепах, обнаруженные во время археологических исследований на территории Запорожской области, интересны тем, что найдены на разных участках и относятся к различным эпохам. Останки всех пяти животных, предоставленные научным сотрудником научной лаборатории археологических исследований ЗНУ М. В. Ельниковым, находились в погребении № 1156 (2004 г.) средневекового грунтового могильника, расположенного на левом берегу Каховского водохранилища, в 1 км к западу от с. Великая Знаменка Каменско-Днепровского района. К востоку от могильника протекает река Мамай-Сурка. Почти полностью сохранившиеся части панцирей всех животных, а в некоторых случаях и отдельные кости скелета, что случается крайне редко [1, с. 100], позволили выполнить их полную реконструкцию

Имеются следующие кости:

Черепаха № 1. — А.

Карапакс (carapax). В сохранившемся карапаксе, с правой стороны отсутствуют 8, 9 краевые (marginale) пластины. В осевом скелете полностью сохранились 3 и 6 позвонки, и фрагментарно 4, 5, 7, 8, 9 с местами сращения с реберными пластинами. Длина — 22 см., ширина — 17,2 см., высота — 7,5 см.

Пластрон (plastron). Сохранился с поврежденными пластинами гипопластрона (guroplastron) и ксифипластрона (xiphiplastron). Подмышечные и паховые подпорки с обеих сторон обломаны. Длина — 17,2 см., ширина — 10,9 см.

Шейные позвонки (vertebrae cervicales). Сохранилось два, в том числе и эпистрофией (epistropheus), и возможно 4 или 5 с частично обломанными остистыми и сочленовными отростками.

Позвонки крестцового отдела (vertebrae sacralis). Сохранились оба позвонка, с частично обломанными сочленовными и остистыми отростками.

Плечевая кость (humerus). Имеется только левая кость, с частично поврежденным, дельто-пекторальным отростком.

Кораконд (coracoid). Правый, секировидной формы.

Бедренная кость (femur). Две правых, одна из них целая. Вторая представлена обломком проксимального конца с большей частью диафизы и фрагментом дистального конца. Фрагменты не контактируют друг с другом, из-за отсутствия связующего участка диафизы. Два фрагмента левой кости, принадлежащие разным животным, представляющие собой обломок проксимального конца и дистального конца с большей частью диафизы.

Большая берцовая кость (tibia). Левая — представлена проксимальным концом с большей частью диафизы. Правая отсутствует.

Малая берцовая кость (fibula). Левая – представлена проксимальным концом.

Тазовые кости (pelvis). Фрагмент левой части лобковой кости с широким латеральным отростком и частью сочленовной ямы.

Черепаша № 2. 1 – В, 1 – Г, 1 – Д.

Карапакс (carapax). Сохранились почти все пластины за исключением нескольких незначительных фрагментов. Длина – 20 см., ширина – 15 см., высота – 6 см.

Пластрон (plastron). Сохранился полностью с обломанными подмышечными и паховыми подпорками. Длина – 18 см. ширина – 10 см.

Череп (cranium). Сохранилась нижняя зубная кость (os dentale).

Плечевая кость (humerus). Правая – с поврежденными дельто – пекторальными и медиальными отростками плеча и с обломанным дистальным концом.

Бедренная кость (femur). Фрагмент левой кости бедра с проксимально сочленовной головкой, большой и внутренний трохантер не сохранились.

Тазовые кости (pelvis). Представлены четырьмя фрагментами, два из которых принадлежали одному животному. Это обломок левой части лобковой кости с сохранившимся латеральным отростком и частью сочленовной ямы и средняя часть лобковой кости с правой стороны. Два не контактирующие друг с другом фрагмента лобковой и седалищной кости с левой стороны.

Черепаша № 3. 1 – Б.

Карапакс (carapax). В настоящее время отсутствуют фрагменты 7 и 8 невральных пластин, надхвостовая пластина, справа фрагменты 5, 6 реберных пластин, слева 8 реберная пластина и фрагмент 9 краевой. Длина – 20,4 см., ширина – 15 см.

Пластрон (plastron). Сохранились все пластины, за исключением фрагмента анального щитка справа. Длина – 17,5 см., ширина – 10 см.

Других костей скелета нет.

Черепаша № 4. 1 – Е.

Карапакс (carapax). Сохранился полностью. Длина – 21 см., ширина – 15 см., высота 6,5 см.

Пластрон (plastron). Сохранился полностью. Длина – 17,5 см., ширина – 10 см.

Череп (cranium). Сохранился фрагмент верхней части, состоящий из скуловой (jugale), квадратно – скуловой (quadrotojugale), квадратной (quadratum), чешуйчатой (squamosum), небной (palatinum) костей. В затылочном отделе сохранились все четыре затылочные кости: основная затылочная (basioccipitale), две боковых затылочных (scipitale laterale), верхняя затылочная (supraoccipitale), и затылочный мыщелок (condyilus occipitalis).

Шейные позвонки (vertebrae cervicales). Фрагмент сочленовного отростка позвонка.

Коракоид (coracoid). Состоит из двух стыкующихся друг с другом фрагментов проксимального и дистального секировидного.

Фаланга (phalangx). Сохранилась одна, принадлежность ее к какому-либо пальцу установить невозможно. Исследование фаланг черепах связано с определенными трудностями, так как эти кости очень мелкие, плохо сохраняются и часто теряются.

Тазовые кости (pelvis). Таз сохранился с обломанными дистальными концами подвздошных костей.

Черепаша № 5. 1 – Ж.

Карапакс (carapax) сохранился полностью, без повреждений. Длина – 21,3 см., ширина – 15,2 см. высота – 6,7 см.

Пластрон (plastron). сохранился полностью. Длина — 19 см., ширина — 11 см.

Лопатка (scapula). Сохранился проксимальный отдел с сочленовной ямкой.

Хорошо сохранившиеся панцири рассмотренных черепах прежде всего позволяют определить их вид и возраст. Карапаксы всех пяти черепах гладкие и уплощенные со слабо выраженным вертебральным гребнем, имеют форму овала, слегка расширяющегося назад. Они состоят из следующих костей: центральный ряд образован одной загривковой (nuchale) пластиной, характерной для *Emys* шестиугольной формы, передний край которой широкий и слабовыямчатый, задний — узкий, имеет небольшую округлую вырезку по форме переднего края невральная пластины [2, с. 143]. За ней, располагаются 8 невральных (neuralgia) пластин шестиугольной формы с короткими переднебоковыми сторонами, сросшихся с остистыми отростками спинных позвонков. Это особенно хорошо видно на образце № 1 — А. Имеются незначительные вариации в форме 1-ой невральной пластины у 1 — Б, 1 — В, и в форме 8-ой пластины у 1 — В, 1 — Ж. Последними в этом ряду идут надхвостовая (suprapygale) и хвостовая (pygale) пластины. По обе стороны от центрального ряда расположены 8 пар реберных (costalia) пластин. По краю карапакса расположены 11 пар краевых (marginalia) пластин. С наружной стороны карапакс покрыт роговыми щитками. Границы между ними отмечены бороздками на костных пластинах. Медиальный ряд состоит из 1-го загривкового (nuchale), и 5-и позвоночных (vertebralia) щитков. С обеих сторон от медиального ряда, лежат 4 пары реберных щитков (costalia). Наружный край карапакса образован 12 парами краевых (marginalia) щитков.

Пластрон состоит из 9 костных пластинок непарного энтопластрона (entoplastron) эпипластронов (epiplastron) гио — (hyo), гипо — (hypso), и ксифипластронов (xiphiplastron), перекрытых следующими парными роговыми щитками горловыми (gularia), плечевыми (humeralia), грудными (pectolaria), брюшными (abdominalia), бедренными (femoralia) и анальными (analia). В месте соединения пластрона с карапаксом имеются подмышечные и паховые вырезки (incisurae axillaris et inguinalis), с соответствующими им подпорками. Кроме вышеуказанных морфологических признаков, которые типичны для современной нам болотной черепахи [2, сс. 73 — 74], за стандартный комплекс особенностей с которыми можно сравнивать признаки следует считать: форму загривковой, надхвостовой и хвостовой пластин и соответствующих им щитков, а также форму и строение пластин и щитков пластрона и швов между ними. Загривковые пластины у всех пяти черепах имеют шестиугольную форму с широким, передним, слабо-выемчатым краем, задний узкий, имеет небольшую округлую вырезку по форме переднего края невральная пластины [1, с. 110]. Загривковые щитки узкие, их длина больше чем ширина. Первый хребтовый щиток расширен впереди, длина 2, 3, 4 хребтовых щитков меньше их ширины [3, с. 149]. Надхвостовые пластины кроме 1 — Б (отсутствует) имеют шестиугольную форму, слабовыпуклые в средней части, хвостовые пластины четырехугольной формы, слабовырезанные сзади. На передней доле эпипластрона имеется острый бугорок, образующий угол передней и переднебоковой сторон [1, с. 110]. Энтопластрон в задней своей части пересечен бороздой, разграничивающей плечевые и грудные щитки, между гио- и гипопластрономы имеется подвижное соединение. Шов между анальными щитками значительно длиннее шва между бедренными [3, с. 149]. Задняя доля ксифипластрона слабо-выемчатая сзади в виде тупого угла [1, с. 110].

Таким образом, по большинству признаков, прослеживающихся на примере данных черепах, можно сделать вывод, что они не отличаются от современной нам болотной черепахи. Размеры же панцирей позволяют считать, что это были взрослые животные [3, с. 149].

Фрагменты панцирей и скелетов следующих семи черепах, предоставленные начальником археологической экспедиции ЗОКМ А.Л. Антоновым, обнаружены в 2006 г. на правом берегу Каховского водохранилища в 3 км к юго — западу от с. Беленькое. Животные находились в заполнении хозяйственных ям черняховского поселения III — V вв. н. э. на глубине 1 м.

Останки животных представлены разрозненными мелкими, часто не стыкующимися между собой фрагментами, позволяющими провести лишь частичную реконструкцию отдельных частей карапаксов и пластронов.

Черепаша № 1. 105, Шурф. 3, 2006 г.

Карапакс (carapax). Фрагмент загривковой пластины (№ 1) соединяющийся с первой краевой и первой реберной пластинами с правой стороны. Семь фрагментов реберных пластин (№ 2). Фрагменты краевых второй и восьмой пластин с соответствующими им реберными пластинами с правой стороны (№ 3), фрагменты восьми краевых пластин (№ 4). Все фрагменты мелкие и не стыкуются между собой.

Пластрон (plastron). Фрагмент эпипластрона и гиопластрона с подмышечным щитком с левой стороны (№ 1). Фрагмент гипопластрона и ксифипластрона с паховым щитком с левой стороны (№ 2). Фрагмент гипопластрона и ксифипластрона с правой стороны (№ 3). 22 фрагмента пластрона не идентифицируются.

По имеющимся фрагментам пластрона, можно предположить, что его длина была приблизительно 17 — 19 см, при этом ширина могла быть 10 — 11 см, соответственно длина карапакса примерно 19 — 20 с высотой 6 — 7 см, что соответствует размерам взрослого животного [3, с. 149].

Шов между эпи- и гиопластроном на фрагменте № 1, и границы между щитками на фрагментах № 2 и 3 соответствуют и подобны этим же элементам болотной черепахи.

Черепаша № 2. 105, шурф 3, 2006 г.

Карапакс (carapax). Представлен пятью фрагментами. Один из них состоит из загривковой пластины и следующих за ней пяти невральных, влево от которых отходят четыре реберных. Справа сохранилась часть первой реберной пластины, а также части первой левой и правой краевых пластин (№ 1). Следующие — из 3 — 6-ой невральных пластин (№ 2); частей второй, третьей и четвертой реберных пластин с левой стороны (№ 3); обломков 2-ой и 3-й реберных пластин с правой стороны (№ 4); двух краевых пластин (№ 5.).

Пластрон (plastron). Представлен гиопластроном и фрагментом гипо — и ксифипластрона с правой стороны. Сохранившиеся фрагменты пластрона позволяют приблизительно определить его длину около 16 — 17 см, и точно ширину — 10,7 см. При соответствующих размерах пластрона, длина карапакса предположительно может быть — 18 — 19 см, ширина около — 14 см. Несмотря на то, что по размерам эта черепаха уступает ранее описанным образцам, ее вполне можно считать взрослым животным [3, с. 149].

Черепаша № 3. Портмашево 2006. Траншея 1. КВ — 5, шт. 2,3.

Карапакс (carapax). Фрагмент реберного щитка прямоугольной формы 2 x 1 см, первой краевой пластины с правой стороны.

Черепаха № 4.

Карапакс (carapax). Представлен мелкими, не стыкующимися между собой фрагментами пластин, загривковой, и сохранившимися 12-тью фрагментами реберных и 16 краевых пластин. 12 фрагментов карапакса не идентифицируются. Обломок загривковой пластины шестиугольной формы, передняя, широкая сторона слабовеямчатая, задняя обломана. Загривковый щиток узкий и длинный.

Пластрон (plastron). 5 фрагментов пластин, один из них гипопластрона с паховой подпоркой с левой стороны.

Шейные позвонки (vertebrae cervicales). Один процельный позвоночник.

Тазовые кости (pelvis). Фрагмент лобковой кости с левой стороны.

Черепаха № 5.

Карапакс (carapax). Представлен загривковой пластиной, 11 фрагментами реберных пластин, 7 фрагментами краевых пластин. Двумя фрагментами позвонков. Загривковая пластина сохранилась полностью. Имеет шестиугольную форму, передний край которой широкий и слабовеямчатый, задний узкий имеет вырезку соответствующую форме передней стороны первой невральная пластины. Загривковый щиток узкий, удлинённый, слегка расширяющийся назад.

Пластрон представлен 1 фрагментом гипопластрона с подмышечной подпоркой с левой стороны, задней слабовеямчатой частью ксифипластрона.

Шейные позвонки (vertebrae cervicales). Представлены двумя процельными фрагментами позвонков, с обломанными остистыми и сочленовными отростками.

Плечевая кость (humerus). Проксимальная головка правой кости плеча.

Лопатка (scapula). Представлена тремя не контактирующими друг с другом фрагментами: проксимальной частью лопатки с обломанным дистальным концом, дистальным отделом акромиона с большей частью диафизы и проксимальным отделом коракоида. Имеется 7 фрагментов дистальных концов костей, которые не определяются.

Черепаха № 6.

Карапакс (carapax). Представлен фрагментом загривковой пластины, 8 фрагментами реберных пластин, 4 фрагментами краевых пластин. Все фрагменты мелкие и не стыкующиеся друг с другом. Фрагмент загривковой пластины шестиугольной формы, с широкой слабовеямчатой передней стороной и обломанной задней, загривковый щиток не сохранился.

Пластрон (plastron). Представлен фрагментами правой части эпипластрона и гипопластрона с частично сохранившейся подмышечной подпоркой, фрагментом гипопластрона с паховой подпоркой. С левой стороны — фрагментами эпипластрона, задней доли ксифипластрона и фрагментом подпорки. На передней доле эпипластрона имеется характерное заостренное утолщение, образующее угол между передней и переднебоковой сторонами [1, с. 110].

Лопатка (scapula). Представлена тремя фрагментами не контактирующими между собой. Левая часть проксимальным концом с сочленовной ямой с обломанными дистальным концом и акромиальным отростком.

Большая берцовая кость (tibia). Дистальный фрагмент большой берцовой кости.

Черепаха № 7.

Карапакс (carapax). Представлен 10 фрагментами реберных, 4 фрагментами краевых пластин.

Пластрон (plastron) представлен двумя фрагментами. Один из них — передняя доля эпипластрона с правой стороны. Фрагмент переднебоковой части эпиплас-

трона с хорошо выраженным заостренным утолщением, образующим вершину угла между передней и переднебоковой сторонами [1, с. 110].

На рассмотренных материалах № 1, 2, 4, 5 четко видно, что строением и формой загривковая пластина и щиток не отличаются от современной болотной черепахи. Общие черты с определяемым видом имеют эпипластроны № 6 и 7 и ксифипластроны № 5 и 6.

Таким образом, все костные останки двенадцати черепах из археологических памятников имеют общие признаки в форме и взаимоотношениях костных пластин и роговых щитков панциря и их скульптуре, с современным нам видом болотной черепахи — *Emys orbicularis*. Сохранность отдельных костей скелета и отсутствие повреждений на панцирях (зарубки, насечки и др.) позволяют считать, что животные были захоронены целиком. Разрушение же панцирей в первом случае произошло из-за давления грунта в погребении, во втором — из-за характера залегания в хозяйственной яме, где могло быть перемещение различных слоев, отсюда и недостающие фрагменты.

Хотя эти находки и не относятся к ископаемым, тем более они интересны как отдельные компоненты фауны тесно связанные с определенными климатическими и географическими условиями [4, с. 149]. Поэтому они являются удобным инструментом, позволяющим изучать биотопы, ландшафты, корректируя, таким образом, представления о природных условиях прошлого.

Литература

1. Таращук В.І. Викопні черепахи родини Emididae з неогенових та антропогенових відкладів України. // Збірник праць зоологічного музею — К, 1971. — № 34 — С. 100 — 111.
2. Определитель фауны земноводных и пресмыкающихся СССР. — М.: Просвещение, 1977 — 415 с.
3. Биологический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия., 1986 г. — 831 с.
4. Таращук В.І. Земноводні та плазуни // Фауна України. — К: Наукова думка, 1959. — Т. 7 — 246 с.

Черноморец В.С.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ВРЕМЯ

Территория нынешней Запорожской области до революции входила в состав Таврической и Екатеринославской губерний. В данной статье рассматриваются только те научные изыскания, которые проводились в конкретном регионе.

Мы не ставим задачу давать подробные описания и оценку деятельности ученых, работавших здесь, а только вкратце остановимся на вкладе каждого из них в ботаническое изучение территории нынешней Запорожской области.

И.А. Гюльденштедт (Гильденштедт) — исследователь природы южнорусских степей, первым дал характеристику почв, растительности и животного мира степей, объясняя их происхождение [1, с. 281]. В 1774 г. возвращаясь с Кавказа,

проехал по долине р. Берды к ее истокам, оттуда спустился до устья р. Мокрой Камышеватой, затем прибыл в г. Александровск [2, д. 2742]. Результаты путешествия на Украину были изданы Палласом в двух томах на немецком языке. Позже дневник путешествия академика Гюльденштедта был напечатан на русском языке [3]. В нем описаны древесные породы и травянистые растения, роль растений и животных в образовании чернозема [4, с. 168 – 169].

В 1781 – 1782 гг. российский ученый-натуралист Зуев В.Ф. по плану Географического департамента возглавил научную экспедицию на юг России. Его наблюдения описаны в работе «Путешественные записки...» [5]. По некоторым данным он побывал и на Кичкасе в 1781 году [2]. В свое время, как естествоиспытатель и член экспедиции Паласса, перевел на русский язык его сочинение «Описание растений Российского государства», в котором есть и списки растений юга России [6].

Во время путешествия по югу России, наш край посетил академик, естествоиспытатель Паллас Петр-Симон. В 1793 г. по пути из Таганрога в Крым он проехал от устья Берды, через долины рек Кильтичьей и Обиточной на Корсак – Могилу, дальше через реки Молочную, Тащенак и Утлюк [2, д. 2742]. Отмечая, что между р. Бердой и р. Корсак есть выходы красных и серых гранитов, а также наличие гнейсов, Паллас дал характеристику и растительного мира данной местности [7].

В 1876 году Бекетов А.Н. изучал флору Александровского уезда (о. Хортица, г. Александровск и его окрестности). Коллекция екатеринославской флоры, составленная им, хранилась при ботаническом саде Санкт-Петербургского университета [2, д. 2707]. Он использовал собственные наблюдения, гербарий Акинфиева И.Я., списки Гюльденштедта И. [2, д. 2742], наблюдения учителя г. Александровска Я. Новицкого, а по большей части списки растений, составленные Л. Грунером при обследовании Александровского уезда, при впадении р. Конки в Днепр, представлявшие собой не только описание 539 видов растений, но и даты цветения и местонахождения [2, д. 2707]. Бекетов А.Н. в 1866 году опубликовал работу «О Екатеринославской флоре» [8, с. 1 – 166]. Она явилась выдающимся ботанико-географическим исследованием. Это был первый в России обобщающий труд по флоре южнорусских степей. Работа содержала полный список растений Екатеринославской флоры – 1046 видов. Бекетов А.Н. изложил оригинальные взгляды на происхождение южнорусских степей, он детально описал характерные черты степного ландшафта, а также типичные степные растения: ковыль (*Stipa pennata*), тырсу (*Stipa capillata*), бобовник (*Amygdalus nana*), карагану (*Caragana frutescens*) и дикую вишню (*Prunus chamaecerasus*). Анализируя Екатеринославскую флору, Бекетов А.Н. сравнивал южно-украинские степи с испанскими и венгерскими.

Докучаев В.В. – основоположник комплексного изучения природы, в 1877 – 1878 гг. по поручению Вольно-экономического общества совершил две летние поездки для исследования черноземов. [9, с. 415 – 432]. При этом посетил Александровск, Мелитополь. По пути из Никополя в Александровск обследовал плавни [2, д. 2742]. Во время экспедиции были собраны образцы почв, растений и животных. [10]. В 1892 г. при Лесном департаменте Министерства государственных имуществ организуется «Особая экспедиция по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России», которую возглавляет В. Докучаев.

Рядом с ним работали Высоцкий Г.М., Танфильев Г.И. и другие ученые. Общая работа с В.В. Докучаевым дала им возможность накопить богатый фактический

материал по растительности степей, понимание сложного процесса почвообразования и роли растительности в нем. Ряд выводов этой экспедиции были применены в работе Бердянского лесничества [11].

Шмальгаузен И.Ф. — ученик Бекетова А.Н., выдающийся русский ботаник — один из основоположников палеоботаники в России. В 1885 г. приступает к работе по изучению флоры Средней и Южной России, Крыма и Северного Кавказа и собирает богатый флористический материал [12, с. 69 — 70]. В 1887 г. посещает г. Александровск, остров Хортицу и собирает гербарный материал, дает его описание [2, д. 2742]. Его двухтомник «Флора Средней и Южной России, Крыма и Северного Кавказа» выходит уже после его смерти в 1895 и 1897 гг. [13].

В 1890 г. Высоцкий Г.Н., будучи студентом Петровской сельскохозяйственной академии, проходил практику в Бердянском лесничестве Таврической губернии. Им был собран гербарий, который хранился в Ботаническом музее АН Петербурга. По окончании академии, в том же 1890 г. Высоцкий приехал в Бердянское лесничество и проработал там два года [14, с. 13 — 32]. Он занимался многими вопросами степного лесоразведения и написал статьи и обобщения: «Из Бердянского лесничества» [15, с. 638]. Работая уже в Великоанадольском лесничестве, Высоцкий продолжал сотрудничать с лесничим Бердянского лесничества Сивицким П.М. Выводы научных исследований ранних лет звучат в статье «О выборе наиболее подходящих для культуры в степях форм древесной растительности» (1894) [14, с. 11]. Высоцкий в ней делает заключение о том, что «не считая Средней Азии, в наших южных степях искусственно насаженный лес расти может. Мало того, мы вправе ожидать от него и естественного возобновления для поддержания неограниченного существования. Однако, мы не можем ожидать от наших крайне южных степных насаждений выростания высоких лесов, так как влажности в воздухе хотя и достаточно для возможности роста деревьев, но ее количество стоит недалеко от того предела, который совершенно устраняет возможность существования лесов на равнине. Наблюдения над более взрослыми 30 — 50-летними искусственными насаждениями в Великоанадольском и Бердянском лесничествах подтверждают этот вывод» [14, с. 11].

Разработанная Высоцким Г.Н. восьмибальная шкала относительного обилия растительных сообществ Бердянского степного лесничества, использовалась им в 1898, 1906 гг. и с некоторыми изменениями в 1908 г. [16, с. 125]. В 1909 г. Г.Н. Высоцкий проводил геоботанические исследования Бердянской лесной дачи и эти труды были использованы в работе лесничим Сивицким П.М. [17, д. 294, л. 72 — 73].

В 1897 г. ученый-ботаник, хранитель Ботанического музея АН в Петербурге Литвинов Д.И. обработал студенческий гербарий Г. Высоцкого, собранный в Таврической и Екатеринославской губерниях. Литвинов Д.И. представил большой список нумерованных растений [18].

Дементьев Д.И. исследования в Александровском уезде проводил в 1896, 1898 гг., чуть меньше в 1895 году. Им были исследованы местности по левой стороне Днепра, от Гадючего порога до станции Кракутовки и о. Хортица. [2, д. 916, с. 19]. Дементьев Д.И. собрал и описал 454 вида растений. В научных описаниях он использовал данные исследований Шмальгаузена И., Бекетова А. и Акинфиева И. Как и Акинфиев, Дементьев подтверждает, что цимбохазма (цимбария) днепровская (*Symbaria Borysthenica*) в связи с распашкой исчезает. Он находил ее у станции Александровка, очень редко возле станции Балабино [2, д. 916, с. 31]. В 1899 году Дементьев Д.И. нашел три экземпляра истода хохлатого (*Polygala*

comosa). Описание растений о. Хортицы дает достоверное представление о растительности того времени, и разбито по группам: кустарниковая степь [2, д. 916, с. 23], лес [2, д. 916, с. 24], плавни [2, д. 916, с. 27].

Флорист и ботанико-географ Акинфиев И.Я., на протяжении четверти столетия вел фитофенологические исследования в Екатеринославской губернии. С 1905 г. по 1911 г. он был директором коммерческого училища в г. Александровске. В 1907 году в книге «Адрес-календарь г. Александровска» была напечатана работа «Природа Александровских степей весной» [19, с. 1 – 21]. В том же году напечатаны «Сведения о климате Александровского уезда» [20]. Позже, в 1911 – 1912 гг., составлен отчет об экскурсии в Александровский уезд [21, с. 15 – 18]. К этому же периоду относится работа «Дикорастущие медоносы юга России вообще и в частности Екатеринославской губернии. Медоносы ранней осенью, весной и летом» [22, с. 1 – 26]. Гербарий Акинфиева И.Я., собранный в Екатеринославской губернии, демонстрировался в Париже на Всемирной выставке и хранился в Екатеринославском университете [23, с. 17]. В честь Акинфиева И.Я. назван вид пиретрума – пиретрум Акинфиева (*Pyrrethrum Akinfiewi Alleks*). [25, с. 18]. Изучая и наблюдая природу, он доказывал о необходимости и возможности облесения степной полосы, так как почвенный характер местности несколько не препятствует этому. [23, с. 19].

В 1911 году профессор Гапонов Е.А. в балке Большая Каменная близ г. Орехова, Таврической губернии в глинах нашел отпечатки растений, а ниже в песках остатки сарматской флоры. Находки были описаны в статье «Ископаемые диатомовые водоросли из сарматских слоев севера Таврической губернии» [24, с. 98]. Затем Гапонов Е.А. передал эти материалы палеоботанику Криштофовичу А.Н., который определил все ископаемые растения, а затем использовал эти материалы в научных статьях: «Новые находки молодой третичной флоры в южной России», «Последние находки остатков сарматской флоры на юге России» [24, с. 98 – 100]. Криштофович А.Н. открыл новый вид палиуруса, получившего название палиуруса запорожского (*Paliurus sarogogensis*) [25, с. 538].

Геоботаник, ботаник, географ Алехин В.В. в 1911 – 1912 гг. проводил ботанические экскурсии в Александровском уезде. Главной целью экскурсий было всестороннее ознакомление со степной растительностью типично степного Александровского уезда. Особое внимание было обращено на последовательную смену растительности и на фенологические элементы в течение всего вегетационного периода [26, с. 15 – 18]. Было отснято до 60 фотографий, указаны редкие растения степи даже для России – адонис огненный (*Adonis flames* L), цимбохазма днепровская (*Cymbaria Boristenica* Pall). Во время этой экскурсии В.В. Алехин обследовал помимо степной растительности – луговую, солончаковую, а также растительность скалистых гранитных берегов Днепра [26, стр. 15 – 18]. В работе «Заметки по флоре Екатеринославской губернии» он отмечал: «... несмотря на то, что уезд изучен сравнительно лучше других (здесь работали Грунер, Шмальгаузен, Акинфиев, Дементьев и др.), нам удалось найти несколько растений, не указанных раньше для Екатеринославской губернии, а кроме того довольно значительное число растений, являющихся для губернии более или менее редкими; наконец одно растение – осока Буека (*Carex Buekii* Wimmer) – является новинкой не только для губернии, но и для всей России [27, с. 13]. Что касается цимбарии днепровской (*Cymbaria borystenica* Pall), то по словам автора: «... Мы имеем по

меньшей мере 12 местонахождений для губернии, из которых 9 приходится на Александровский уезд» [29, с. 17].

Сведения о флоре кристаллических пород Приазовья впервые дал ботаник Ширяев Г.И., обследовав эту местность в 1911 – 1912 гг. В своей работе «К флоре гранитов востока Таврической губернии», Ширяев охарактеризовал 136 видов, многие из которых и теперь являются редкими для нашей области [28, с. 1 – 13]. Только через десять лет, работы по изучению растительности кристаллических массивов (Каменных могил) возобновились.

По поручению Естественного музея Таврического губернского ведомства профессор А.А. Яната провел обследование растительности Бердянщины, как часть планового обследования флоры северной Таврии [29, с. 53]. «Під час обстежування покрито було коло 1500 верст, описана рослинність ряду зацілілих степових ділянок, кам'яних могил та балок., зібрано великий гербарний матеріал що належить Природничому відділу Центрального Кримського музею (в Сімферополі)» [29, с. 54]. Работая на Бердянщине, А.А. Яната познакомился с преподавателем ботаники Ногайского техникума Бойко И.К., которым был собран многочисленный гербарий. Яната А.А. проверил его гербарий, а Бойко И.К. в свою очередь помогал ему в сборах [30, с. 95].

Слабоизученная флора Бердянщины на то время, пополнилась списками и гербарными образцами редких и самых интересных видов растений, всего 34 вида [29, с. 53 – 60]. Некоторые из них: прострел (*Potentilla* L), майкарагана волжская (*Calophaca wolgarica* Fich), василек русский (*Centaurea ruthenica* Lam), адонис (*Adonis vernalis* L), лук круглый (*Allium rotundu* L), и сегодня являются редко встречающимися в нашей области.

Позже этот список был дополнен еще 197 видами растений Бердянщины [31, с. 291 – 316]. Изучая сорные растения Мелитопольского и Днепровских уездов Яната А.А. преследовал практические цели. Зная сорняки, можно определить и меры борьбы с ними. Было описано 180 таксонов [32, с. 1 – 92]. Помимо сорняков он изучал и степную растительность этих уездов. А.А. Яната дал научное определение и характеристику 325 видам [33, с. 173 – 231].

Академик К.М. Сытник отмечал, что ботанические исследования на территории Украины в XIX начале XX века проводились неравномерно, случайно. Сильных ботанических школ или центров не было. Только после революции ботанические исследования от фрагментарных становились плановыми, а это выливалось в формирование украинской флористики и систематики, но научные труды и гербарии прошлого, явились основанием этому [34, с. 421].

Литература и источники

1. Биографический словарь деятелей естествознания и техники. – М., Изд-во БСЭ, 1959 – Т. 2. – 467 с.
2. Архив ЗОКМ.
3. Гюльденштедт И. Дневник путешествия в южную Россию академика Гюльденштедта в 1773 – 1774 гг. // ЗООИД. – СПб. 1879. – Т. 11.
4. Боднарский М.С. Очерки по истории русского земледелия. – М., 1947. – Т. 1. – 253 с.
5. Зуев Василий. Путешественные записки от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. – СПб, 1787. – 273 с.

6. Паллас П.С. Описание растений Российского государства с их изображениями, по высочайшему повелению...изданное. С рукописного сочинения перевел В. Зуев. — СПб, 1786 — Ч. 1. — Т. VI. — 204 с.
7. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften das Russischen Reiches in den Jahren 1793 — 1794. B-de- I, Leipzig 1799 — 1801. — 528.
8. Бекетов А.Н. Об екатеринославской флоре // Ботанические записки (Scripta botan). — СПб., 1866. — Т. 1. — С. 1 — 166.
9. Докучаев В.В. Итоги о русском черноземе // Труды Вольно-экономического общества. — 1877. — № 1. — С. 415 — 432.
10. Докучаев В.В. Растительность, животные и климат степей. // Правительственный Вестник. — 1892. — № 70 — С. 74.
11. Докучаев В.В. Труды экспедиции, снаряженной лесным департаментом. — СПб. 1894. — Т. 1. — 329 с.
12. Береговий П.М., Лагутіна М.А.. Видатні вітчизняні ботаніки. — К.: Радянська школа, 1969. — 229 с.
13. Шмальгаузен И.Ф. Флора средней и южной России, Крыма и Северного Кавказа. — 1895. — Т. I. — 468 с.; 1897. — Т. II. — 752 с.
14. Высоцкий Г.Н. Защитное лесоразведение К., Наукова думка, 1983. — 205 с.
15. Высоцкий Г.Н. Из Бердянского лесничества. Рост степных насаждений // Русское лесное дело. — 1893. — № 14. — С. 638.
16. Дохман Г.И. История геоботаники в России. — М., Наука, 1973. — 309 с.
17. ГАЗО, ф. 15, оп. 1.
18. Литвинов Д.И. Растения из Таврической и Екатеринославской губернии, собранные студентом Высоцким // Известия Московского с-х. института, 1897. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 1 — 5.
19. Акинфиев И.Я. Гроссгейм А.А. Природа Александровских степей ранней весной // Адрес-календарь г. Александровска за 1907 год. — Екатеринослав, 1907. — С. 1 — 21.
20. Акинфиев И.Я. Сведения о климате Александровского уезда. // Адрес-календарь г. Александровска за 1907 г. — Екатеринослав, 1907.
21. Акинфиев И.Я. Отчет об экскурсии в Александровский уезд. // Годичный отчет Московского общества испыт. прир., 1911 — 1912 г. — Екатеринослав, 1912. — С. 15 — 18.
22. Акинфиев И.Я. Дикорастущие медоносы юга России вообще и в частности Екатеринославской губернии. Медоносные растения осенью, весной и летом. // Пчела. — 1911 — 1912. — С. 1 — 26, ил.:
23. Липшиц С.Ю. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. — М., 1947. — 335 с.
24. Деркач Т.Г. К 120 — летию Криштофовича А.Н. // Музейний вісник. — Запоріжжя, 2004. — № 4. — С. 97 — 100.
25. Криштофович А.Н. Палеоботаника. Л., 1957 — 650 с.
26. Алехин В.В. Отчет о ботанической экскурсии в Александровский уезд, Екатеринославской губернии // Годичный отчет императорского общества испытателей природы за 1911 — 1912 гг., М., 1912. — С. 15 — 18.
27. Алехин В.В. Заметки по флоре Екатеринославской губернии // Вестник русской флоры. — 1916 — Т 2. — Вып. 1. — С. 13 — 26.
28. Ширяев Г.И. К флоре гранитов востока Таврической губернии // Труды Общ. испыт. прир. Харьков. унив. — 1912. — Т. 45. — С. 1 — 13.

29. Яната О. Список найрідших та найцікавіших рослин Бердянщини, зібраних р. 1912-го. // УБЖ. — К., 1926. — Кн. 3. — С. 53 — 60.

30. Черноморец В.С. И.К. Бойко и его гербарий. // Музейный вестник. — Запорожжя, 2004 — № 4. — С. 95 — 97.

31. Дойч А., Яната А. Дополнительный список растений севера Таврической губернии // Труды. Ест — ист. музея Таврич. губ. земства. — Симферополь, 1913. — Т. 2. — С. 291 — 316.

32. Яната А. Материалы по сорной флоре Мелитопольского и Днепровского уездов Таврической губернии // Труды Ест-ист. музея Таврич. губ. земства. — Симферополь, 1912. — Т, 1. — С. 1 — 92.

33. Яната А.А. Флора степи Мелитопольского и юго-западной части Днепровского уездов Таврической губернии // Труды Ест — ист. музея Таврич. губ. земства. — Симферополь, 1913. — Т. 2. — С. 1 — 250, 21 табл.

34. Ситник К.М. Розвиток окремих наук і наукових напрямів в Академії наук УРСР / Біол. науки. Ботаніка. // Історія Академії наук Укр. РСР. — К.: Наукова думка, 1982. — С. 421 — 428.

ІНФОРМАЦІЇ

Попандопуло З.Х.

АРХЕОЛОГІЧНІ РОЗВІДКИ 2007 РОКУ

Археологічна експедиція Запорізького обласного краєзнавчого музею з 1 по 31 липня 2007 року провела розвідки з шурфовкою восьми об'єктів, розташованих в басейні р. Верхня Терса між селами Заливне, Кринівка, Литовка, Воскресенка Новомиколаївського району. Необхідність проведення розвідок була обумовлена недостатньою вивченістю району в археологічному відношенні. Крім того, необхідно було здійснити огляд територій, на яких місцевим краєзнавцем Кухленком Сергієм Івановичем було зібрано підйомний матеріал різних часів. На всіх об'єктах було закладено 33 шурфи та траншеї. Шурфи стандартні 2 x 2 м, розміри траншей залежали від їхнього розташування.

За 800 м на захід від с. Литовки (Стоянка № 14 за нумерацією Кухленка), на схилі балки Широкої та на першій надзаплавній терасі, через яку протікає пересихаюча річка Широка, було проведено зачистку берегового урвища на протязі 2,5 м та 3 м та закладені чотири шурфи 2 x 2 м. Культурного шару не виявлено. Лише в шурфі № 4 на глибині 0,3 м було знайдено фрагмент гончарної середньовічної кераміки.

За 2 км на схід від с. Кринівки та за 1 км на захід від с. Заливного на лівому березі р. Верхньої Терси (Стоянка № 7 за Кухленком) на першій надзаплавній терасі було закладено чотири шурфи, три на відкритому, задернованому просторі та один в лісосмузі, яка обмежує розоране поле. Лише в шурфі № 1 в лісосмузі виявлено фрагменти кераміки епохи пізньої бронзи та різні кістки тварин. Культурний шар тут почався під шаром дерену та продовжився до глибини 80 см. Таким чином, товщина його складала 50 см. Отримавши дозвіл від фермера Шейди Ю.В., заклали ще два шурфи на самому полі на відстані 100 м один від одного та шурф № 1. В обох шурфах виявлені знахідки, які підтверджують наявність залишків поселення епохи пізньої бронзи на цьому відрізку, який примикає до р. В. Терси.

На протилежному від с. Литовки правому березі р. В. Терса, на закруті розташовані залишки козацького зимівника (Стоянка № 33 за Кухленком). Територія зайнята громадським вигоном. На поверхні видно вали із рвами, які обмежували територію зимівника та декілька западин від колишніх будівель. На краю однієї з западин було закладено траншею розмірами 8 x 1,5 м. Також було проведено зачистку берега в трьох місцях: в районі валу, на місці зольника та господарчої ями, які виступають в урвищі. В траншеї виявлені сліди згарища, а на глибині 1,6 м — кут землянки, на дні якої знаходилася більша частина гончарної посудини кінця XVII — початку XVIII ст. В зольнику виявлені фрагменти білоглиняної з розписом кераміки, а в господарській ямі — знач-

на кількість доволі великих фрагментів кахлів, гончарної кераміки, кованих цвяхів та скла.

На південно-західній околиці с. Заливного, на польовій дорозі, яка веде в с. Литовку, Кухленком були зібрані уламки кременю та гончарної кераміки епохи середньовіччя (Стоянка № 21). На ділянці довжиною 100 м було закладено чотири шурфи. Культурний шар не виявлений, підйомний матеріал також відсутній.

Незначний підйомний матеріал було зібрано Кухленком неподалік від зруйнованої МТФ с. Заливного на правому березі р. В. Терси (Стоянка № 24). Тут, біля зруйнованої водокачки, було закладено один шурф та дві траншеї 4 x 1,5 м. Культурного шару та підйомного матеріалу нема.

За 400 м на південний схід від села Литовки на високому лівому березі ріки на першій надзаплавній терасі, були закладені три шурфи (стоянка № 13). Тільки в шурфі № 3 були виявлені два уламки кременю. На польовій дорозі, на якій Кухленко підібрав кремінь та ліпну кераміку, знахідок не виявлено. Зате під час огляду поля, яке розташоване за лісосмугою, в її нижній частині було зібрано підйомний матеріал з фрагментів ліпної кераміки епохи пізньої бронзи та крем'яні відщепи. Шурфовка тут не проводилася бо на полі ріс сонячник. Однак, наявність великої кількості матеріалу на невеликій ділянці може свідчити про наявність тут поселення.

За 4,5 км на південний схід від с. Литовки, на лівому березі р. В. Терса, навпроти с. Воскресенки, на полі, яке розорюється і належить Жильцову С.Г. (Стоянка № 12), зібраний численний матеріал, який складається з фрагментів ліпної кераміки епохи бронзи, гончарної кераміки, цвяхів, фрагментів кахлів та скла часів будівництва зимівників, а також фрагментів грецької амфори. Отримавши дозвіл власника землі, заклали три траншеї 4 x 1,5 м та один шурф на межі, яка розділяє два поля. В верхньому шарі шурфу були виявлені матеріали скіфського часу, а під ними матеріали епохи пізньої бронзи. Дві траншеї містили в собі матеріали пізнього середньовіччя (зимівник) та епохи пізньої бронзи. Одна траншея, яка була закладена на узвишші з жовтою плямою, сіла на споруду, пов'язану з зимівником. З другого штика зафіксовані сліди згарища — багато золи, пічини, вуглин. Нижче йдуть фрагменти гончарної кераміки, аналогічної знахідкам на зимівнику № 1, тонкого віконного скла й виробів з гутного скла, полив'яної кераміки, кісток тварин. На дні траншеї, на глибині 1,75 м виявлена частина ями — вогнища (?).

Поряд з табором експедиції, який розташовувався за 100 м на південний захід від останніх будівель с. Литівки, ріка сильно звивається та утворює щось схоже на півострів. Тут в трьох місцях була зачищена берегова лінія. Довжина зачисток складала 4,6 та 8 м. В траншеї № 25 виявлені залишки землянки епохи пізньої бронзи з фрагментами кераміки та кістками тварин, в траншеї № 26 — крем'яні ніж та відщеп. Ще два шурфи були забиті на відстані 6 та 102 м від берега. В першому виявлена ліпна кераміка та уламки кременю. Другий був порожнім.

В результаті розвідок виявлені чотири поселення епохи пізньої бронзи з культурним шаром, два зимівника козацького часу — епохи пізнього середньовіччя та одне місцезнаходження з керамікою та кременем епохи бронзи.

ЮВІЛЕЇ

ТАРАНЕНКО СВІТЛАНА ВОЛОДИМИРІВНА

Нинішнього року Світлана Володимирівна відзначила ювілейну дату. Народилася вона 18 серпня 1952 року в с. Вербове Запорізької області в учительській родині. Батьки виховали любов до рідного краю, дали перші історичні знання. Про трипільську культуру й Квитову балку знала з дитинства, в 12 років вперше побувала в археологічній розвідці на Великих Кучугурах. Малокатеринівську середню школу закінчила із золотою медаллю. Вищу освіту отримала в Донецькому державному університеті. Історичний факультет і досвідчені викладачі навчили науковій і дослідницькій роботі, педагогічній справі. Декілька років викладала історію — в школі, в училищі, в інституті. Усе це разом узятє склало вміння цілеспрямовано працювати і з основним предметом свого життя — з історією і з людьми — чесно, чуйно і відверто.

Від 1979 року Світлана Володимирівна працює в Запорізькому краєзнавчому музеї. Робота в науково-методичному відділі навчила музейній справі: збирати й вести облік експонатів для громадських та відомчих музеїв. В 1980-і роки С. Тараненко взяла участь у створенні експозиції 27 сільських, 4 районних, 4 відомчих музеїв. В 1988 — 1990 роках вона працювала над експозицією Запорізького краєзнавчого музею «Відродження Запорізького краю після Другої світової війни», в 1992 році — створила експозицію залів «Запорізький край у перший період Великої Вітчизняної війни» і «Запорізький край в період окупації 1941 — 1943 років». За результатами дослідницької роботи в Республіканському архіві кінофотофонодокументів С. Тараненко створила відеофільм «Запоріжжя в роки Великої Вітчизняної війни 1941 — 1945 рр.». У другій половині 1980-х років на хвилі перебудови Світлана активно працювала в обласній громадській організації «Реабілітація»,

досліджувала й висвітлювала в пресі події періоду сталінських репресій. Кілька років Світлана Володимирівна співпрацювала з Редакційною колегією «Книга Пам'яті» і є одним із її авторів. Продовжує науково-дослідницьку роботу в темах «Голодомори на Україні за радянської доби» та «Запоріжжя в роки Другої світової війни», друкує наукові статті у «Музейному віснику», співпрацює з радіо і телеканалом «Запоріжжя», з редакціями багатьох газет. Взяла участь у Всеукраїнській науковій конференції «Чорна сповідь моєї Вітчизни», присвяченій 75-й річниці голодомору 1932 – 1933 рр. на Україні.

З 1994 року Світлана Тараненко працює завідуючою науково-освітнім відділом музею. Захоплюється музейною педагогікою. В 2003 – 2004 роках створила й успішно випробувала у Запорізькій гімназії № 2 музейно-педагогічну програму для молодших школярів. Заняття дали хороші результати. Цікаво, із захопленням проводить Світлана Володимирівна масові заходи. В тиші і в єдиній думці слухають студенти й школярі її лекції й бесіди. Строга науковість і жива спонтанна мова приваблюють слухачів та відвідувачів.

Друзі й колеги вітають Світлану Володимирівну з ювілеєм, бажають доброго здоров'я, наукових звершень і щастя на довгі роки.

Є. Косько

Список скорочень

АДУ	Археологічні дослідження в Україні
АВУ	Археологічні відкриття в Україні
АС	Археологический съезд
ВЗПИ	Всесоюзный заочный политехнический институт
ДАДО	Державний архів Дніпропетровської області
ДАЗО/ГАЗО	Державний архів Запорізької області
ДАКО	Державний архів Київської області
ЗДУ	Запорізький державний університет
ЗНТУ	Запорізький національний технічний університет
ЗОІОПК	Запорізька обласна інспекція по охороні пам'яток історії і культури
ЗОКМ/ЗКМ	Запорізький обласний краєзнавчий музей
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК	Известия государственной Академии истории материальной культуры
ІА НАНУ	Інститут археології Національної академії наук України
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МГУ	Московский государственный университет
НЗХ	Національний заповідник «Хортиця»
НИЦ ГП ВСУ	Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем Вооруженных сил Украины
ОАМ	Одесский археологический музей
ПДПУ/ЮГПУ	Південний державний педагогічний університет
ПСРА	Полное собрание русских летописей
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
СНУ	Східно-український національний університет
ССПК/ДСПК	Старожитності Степового Причорномор'я і Криму
УБЖ	Український ботанічний журнал
УІЖ	Український історичний журнал
ЦДІУАК	Центральний державний архів у м. Києві

Відомості про авторів

- Архіпова Любов Миколаївна* — (м. Запоріжжя) — заступник директора ЗОКМ.
- Белов Олександр Федорович* — (м. Київ) — Заслужений діяч науки і техніки України, лауреат Державної премії України в галузі науки і техніки, радник Голови Служби безпеки України.
- Дедков Микола Васильович* — (м. Запоріжжя) — к.і.н., доцент, завідуючий кафедрою Українознавства ЗНТУ.
- Деркач Тамара Григорівна* — (м. Запоріжжя) — старший науковий співробітник відділу природи ЗОКМ.
- Добрянський Вадим Віталійович* — (м. Запоріжжя) — співробітник НЗХ.
- Дровосєкова Оксана Володимирівна* — (м. Запоріжжя) — науковий співробітник відділу охорони пам'яток ЗОІОПІК.
- Єрохіна Лариса Анатоліївна* — (м. Запоріжжя) — старший науковий співробітник відділу природи ЗОКМ.
- Козиряцька Світлана Ігорівна* — (м. Запоріжжя) — старший науковий співробітник відділу історії краю ЗОКМ.
- Косько Євгенія Анатоліївна* — (м. Запоріжжя) — науковий співробітник відділу науково-освітньої і методичної роботи ЗОКМ.
- Кравець Юрій Павлович* — (м. Запоріжжя) — історик.
- Красножон Андрій Васильович* — (м. Одеса) — асистент кафедри всесвітньої історії ПДПУ ім. К.Д. Ушинського.
- Логвиненко Віталій Миколайович* — (м. Київ) — к.б.н., старший науковий співробітник Національного науково-природознавчого музею НАН України.
- Михайлов Борис Дмитрович* — (м. Мелітополь) — д.ф.н., директор державного історико-археологічного музею-заповідника «Кам'яна Могила».
- Мірущенко Олександр Павлович* — (м. Запоріжжя) — завідуючий відділом музею історії запорозького козацтва НЗХ.
- Мозуленко Дмитро Іванович* — (м. Запоріжжя) — асистент кафедри українознавства ЗНТУ.
- Мордовської Михайло Михайлович* — (м. Запоріжжя) — старший науковий співробітник відділу новітньої історії краю ЗОКМ.
- Плешивенко Алла Григорівна* — (м. Запоріжжя) — завідувача відділом ЗОІОПІК.
- Пономаренко Ірина Петрівна* — (м. Запоріжжя) — головний спеціаліст управління культури і туризму Запорізької облдержадміністрації.
- Попандопуло Зоя Харитонівна* — (м. Запоріжжя) — завідувача відділом історії краю ЗОКМ.
- Слудка Ірина Миколаївна* — (м. Запоріжжя) — викладач кафедри українознавства ЗНТУ.
- Стойчев Валерій Михайлович* — (м. Запоріжжя) — історик.
- Тараненко Світлана Володимирівна* — (м. Запоріжжя) — завідувача відділом науково-освітньої і методичної роботи ЗОКМ.

-
- Чайка Ольга Василівна* — (м. Запоріжжя) — старший науковий співробітник відділу історії краю ЗОКМ.
- Чорноморець Валерія Степанівна* — (м. Запоріжжя) — завідувача відділом природи ЗОКМ.
- Шапвалов Георгій Іванович* — (м. Запоріжжя) — д.і.н., професор кафедри українознавства ЗНТУ, директор ЗОКМ.
- Ширяєв Анатолій Георгійович* — (м. Запоріжжя) — історик.
- Щур Юрій Ігорович* — (м. Запоріжжя) — аспірант кафедри новітньої історії України ЗНУ, науковий співробітник ЗОІОПІК.
- Яценко Світлана Павлівна* — (м. Запоріжжя) — старший науковий співробітник відділу історії краю ЗОКМ.

ЗМІСТ

МУЗЕЄЗНАВСТВО

Архіпова Л.М., Пономаренко І.П. Музейна мережа Запорізької області 3

АРХЕОЛОГІЯ

Дровосєкова О.В. Археологічні матеріали з басейну річки Вільнянки
у Надпоріжжі 5

Красножон А.В. Топонимика античних поселень Одеського залива
по даним археології 25

Плешивенко А.Г. Средневековые памятники у Белозерского лимана 29

Попандопуло З.Х. Каменная курительница из коллекции ЗОКМ 45

Михайлов Б.Д. Проблемы археологии: парадоксы и реалии 50

ІСТОРІЯ

Бєлов О.Ф., Шаповалов Г.І. До питання про час виникнення
символу «хрест-якір» 55

Ширяєв А.Г. О месте гибели Святослава Игоревича 58

Бєлов О.Ф., Шаповалов Г.І. Чому князь Володимир карбував на монетах
символ «хрест-якір»? 62

Мордовської М.М. Стародавні човни з колекцій українських музеїв 64

Добрянський В.В. Про деякі аспекти атрибуції польських
бойових наголів'їв козацької доби 68

Яценко С.П. Козацькі клейноди. До історії формування
фондової збірки ЗОКМ періоду XVII – XVIII сторіч 72

Мірущенко О.П. Цінова політика Російського уряду
у Південноукраїнському регіоні у 40 – 50-х рр. XVIII ст. 75

Чайка О.В. Строительство электростанции и создание сети электрического
освещения в городе Александровске в начале XX века 82

Козыряцкая С.И. Деятельность училища-хутора глухонемых
в городе Александровске в начале XX века 97

Стойчев В.М. Православные церкви города Александровска 1770 – 1917 гг. . 111

Кравець Ю.П. Знамена повстанческой армии Н. Махно. 1918 – 1921 гг. 127

Мозуленко Д.І. Співвідношення напрямків політики коренізації
за матеріалами газети «Червоне Запоріжжя» 1923 – 1929 рр. 137

<i>Тараненко С.В.</i> «... Акт мав своїм призначенням обманути партію і уряд ...» .	143
<i>Дедков М.В., Спудка І.М.</i> Музей-Архів переходової доби: науково-дослідна діяльність	149
<i>Щур Ю.І.</i> Запорізький ОУН — революційної (1941 — 1944 рр.)	154

ПРИРОДА

<i>Деркач Т.Г., Логвиненко В.Н.</i> Каталог зубов ископаемых хоботных из фондовой коллекции ЗОКМ по состоянию на 2007 год	162
<i>Ерохина Л.А.</i> Останки болотной черепахи в археологических комплексах на территории Запорожской области	169
<i>Черноморец В.С.</i> Краткая история ботанических исследований на территории нынешней Запорожской области в дореволюционное время. .	174

ІНФОРМАЦІЇ

<i>Попандопуло З.Х.</i> Археологічні розвідки 2007 року.	181

ЮВІЛЕЇ

<i>Косько Є.А.</i> Тараненко Світлана Володимирівна	183

Наукове видання

Музейний вісник

№ 7

Щорічник Запорізького обласного
краєзнавчого музею

Відповідальний редактор: Георгій Шаповалов
Обкладинка: Володимир Лініков
Комп'ютерний набір: Зоя Попандопуло, Ольга Чайка
Дизайн та верстка: Володимир Лініков

До уваги авторів!

Редакція приймає матеріали, подані на паперових та електронних носіях,
і не завжди поділяє думку і позиції авторів публікацій.

Запорізький обласний краєзнавчий музей
69063, м. Запоріжжя, вул. Чекістів, 29,
тел.: (8061) 764-35-53, факс: (8061) 764-34-76,
E-mail: epag @epag.zssm.zp.ua

Підписано до друку 24.12.2007 р. Папір офсетний, формат 60x84/8.
Гарнітура Балтика. Друк ризографічний. Замов. № 27. Тираж 300
Друкарська дільниця Запорізького наукового товариства ім. Я.П. Новицького
Запоріжжя, вул. Тюленіна, 23